

ВЕСТНИК ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2308-8117

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2 (33) 2021

Учредитель: АНО ВО «Гуманитарный университет»
(г. Екатеринбург)

Адрес редакции: 620049, г. Екатеринбург,
ул. Студенческая, д. 19
E-mail: ektbriogu@mail.ru

Адрес издателя: 620049, г. Екатеринбург,
ул. Студенческая, д. 19

Выходит 4 раза в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзоре).
Свидетельство ПИ № ФС77-80598 от 07 апреля 2021 г.

Журнал включен в Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)

Распространяется бесплатно

Редакционная коллегия

Главный редактор

Закс Л. А., д-р филос. наук, профессор

Заместители главного редактора

Мясникова Л. А., д-р филос. наук, профессор (*направление «Философские науки»*)

Мицек С. А., д-р экон. наук, доцент (*направление «Экономические науки»*)

Семитко А. П., д-р юрид. наук, профессор (*направление «Юридические науки»*)

Члены редколлегии

Козлова О. А., д-р экон. наук, профессор

Мицек Е. Б., д-р экон. наук, доцент

Светлов Н. М., д-р экон. наук, профессор

Тарасьев А. М., д-р физ.-мат. наук, профессор

Хмелькова Н. В., д-р экон. наук, доцент

Архипов С. И., д-р юрид. наук, профессор

Балакшин В. С., д-р юрид. наук, профессор

Глушкова С. И., д-р полит. наук, доцент

Курченко В. Н., д-р юрид. наук, профессор

Незнамова З. А., д-р юрид. наук, профессор

Семякин М. Н., д-р юрид. наук, профессор

Брандт Г. А., д-р филос. наук, доцент

Зайцев П. Л., д-р филос. наук, профессор

Коркунова О. В., д-р филос. наук, доцент

Круглова Т. А., д-р филос. наук, доцент

Перцев А. В., д-р филос. наук, профессор

Редакционный совет

Болдыгин Г. В., канд. филос. наук, основатель Гуманитарного университета,
почетный профессор ГУ

Красовский А. А., д-р наук (Вена-Лаксенбург, Австрия)

Палокангас Т., д-р наук, профессор (Хельсинки, Финляндия)

Родригез-Бланко В., профессор (Гилфорд, Великобритания)

Руденко В. Н., д-р юрид. наук, профессор, член-корреспондент РАН

Руткевич А. М., д-р филос. наук, профессор (г. Москва)

Чжу Б., д-р наук, профессор (Пекин, Китай)

THE REVIEW OF THE LIBERAL ARTS UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

2 (33) 2021

ISSN 2308-8117 (Vestnik Gumanitarnogo universiteta)

Frequency: 4 times a year

Publisher: Liberal Arts University – University for Humanities
(Yekaterinburg)

Editorial address: 620049, Yekaterinburg,
19, Studencheskaya st.
E-mail: ektbriogu@mail.ru
Publisher: 620049, Yekaterinburg,
19, Studencheskaya st.

Distributed free of charge

Editor-in-Chief

L. A. Zaks, Doctor of Philosophical Sciences, Prof.

Deputy Editors-in-Chief

L. A. Myasnikova, Doctor of Philosophical Sciences, Prof. ("Philosophical sciences" branch)

S. A. Mitsek, Doctor of Economic Sciences, Associate Prof. ("Economic Sciences" branch)

A. P. Semitko, Doctor of Legal Sciences, Prof. ("Legal sciences" branch)

The editorial board

Kozlova O. A., Doctor of Economic Sciences, Prof.

Mitsek E. B., Doctor of Economic Sciences, Associate Prof.

Svetlov N. M., Doctor of Economic Sciences, Prof.

Taras'ev A. M., Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Prof.

Khmelkova N. V., Doctor of Economic Sciences, Associate Prof.

Arkhipov S. I., Doctor of Legal Sciences, Prof.

Balakshin V. S., Doctor of Legal Sciences, Prof.

Glushkova S. I., Doctor of Political Sciences, Associate Prof.

Kurchenko V. N., Doctor of Legal Sciences, Prof.

Neznamova Z. A., Doctor of Legal Sciences, Prof.

Semyakin M. N., Doctor of Legal Sciences, Prof.

Brandt G. A., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Prof.

Zaitsev P. L., Doctor of Philosophical Sciences, Prof.

Korkunova O. V., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Prof.

Kruglova T. A., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Prof.

Pertsev A. V., Doctor of Philosophical Sciences, Prof.

The editorial council

Boldygin G. V., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof.

founder of Liberal Arts University – University for Humanities, Professor Emeritus

Krasovskii A. A., PhD (Doctorat) (Vienna-Laxenburg, Austria)

Palokangas T., PhD (Doctorat), Prof. (Helsinki, Finland)

Rodriguez-Blanco V., Professor (Guildford, Great Britain)

Rudenko V. N., Doctor of Legal Sciences, Prof., Member of the Russian Academy of Sciences

Rutkevich A. M., Doctor of Philosophical Sciences, Prof. (Moscow)

Zhu B., PhD (Doctorat), Prof. (Beijing, China)

Содержание

Экономика	7
<i>Мангилева Д. Л.</i>	
Выпуск корпоративных облигаций как способ финансирования предприятий, реализующих проекты в сфере жилищного строительства	8
Юриспруденция	17
<i>А. П. Семитко</i> вручена премия им. С. С. Алексеева	
18	
<i>Глушкова С. И.</i>	
Политико-правовое наследие А. Д. Градовского: от общественного к правовому идеалу (к 180-летию ученого)	20
<i>Денисов С. А.</i>	
Новый этап развития «правительственного конституционализма»	32
Комментарии к документам	
Постановление Конституционного Суда РФ от 25.12.2020 № 49-П	
«По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области “О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области” в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области»	
43	
<i>Белых М. Л.</i>	
Комментарий к Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации № 49-П/2020 от 25 декабря 2020 г. «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области “О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области” в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области»	
57	
<i>Токарев В. А.</i>	
Комментарий к Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации № 49-П/2020 от 25 декабря 2020 г. «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области “О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области” в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области»	
63	
Философия	73
<i>Игнатова Н. Ю.</i>	
Метафизические компоненты научных картин мира	74
<i>Лесевский А. В., Ляхин Е. В.</i>	
Анализ «некрофильского типа личности» в романе Ф. М. Достоевского «Идиот»: попытка психокартографии купца Рогожина	81
<i>Калистратова Е. А.</i>	
Повседневная жизнь человека в самоизоляции	90
<i>Теньковский И. М.</i>	
Антропологический смысл власти в работах Н. Макиавелли	99

Научные события	105
<i>Дроздова А. В.</i>	
О XXIII Международной научно-практической конференции «Кризисы нашего времени как вызов обществу, культуре, человеку»	106
<i>Глушкова С. И.</i>	
Дискуссии о кризисе прав человека как вызове обществу, культуре, человеку (обзор материалов международной конференции)	110
<i>Незнамова З. А.</i>	
Качество высшего образования в цифровую эпоху: онлайн VS классическое образование	119
Требования к оформлению и порядку представления статей в журнал «Вестник Гуманитарного университета»	125

Contents

Economics	7
<i>Mangileva D. L.</i>	
Corporate Bond Issuance as a Way to Finance Enterprises Implementing Housing Projects.....	8
 Law	17
A. P. Semitko is the winner of the S. S. Alekseev Award	18
<i>Glushkova S. I.</i>	
A Political and Legal Legacy of A. D. Gradovsky: from Public to Legal Ideals (to a 180-anniversary of the scholar)	20
<i>Denisov S. A.</i>	
A New Stage in the Development of "Government Constitutionalism"	32
Commentaries to the documents	
The Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No 49-P/2020 of 25 December 2020 "A Review of the constitutionality of subparagraph 3 of paragraph 5 of the Governor of the Moscow Region' order 'On the introduction of a high-alert regime in the Moscow Region for the administration bodies and forces of the Moscow Regional Disaster Management System and some measures to prevent the spread of a new coronavirus infection (COVID-2019) on the territory of the Moscow Region' due to the request of the Protvinsky City Court of the Moscow Region"	43
<i>Belykh M. L.</i>	
Comments on the Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No 49-P/2020 of 25 December 2020 "A Review of the constitutionality of subparagraph 3 of paragraph 5 of the Governor of the Moscow Region' order 'On the introduction of a high-alert regime in the Moscow Region for the administration bodies and forces of the Moscow Regional Disaster Management System and some measures to prevent the spread of a new coronavirus infection (COVID-2019) on the territory of the Moscow Region' due to the request of the Protvinsky City Court of the Moscow Region"	57
<i>Tokarev V. A.</i>	
Comments on the Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No 49-P/2020 of 25 December 2020 "A Review of the constitutionality of subparagraph 3 of paragraph 5 of the Governor of the Moscow Region' order 'On the introduction of a high-alert regime in the Moscow Region for the administration bodies and forces of the Moscow Regional Disaster Management System and some measures to prevent the spread of a new coronavirus infection (COVID-2019) on the territory of the Moscow Region' due to the request of the Protvinsky City Court of the Moscow Region"	63
 Philosophy	73
<i>Ignatova N. Yu.</i>	
About Metaphysical Components of Scientific Pictures of the World	74
<i>Lesevitsky A. V., Lyakhin E. V.</i>	
The Analysis of the "Necrophilic Personality Type" in F. M. Dostoevsky's Novel "The Idiot": an Attempt in Psycho-Mapping of Merchant Rogozhin	81
<i>Kalistratova E. A.</i>	
Everyday Life of a Person in Self-Isolation	90
<i>Ten'kovsky I. M.</i>	
An Anthropological Meaning of Power in N. Machiavelli's Works	99

Scientific Events	105
<i>Drozdova A. V.</i>	
On XXIII International Scientific and Practical Conference	
“Crises of Our Time as a Challenge for Society, Culture, Man”	106
<i>Glushkova S. I.</i>	
A Debate on Human Right Crisis as a Challenge for Society, Culture, Man	
(A Review of the Proceedings of the International Conference)	110
<i>Neznamova Z. A.</i>	
The Quality of Higher Education in the Digital Era:	
Online vs. Classical Education	119
 Submission Requirements for «LAU Vestnik» authors	 125

|| ЭКОНОМИКА

Выпуск корпоративных облигаций как способ финансирования предприятий, реализующих проекты в сфере жилищного строительства

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме финансирования компаний-застройщиков, вынужденных осуществлять свою деятельность в условиях обновленного и более жесткого регулирования законодательства о долевом строительстве. В этих условиях актуальным становится поиск альтернативных по отношению к традиционным кредитам коммерческих банков форм и способов финансирования. На сегодняшний день, для ведения деятельности строительные компании привлекают дополнительное финансирование из разных источников. В данной статье предпринимается попытка оценить эффективность финансирования деятельности девелоперов через выпуск корпоративных облигаций.

Ключевые слова: облигации; рынок ценных бумаг; корпоративные облигации; финансирование; дополнительное финансирование; кредитор; покупатель; застройщик; дольщик; эмитент.

Решения о привлечении дополнительного финансирования, о выборе способа и формы привлечения дополнительных финансовых ресурсов приобретают особую важность в деятельности любого предприятия. Большинство компаний обращается к кредитным и финансовым учреждениям с целью получения заемных денежных средств. Далеко не все собственники бизнеса и менеджеры задумываются об использовании альтернативных способов привлечения капитала, которые могут иметь значение для будущего роста компании.

Кредиты и займы в кредитных и финансовых учреждениях предполагают значительное влияние кредитора и низкую мобильность компании при принятии решений по параметрам кредитования. При привлечении заемных средств у кредитных организаций основные условия кредита (объем, срок, величина процентной ставки) определяются кредитором. Финансированием пользуются компании, подтвердившие свою платежеспособность и предоставившие обеспечение, которое в большинстве случаев превышает размер займа или кредита.

Долгое время основным источником финансирования строительства нового жилья оставались денежные средства покупателей. В 2004 году был принят Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» № 214-ФЗ [5], который ввел такое понятие, как «дольщик».

Приобретение жилья на этапе строительства обычно обходится дешевле, поэтому модель долевого финансирования была очень популярной. Покупатель заключал договор долевого участия (далее по тексту ДДУ) с застройщиком, после чего переводил деньги на счет строительной компании и ждал завершения строительства дома.

В 2018 году, в связи с утверждением Правительством Российской Федерации новой схемы финансирования жилищного строительства [4], ситуация изменилась. С 01 июля 2019 года денежные средства дольщиков должны храниться на счетах эскроу до момента введения объекта строительства в эксплуатацию.

* Дарья Леонидовна Мангилева, магистрант 2-го года обучения, факультет бизнеса и управления АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

Реформа, имеющая важнейшее социальное значение, была инициирована из-за значительного количества проблем и нарушений прав дольщиков, которые имели место в долевом строительстве.

Таким образом, с 01 июля 2019 года строительные предприятия не вправе осуществлять строительство без использования счетов эскроу. Денежные средства покупателей хранятся на данных счетах в банках, и застройщик не может использовать их в период строительства. В связи с этим застройщик сталкивается с проблемой кассового разрыва, т. е. с нехваткой средств для осуществления своей деятельности, в том числе строительных проектов.

Доля проектов, реализуемых с использованием счетов эскроу, с октября 2019-го по 01.09.2020 г. выросла с 16 до 38 % и будет увеличиваться в дальнейшем [2]. Одновременно доля проектов, которые будут завершены по старым правилам, сократилась с 60 до 54 % [2].

Чтобы сохранить темпы строительства, застройщики вынуждены привлекать дополнительные источники финансирования. На сегодняшний день девелоперы могут использовать три основных источника для финансирования строительных проектов:

- 1) собственные средства;
- 2) банковские кредиты, в том числе проектное финансирование, предоставляемое под конкретный проект;
- 3) облигационный заем.

По данным мониторинга Банка России, совокупная величина активов предприятий, осуществляющих строительство жилых и нежилых зданий, за первое полугодие 2020 г. увеличилась на 3,5 % (за аналогичный период 2019 г. – на 10,2 %) [2] в реальном выражении.

Собственный капитал предприятий в номинальном выражении вырос на 14,7 % (за аналогичный период 2019 г. он уменьшился на 4,3 %) [2]. При этом повысился уровень самофинансирования (19,4 % на конец июня 2020 г., в аналогичном периоде 2019 г. – 18,0 %) [2]. Прирост собственного капитала был сформирован в основном благодаря увеличению объема нераспределенной прибыли (на 27,0 % в номинальном выражении), доля которой в составе собственного капитала составила 58,4 % [2].

Доля собственного капитала, вложенного в оборотные активы, за первое полугодие 2020 г. выросла с 13 до 30,2 % в номинальном выражении [2]. В то же время рост оборотного капитала 20 предприятий, занятых строительством жилых и нежилых зданий, за первое полугодие 2020 г. был обеспечен главным образом за счет увеличения дебиторской задолженности (на 8,2 % в номинальном выражении) [2]. Вместе с тем возросла просроченная часть дебиторской задолженности (за первое полугодие 2020 г. – на 10,7 % в номинальном выражении, за аналогичный период 2019 г. этот показатель уменьшился на 43,7 %) [2]. В этой ситуации, с учетом сокращения запаса денежных средств за первое полугодие 2020 г. на 3,0 % [2], предприятия могут испытывать затруднения со своевременным возвратом средств по имеющейся задолженности в ближайшей перспективе.

В первой половине 2020 г. продолжалось заемное финансирование для предприятий строительства жилых и нежилых зданий. К концу II квартала на 1 руб. собственного капитала указанных компаний приходилось 4,1 руб. обязательств [2]. Практически каждое третье предприятие имело крайне высокий уровень долговой нагрузки (от 10 руб. и выше заемных средств на 1 руб. собственного капитала (табл. 1)). В этих условиях конъюнктура рынков корпоративных заимствований оставалась важным фактором, определяющим развитие отрасли.

Таблица 1

**Распределение строительных предприятий по уровню долговой нагрузки
(доля предприятий, %)¹**

	Уровень долговой нагрузки (в рублях на 1 руб. собственного капитала)					Предприятия, утратившие собственный капитал
	До 1,0	1,1–2,0	2,1–5,0	5,1–10,0	10,1 и выше	
На 30.06.2020 г.	12,7	7,9	15,1	20,6	35,7	8,0
На 31.12.2019 г.	13,9	8,3	16,3	21,8	31,4	8,3

Значимым источником заимствований для предприятий строительства жилых и нежилых зданий оставалась кредиторская задолженность. На ее долю, по данным мониторинга предприятий, проводимого Банком России, к концу первого полугодия 2020 г. приходилось 41,3 % всех обязательств в номинальном выражении [2]. При снижении общего объема кредиторской задолженности по сравнению с началом года (на 4,1 % в номинальном выражении) отмечался рост просроченной ее части [2]. Так, за первое полугодие 2020 г. величина просроченной кредиторской задолженности предприятий строительства жилых и нежилых зданий увеличилась в 3,8 раза в номинальном выражении [2].

Еще одним важным источником финансирования строительных компаний после использования собственных средств предприятия, кредитования и кредиторской задолженности является рынок облигаций, на котором строительные компании наращивают темп заимствования.

В январе–июле 2020 г. размещено 16 новых выпусков облигаций строительных компаний общим объемом более 55 млрд руб. (за тот же период 2019 г. – 17 новых выпусков объемом 41 млрд руб.) [2]. На конец июля 2020 г. годовой темп прироста портфеля облигаций строительных компаний составил 19,7 %, почти не изменившись по сравнению с аналогичным показателем начала 2020 года [2].

Таким образом, мы видим, что для ведения деятельности строительные компании привлекают дополнительное финансирование из разных источников. ***В данной статье предпринимается попытка оценить эффективность финансирования деятельности девелоперов через выпуск корпоративных облигаций.***

Облигация – эмиссионная ценная бумага, закрепляющая право ее держателя на получение от эмитента облигации в предусмотренный ею срок ее номинальной стоимости и зафиксированного в ней процента от этой стоимости или иного имущественного эквивалента [6]. Доходом по облигации является процент и/или дисконт от номинальной стоимости, хотя и допускается натуральная выплата дохода.

По порядку регистрации, выпуска и последующего обращения можно выделить следующие категории корпоративных облигаций:

- 1) классические, которые размещаются после их регистрации Банком России;
- 2) биржевые, которые размещаются после их регистрации биржей;
- 3) коммерческие, которые размещаются по закрытой подписке и не требуют регистрации Центральным банком и биржей (табл. 2).

¹ Источник: Мониторинг предприятий, Банк России [2].

Таблица 2

Сравнительная таблица видов корпоративных облигаций²

Критерии сравнения	«Классические» облигации	Биржевые облигации	Коммерческие облигации
Регистрация	Центральный банк	Биржа	Центральный депозитарий
Потенциальные эмитенты	Крупные и средние компании	Крупные и средние компании	Малые, средние и крупные компании
Обращение	Биржевые / внебиржевые		Внебиржевые
Условия выпуска	С проспектом или без него + решение о выпуске ценных бумаг [7]	С проспектом или без него	Без проспекта
	Обеспечение по желанию эмитента	Залоговое обеспечение отсутствует	
Срок регистрации выпуска	20–30 дней	15–20 рабочих дней	7 рабочих дней
Тип размещения	Открытая и закрытая подписки	Открытая подписка	Закрытая подписка
Раскрытие информации	Обязательно	Обязательно	Смягченное раскрытие
Сроки обращения	От 1 года и без срока погашения	От 1 дня до 10 лет и более	Обычно 1–2 года
Объем выпуска	Крупные займы со сложными параметрами (от 1 млрд рублей)	Крупные и средние публичные займы (от 50 млн рублей)	Небольшие и средние займы (обычно от 30 млн рублей)

Требования Банка России для регистрации выпуска (дополнительного выпуска) ценных бумаг закреплены в Положении Банка России «О стандартах эмиссии ценных бумаг» [7]. Для регистрации выпуска «классических» облигаций эмитенту необходимо выполнить следующие условия:

1. Представить в Банк России комплект документов, включающий заявление на рассмотрение документов, документ, подтверждающий факт уплаты государственной пошлины, решение о выпуске, документ, содержащий условия размещения ценных бумаг, проспект ценных бумаг и опись представленных документов. Указанные документы рассматриваются Банком России в течение 20 рабочих дней с даты из получения.

2. Полностью оплатить уставный капитал.

3. Сумма номинальной стоимости или размер обязательств по размещаемым облигациям не должны превышать ограничение на объем эмиссии облигаций, закрепленный в уставе эмитента облигаций.

Биржа осуществляет регистрацию выпусков (дополнительных выпусков) биржевых облигаций.

Биржевые облигации размещаются биржей на трех уровнях.

Регистрация облигации первого уровня сопровождается регистрацией проспекта ценных бумаг. При этом эмитент берет на себя обязательство по публичному раскрытию информации. Объем такого выпуска в рамках программы должен составлять не менее 2 млрд рублей, номинальная стоимость одной облигации от 1 000 до 50 000 рублей. Срок существования эмитента или его поручителя не менее трех лет, финансовая отчетность раскрыта за три завершающих года, дефолт эмитента отсутствует, кредитный рейтинг у эмитента или его поручителя имеется. Также у эмитента должен быть сформирован совет директоров.

Требования к выпуску облигаций второго уровня более лояльны. Объем выпуска не менее 500 млн рублей, срок существования эмитента не менее одного

² Таблица составлена автором. Источник: [3].

года или не менее трех месяцев при наличии поручителя, срок существования которого не менее одного года, опубликование финансовой отчетности за один завершенный год, отсутствие дефолта эмитента, наличие кредитного рейтинга эмитента или его поручителя.

Для регистрации выпуска биржевых облигаций третьего уровня достаточно наличия проспекта ценных бумаг и принятия обязательства по раскрытию информации. Иные условия к данному выпуску не выдвигаются.

Перечисленные выше требования установлены правилами листинга ПАО «Московская Биржа» [8].

Регистрация выпуска коммерческих облигаций осуществляется Центральным депозитарием. Условия для их выпуска простые. Сначала уполномоченный орган эмитента принимает решение о выпуске, далее заключает договор с депозитарием и затем представляет депозитарию пакет документов, который включает в себя заявление о регистрации коммерческих облигаций, решение об их выпуске, протокол собрания уполномоченного органа эмитента, учредительные документы, бухгалтерскую (финансовую) отчетность, аудиторское заключение.

После получения эмитентом уведомления о регистрации от Небанковской кредитной организации акционерное общество «Национальный расчетный депозитарий» (далее по тексту НРД) выпуска коммерческих облигаций эмитент принимает решение о дате начала размещения.

Требования к «классическим» облигациям выше, чем к биржевым и коммерческим, так как их выпуск регистрируется Банком России, сумма выпуска должна быть не менее 1 млрд рублей. Данные требования закреплены в Положении Банка России «О стандартах эмиссии ценных бумаг» [7]. Не все девелоперы могут им соответствовать. Для выпуска «классических» облигаций эмитент должен иметь высокий кредитный рейтинг; кроме того, компания должна осуществлять деятельность не менее трех лет и в течение последних трех лет не допускать дефолтов по другим облигациям. У коммерческих облигаций указанные требования ниже, однако они характеризуются низкой ликвидностью, так как отсутствует вторичный рынок. Заинтересовать инвесторов в приобретении коммерческих облигаций можно повышенной доходностью, но это требует от эмитента дополнительных расходов. По экспертным оценкам, премия за ликвидность может достигать 3–4 процентных пунктов.

Далее в таблице приведены статьи расходов на эмиссию корпоративных облигаций разных категорий (табл. 3).

Таблица 3

Статьи расходов на эмиссию облигаций разных категорий³

Статьи расходов	Классические облигации	Биржевые облигации	Коммерческие облигации
Комиссия организатору	На договорной основе		
Регистрация/присвоение идентификационного номера выпуска	0,2 % от номинального объема выпуска (не более 200 тыс. руб.) 35 тыс. руб. за регистрацию отчета об итогах выпуска	Первый выпуск / доп. выпуск – 150 тыс. руб. Программа – 100 тыс. руб., в рамках программы: первый выпуск – 150 тыс. руб, доп. выпуск – 50 тыс. руб.	
Сбор биржи	Максимум 650 тыс. руб.	Не предусмотрен	

Окончание табл. 3 см. на след. странице

³ Источник: [10].

Услуги депозитария	На договорной основе (зависит от объема и выпуска облигаций)		
Дополнительные расходы (маркетинг, обслуживание выпуска)	На договорной основе		На договорной основе / расходы на маркетинг не предусмотрены
Сложность организации	Выше среднего	Средняя	Ниже среднего
Уровень затрат на выпуск	Выше среднего	Средний	Ниже среднего

Следует указать на определенные ограничения, связанные с требованиями к российским эмитентам при выпуске корпоративных облигаций. Например, должна быть обеспечена полная оплата уставного капитала, обозначен срок существования эмитента. Данные требования закреплены в Положении Банка России «О стандартах эмиссии ценных бумаг» [7]. При этом к числу указанных ограничений не относятся требования, связанные с организационно-правовой формой и уровнем публичности эмитента, если последний создан в форме акционерного общества.

Выпуск облигационного займа предусматривает следующие статьи расходов (табл. 4).

Таблица 4

Статьи затрат на выпуск корпоративных облигаций⁴

Статьи расходов	Затраты
Комиссия организатору	На договорной основе. По экспертным оценкам, комиссия организатору составляет 1–3 % от объема выпуска облигаций
Комиссия бирже (регистрация решения о выпуске, размещение облигаций)	0,0125 % от объема выпуска + регистрация решения о выпуске 300 000 рублей + 0,01 % от объема выпуска за размещение облигаций
Комиссия НРД	До 1,5 % от объема сделки
Юридическое сопровождение и обслуживание займа	На договорной основе
Прочие расходы (маркетинг, раскрытие информации, обслуживание займа, госпошлина и другое)	На договорной основе

Данные, приведенные в таблицах, приближительны и в большинстве случаев являются предметом для переговоров. Расчет произведен для стандартного выпуска по данным Московской биржи. В случае усложнения структуры выпуска существенно возрастают расходы на сопровождение обслуживания и услуги рейтинговых агентств. После первого года возникают расходы на поддержание выпуска на биржу, НРД и рейтинговые агентства, раскрытие информации. Значителен разброс расходов на маркетинг, так как все зависит от возможностей эмитента по финансированию мероприятий, сопровождающих подготовку и размещение ценных бумаг (подготовка информационных материалов, предложение облигаций инвесторам, проведение презентаций, публикация аналитических отчетов в поддержку выпуска).

⁴ Источник: [10].

На сегодняшний день большинство предприятий строительного комплекса предпочитает использовать банковский кредит, как наиболее простой, понятный и привычный способ привлечения заемного финансирования.

Привлечение дополнительных финансовых ресурсов через выпуск корпоративных облигаций является нетрадиционным способом в сравнении с банковским кредитом. Суммарные затраты на обслуживание кредита и облигационного займа приблизительно одинаковы. В свою очередь, значительными преимуществами облигаций являются: свободное распоряжение денежными средствами, отсутствие зависимости от кредиторов при принятии решений. Кредитные организации, в свою очередь, выдают займы для конкретных проектов и жестко контролируют соблюдение условий выдачи кредита. Объем облигационного займа теоретически ничем не ограничен, в то время как объем кредита на одного заемщика неизбежно будет ограничен внутренним риск-менеджментом коммерческого банка и нормативами со стороны регулятора (Банка России).

Безусловным преимуществом финансирования через выпуск корпоративных облигаций является дисперсный характер кредиторов в отличие от привлечения капитала в коммерческом банке, который изначально имеет сильную переговорную позицию. Однако следует учитывать, что разрозненность кредиторов при выпуске облигаций может иметь негативные последствия для заемщика. Как показали события на рынке корпоративных облигаций после кризиса 2008 года, в случае дефолтов заемщику технически сложнее вести переговоры о реструктуризации долга именно с разрозненными инвесторами (кредиторами) – держателями облигаций, чем с одним кредитором в лице коммерческого банка.

Следует отметить еще одно важное обстоятельство, связанное с порядком погашения обязательств перед кредиторами. В случае с банковским кредитом, как правило, погашение суммы основного долга и процентов в большинстве случаев происходит в течение всего срока займа. Напротив, при выпуске облигаций инвесторам (кредиторам), как правило, осуществляются лишь периодические купонные выплаты, в то время как внесение суммы основного долга происходит при погашении облигационного займа. Это в наибольшей степени соответствует специфике финансирования строительных проектов, при которой: 1) финансирование объекта строительства обеспечивается за счет выпуска облигаций; 2) после сдачи объекта строительства банк раскрывает эскроу-счета и у застройщика появляются средства для погашения облигационного займа.

Исторически строительная отрасль является одной из высокорискованных с точки зрения банковского кредитования. В связи с этим банки достаточно тщательно проводят оценку рисков проектов и по некоторым проектам могут отказать в кредитовании.

На 01.09.2020 г. банки получили 4,9 тыс. заявок от застройщиков на получение кредитов для строительства объектов в 78 субъектах Российской Федерации [2]. Из них 39 % банками одобрены, 18 % отклонены, 25 % отозваны самими застройщиками, а 18 % находятся на рассмотрении [2].

В качестве основных причин для отказа в предоставлении кредита банки отмечают недостаточную рентабельность проектов, в том числе из-за ограниченной покупательной способности населения в регионах, включение в проект затрат на инженерную и социальную инфраструктуру; недостаточность у застройщиков собственных средств для увеличения их доли в проекте; отрицательную деловую репутацию отдельных застройщиков.

Кроме того, невысокое качество документации, недостаточный уровень компетенций застройщиков, отсутствие опыта работы с банками усложняют изготовление обоснованных документов на получение кредитов.

Застройщики, со своей стороны, отмечают высокие требования банков к обоснованности проектов, избыточность требований к залогам, длительность рассмотрения заявок на кредитование, отсутствие унификации требований банков к пакетам документов, наличие банковских комиссий.

Ниже приведен сравнительный расчет расходов на получение и обслуживание банковского кредита и выпуска и обслуживания облигационного займа (табл. 5).

Таблица 5

**Сравнительный расчет расходов на получение и обслуживание
банковского кредита и выпуска и обслуживания облигационного займа⁵**

	Банковский кредит	Облигационный заем
Залог	Основные средства компании, покупаемое оборудование, поручительство бенефициара	Без залога
Сумма, млн руб.	4 000	
Срок, мес.	36	
Ставка, % годовых	7,65*	–
Ежегодная плата за резервирование кредитных средств, млн. руб. (за весь период), (% годовых)	5,0 (0,125)	–
Ежегодная плата за пользование лимитом кредитной линии, млн. руб. (за весь период), (% годовых)	2,0 (0,05)	–
Плата за выпуск облигаций, млн. руб., (% годовых)	–	71,6 (0,45)
Выплаты по купонному доходу инвесторам (% годовых)	–	11,3**
Эффективная ставка (% годовых)	7,825	11,75
Итого, млн руб.	1 279,20	1 387,76

* По данным Банка России, среднее значение ставки по кредитному портфелю для субъектов малого и среднего предпринимательства для займов свыше одного года составляет 7,65 % годовых [9].

** Среднее значение ставки купона по корпоративным облигациям строительных компаний [1].

Таким образом, из приведенного в табл. 5 расчета расходов на получение и обслуживание банковского кредита и выпуска и обслуживания облигационного займа видно, что выпуск и обслуживание облигационного займа обходятся дороже. Однако, как указано выше, данный недостаток компенсируется следующими значительными преимуществами облигаций: 1) свободным распоряжением денежными средствами; 2) отсутствием зависимости от кредиторов при принятии решений; 3) внесением суммы основного долга, происходящим при погашении облигационного займа.

На основании изложенного видно, что привлечение дополнительных ресурсов в виде корпоративных облигаций наиболее полно соответствует специфике девелоперских проектов.

Что касается конкретного вида (типа) облигаций, то очевидна предпочтительность биржевых облигаций, которые представляют собой компромисс доходности, ликвидности (торгуются на вторичном рынке) и издержек, так как не требуют обеспечения, в том числе залогового. Их выпуск возможен начиная с суммы 50 млн рублей, что соответствует объему финансирования большинства девелоперских проектов в сфере жилищного строительства.

⁵ Таблица составлена автором. Источник: [9].

Литература

1. БКС Мир инвестиций : официальный сайт. – URL: <https://broker.ru/quotes/ru000a102y58/> (дата обращения: 26.02.2021).
2. Жилищное строительство : аналитическая записка Банка России № 2 (3), 07.10.2020 г. // Банк России : официальный сайт. – URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/112903/analytic_note_20201007_ddkp.pdf (дата обращения: 26.02.2021).
3. Корпоративные облигации : памятка эмитенту // Банк России : официальный сайт. – URL: https://sofp.ru/upload/%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BB_%D0%9F%D0%B0%D0%BC%D1%8F%D1%82%D0%BA%D0%B0%20%D1%8D%D0%BC%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%83.pdf (дата обращения: 26.02.2021).
4. Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ // Консультант плюс : справочно-правовая система. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51038/ (дата обращения: 26.02.2021).
5. О внесении изменений в Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»: Федеральный закон и отдельные законодательные акты Российской Федерации от 01.07.2018 № 175-ФЗ // Консультант-Плюс : справочно-правовая система. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51038/ (дата обращения: 26.02.2021).
6. О рынке ценных бумаг : Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10148/ (дата обращения: 26.02.2021).
7. О стандартах эмиссии ценных бумаг : Положение Банка России от 19.12.2019 № 706-П // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_344933/ (дата обращения: 26.02.2021).
8. Правила листинга ПАО «Московская Биржа» // Московская Биржа : официальный сайт. – URL: <https://fs.moex.com/files/257/> (дата обращения: 26.02.2021).
9. Средневзвешенные процентные ставки кредитных организаций по кредитным и депозитным операциям в рублях без учета ПАО Сбербанк // Банк России : официальный сайт. – URL: https://old.cbr.ru/statistics/pdko/int_rat/ (дата обращения: 26.02.2021).
10. Тарифный калькулятор ПАО «Московская Биржа» // Московская Биржа : официальный сайт. – URL: <https://www.moex.com/s21/> (дата обращения: 26.02.2021).

Darya Leonidovna Mangileva,

second-year Master's student, Business and Management Department,
Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg).

Corporate Bond Issuance as a Way to Finance Enterprises Implementing Housing Projects

Abstract. The article focuses on financing property developers that have to carry out their activities in the context of the updated and stricter legislation on shared-equity construction. Under these conditions, it becomes topical to search for alternatives to traditional forms and means of financing, i.e. loans from commercial banks. As of today, the developers attract additional funding from various sources to conduct their business. This article attempts to assess the efficiency of developers' activities financing through corporate bond issuance.

Keywords: obligation; equity market; corporate bonds; financing; additional financing.

|| ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

А. П. Семитко вручена премия им. С. С. Алексеева

Алексею Павловичу Семитко, заместителю главного редактора (направление «Юридические науки») «Вестника Гуманитарного университета», декану юридического факультета Гуманитарного университета, вручили **Всероссийскую премию имени Сергея Сергеевича Алексеева «За заслуги в юриспруденции»** (Решение Президиума АЮР № 79 от 01.06.2021). Почетную награду ему вручили 3 июня на площадке Администрации города Екатеринбурга во время VI Алексеевских чтений «Социальная ценность права в современном обществе», проходящих в рамках Четырнадцатой сессии Европейско-Азиатского правового конгресса «Право как ценность».

От всей души поздравляем Алексея Павловича и желаем новых побед!

Справка: Всероссийская премия имени Сергея Сергеевича Алексеева «За заслуги в юриспруденции» учреждена Общероссийской общественной организацией «Ассоциация юристов России» в память об известном ученом и общественном деятеле С. С. Алексееве (28.07.1924 – 12.05.2013), который внес неоценимый вклад в развитие юридической науки и российского законодательства. Научные труды С. С. Алексеева – фундамент современной теории права – ядра юриспруденции. С. С. Алексеев – не только выдающийся ученый в области права, но и один из создателей фундамента новой юридической России: один из авторов действующей Конституции России и Гражданского кодекса РФ, который по праву называют экономической конституцией России. Необходимости принятия новой Конституции было посвящено его выступление на I Съезде народных депутатов СССР 6 июня 1989 года, и в дальнейшем он работал над различными ее проектами. С. С. Алексеев стоял у истоков нового парламентаризма – возглавлял Комитет Верховного Совета СССР по вопросам законодательства, законности и правопорядка (с 10.06.1989 г.), а также – у истоков конституционной юстиции нашей страны, будучи Председателем Комитета конституционного надзора СССР (с 23 декабря 1989-го до декабря 1991 г.). Наряду с другими выдающимися советскими и российскими учеными он заложил основы как публичного, так и частного

права в нашей стране, то есть всей правовой системы новой России. С. С. Алексеев – основатель уральской школы теории права, доктор юридических наук, профессор, почетный профессор – *honoris causa* – Университета Париж-12, создатель и первый директор Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, член-корреспондент РАН. Премия является признанием вклада С. С. Алексеева в формирование правового государства, законотворческую деятельность и юридическое образование. Первым на указанную премию в 2014 году был номинирован выдающийся советский и российский юрист, государственный деятель, советник Президента Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заслуженный юрист РСФСР, юрист, основатель системы арбитражных судов в России Вениамин Федорович Яковлев (1932–2018).

Алексей Павлович в своей речи на вручении отметил, что для него получение этой премии – огромная честь: «Номинироваться на эту премию как один из учеников Сергея Сергеевича, как один из участников Уральской школы теории права, которую он создал, безусловно, для меня это колоссальная честь, которая накладывается на меня и дополнительную ответственность». Затем номинант прочитал лекцию, посвященную анализу творчества Сергея Сергеевича Алексеева (https://www.youtube.com/watch?v=kqM-LAnqzT0&feature=emb_imp_woyt).

Все звания и заслуги Алексея Павловича перечислять можно долго — доктор юридических наук, профессор, завкафедрой публичного права; старший научный сотрудник РАН; член Ученого совета Гуманитарного университета; Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Алексей Павлович с 1996 года по настоящее время руководит российско-французской программой сотрудничества юридического факультета Гуманитарного университета и Университета Париж-Запад (Франция). В программе сотрудничества в разные годы участвовали и представители Университета Париж-Восток, Университета Клермон-1. Каждый год преподает в Университете Париж-Запад (Франция) курсы по публичному праву и правам человека. И вот, к регалиям Алексея Павловича добавилась еще одна невероятно ценная позиция...

Редколлегия «Вестника Гуманитарного университета»

Политико-правовое наследие А. Д. Градовского: от общественного к правовому идеалу (к 180-летию ученого)¹

Аннотация. В статье рассматриваются политико-правовые идеи консервативного либерала, историка российского права, одного из основателей политической науки, исследователя конституционного права европейских стран, А. Д. Градовского. Анализируются представления ученого об общественном и правовом идеалах, роли местного самоуправления, а также взаимодействия государства и общества в формировании стабильного государства.

Ключевые слова: консервативный либерализм; общественный идеал; правовой идеал; местное самоуправление; свобода; закон; правовое государство.

Одним из ведущих представителей *консервативного либерализма*, наряду с К. Д. Кавелиным, В. В. Спасовским, М. М. Стасюлевичем, И. С. Тургеневым, Б. Н. Чичериным, являлся А. Д. Градовский (1841–1889). Это историк русского права, один из основателей политической науки в России, профессор Императорского Александровского (Царскосельского) Лицея и Петербургского университета с 1867 г.

Градовский известен как автор фундаментального трехтомного труда «Начала русского государственного права» (1875–1881), курса лекций «Государственное право важнейших европейских стран» (1886) и других [13, с. 247–248].

Оценка фигуры Александра Дмитриевича Градовского и знания современников о нем, данная А. Ф. Замалеевым в 2001 г., актуальна и сегодня. Так, он отмечал: Градовский «мало знаком нынешней читающей публике, оставаясь в тени своих более знаменитых современников. Почти не систематизировано его творческое наследие, по обширности не уступающее соловьевскому или леонтьевскому» [11, с. 3].

И действительно, политико-правовое наследие Градовского достаточно редко становится предметом широкого внимания и научных дискуссий, основой для изучения тех или иных тем в университетских гуманитарных или юридических курсах, хотя многие научные труды мыслителя требуют пристального внимания по вопросам правоведения, политологии и других гуманитарных наук.

Во время обучения Градовского в Харьковском университете большое влияние на формирование его мировоззрения оказали такие известные профессора права, как С. В. Пахман, Д. И. Каченовский. В 1862 г. Градовский защитил диссертацию «Очерк истории общин во Франции» (но она не была опубликована), а в 1866 г. – магистерскую диссертацию «Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры».

Градовский одним из первых в России начал исследование формирования идей и концепций прав человека в мировой политико-правовой мысли, а также конституционного права зарубежных стран. Изучая европейские и американские законодательные акты, теории Дж. Локка, Ш. Монтескье, Ж. Ж. Руссо, В. Гумбольдта, И. Канта, он убедился в необходимости конституционного устройства

* Светлана Игоревна Глушкова, д-р полит. наук, завкафедрой прав человека АНО ВО «Гуманитарный университет», председатель Свердловского РО РАПН (г. Екатеринбург).

¹ Данная статья является продолжением исследования, опубликованного автором в монографии «Проблема правового идеала в русском либерализме» (Глушкова С. И. Проблема правового идеала в русском либерализме : монография. Екатеринбург : Изд-во Гуманит. ун-та, 2001. 465 с.).

любого государства как залога гарантий прав граждан. Однако, являясь, наряду с *Б. Н. Чичериным, К. Д. Кавелиным, С. М. Соловьевым*, приверженцем *государственной школы русской социально-политической мысли*, он представлял создание конституционного государства как результат эволюции монархии, самоограничения государственной власти, а не формирования в обществе новых социальных сил [1, с. 257].

Занимаясь первоначально *историей общин во Франции*, особенностями развития европейской истории, Градовский развивал в российской политико-правовой мысли XIX в. идеи о *введении института разделения властей, обеспечении гарантий прав граждан, правовом государстве как инструменте социального прогресса*. И теории полицейского государства, созданной в Европе в эпоху просвещенного абсолютизма XVIII в., Градовский противопоставлял теорию «правомерного государства» (правового государства) Р. фон Моля, который выступал за признание государством личных и имущественных прав граждан и определение условий их свободной деятельности, необходимой для осуществления их целей. Этими условиями должна быть реализация таких прав и свобод человека и гражданина, которые составляют основные элементы правового идеала: личная свобода, свобода мысли, совести, передвижения, право создания союзов.

Градовский видел в государстве источник свободы, а в законе – инструмент обеспечения свободы, считая, что нет «естественных прав» вне человеческого «обожения» [10, с. 85].

Понимая свободу как свойство, присущее человеку, Градовский считал опасным злоупотребление ею при смещении власти народа и свободы народа, берущем, по его мнению, начало с трактовки общественного договора Руссо и могущем привести к деспотизму большинства. Условием обеспечения в государстве политической свободы Градовский считал спокойствие духа, основанное на сознании каждым своей безопасности, поддерживаемое умеренно-либеральной политикой правительства. В свою очередь, условием умеренности правительства, по его мнению, является механизм разделения властей как «философский камень политики», например, в Англии.

Своеобразным эталоном конституции он считал Декларацию прав человека и гражданина 1789 г. (Франция), в которой принцип политической свободы был положен в основу государственного устройства. Необходимым средством регулирования общественных противоречий и борьбы классов он считал механизм избирательного права, которое, как первое начало политической свободы, наряду с разделением властей, и должно быть фундаментом конституционного государства, ограничивающим права государства по отношению к правам подданных.

Большой интерес для российского общества 80-х гг. XIX в. представлял сравнительный анализ Градовским законодательных актов Европы и Америки, а также механизма закрепления в них прав и свобод. Он был уверен, что «изучение государств прошлого есть исследование прежде всего их права и законодательства» [14, с. 35].

Анализируя отличительные черты западноевропейского государственного устройства, Градовский рассматривал как общий признак конституционной формы «ограничение, самоограничение государственной власти, в силу чего она не является абсолютной» [2, с. 3]. Личная свобода для Градовского связана с обеспечением неприкосновенности личности, защиты ее от насилия других лиц и произвола правительства, тайны частной переписки, свободы труда (права выбора занятия по способностям), принципа свободы вероисповедания. В качестве первых законодательных актов, закрепляющих неприкосновенность личности, Градовский отмечал Великую хартию вольностей (1215 г., Англия), Habeas Corpus act (1679 г., Англия), Декларацию прав человека и гражданина (1789 г., Франция).

В числе прав и свобод, поэтапно формировавшихся в разных странах, Градовский также выделял следующие: 1) принцип равноправия, гражданское равенство, впервые закрепленные в Декларации прав человека и гражданина 1789 г. (Франция) и французской конституции 1791 г.; 2) свободу печати, впервые провозглашенную идеологом Славной революции в Англии в 1688 г. Дж. Локком, считавшим фактором обеспечения личной свободы предоставление права выбора церкви и вероисповедания; 3) право петиций, получившее распространение прежде всего в Англии, в которой оно было закреплено Биллем о правах 1689 г.; позже право петиций было провозглашено во французской конституции 1791 г., бельгийской конституции 1831 г. и прусской конституции 1850 г.; 4) политическое право союзов и собраний, берущее начало из английского законодательства второй половины XVIII в., позднее разрешенное прусской конституцией 1850 г., австрийским законом 1867 г., французским законом 1881 г.

Рассматривая гражданское равноправие как следствие обеспечения и защиты личной свободы, Градовский отмечал, что личная свобода крестьян, провозглашенная Манифестом 1861 г., не привела к их гражданской равноправности, так как тягло уничтожило свободу, а община не создала провинции, способной отстаивать свои интересы.

Градовский был согласен с Чичериным, утверждавшим, что на Западе сословия были продуктом вольного корпоративного духа, а в России являются продуктом различных тягл, возложенных на разные классы [3, с. 133]. В результате на Западе возникло движение сословий за свои права и привилегии, а в России развернулась борьба против государства, сформировалось освободительное движение, пораженное своеобразным вирусом правового нигилизма. Взяв за основу теорию закрепощения и раскрепощения сословий, используемую почти всеми представителями государственной (юридической) школы социологии, Градовский считал введение крепостного права и его отмену закономерными этапами русского исторического процесса, в котором государственный интерес всегда был и остается единственным фактором, определяющим политику [1, с. 259].

В период реформ Александра II Градовский – в поисках оптимального общественного идеала – изучал возможности его реализации в России. Он думал, что на родине стало возможным изменить общественный и государственный строй, реализовать либеральную идею самоограничения государства правом. Сравнивая себя с известным героем И. С. Тургенева нигилистом Е. Базаровым, он приводил в 1880 г. следующую характеристику реформ Александра II, которые до сих пор не были оценены, по его мнению, по достоинству: «К счастью для России, в то самое время, когда Тургенев выводил Базарова, уже начались те реформы, которые должны были возратить домой этих невольных эмигрантов и обратить лишних людей в служителей Отечества, приводя их в соприкосновение с действительными силами общества. Значение реформ императора Александра II оценено со многих точек зрения, но не с этой, а она представляется существенно важной. Эти преобразования возвратили Отечество многим людям, до тех пор уходящим в себя и стоявшим в стороне; они принесли первые средства для врачевания той тяжелой болезни, последним симптомом которой был “нигилизм”. Только великие реформы Александра II и создали русскую национальность, открыли эру новой политики» [15, с. 6–7].

10 октября 1866 г., на лекции в Санкт-Петербургском университете, Градовский, анализируя состояние России, отмечал: страна вступила в период национального самосознания, так как каждый элемент (значимый для общества) призван к деятельному участию в государственной жизни. Считая русское общество пока бессильным, состоящим в большинстве своем из «средних людей», к которым он причислял, впрочем, и себя, Градовский видел возможность выхода обще-

ства из пассивного состояния, если оно будет «живое». Его условием, по мысли Градовского, является *преодоление психологии среднего человека*, играющей трагическую роль в судьбе российского общества. Подобная психология, когда человек постоянно мечется между крайностями, выступая то в роли охранителя старых устоев, то в роли поборника известных реформ, действительно губительна для человека и общества, так как рождает нигилизм (государственный, или правовой, либо нравственный) и тем самым провоцирует в обществе интерес к утопическим политическим проектам.

А. Д. Градовский видел важное значение реформ Александра II в том, что в ходе их реализации утратили свое значение отрицательные утопические учения. Градовский был не согласен с теми, кто характеризовал *русский социализм как новую болезнь*, местный недуг, так как считал его общим (и для Западной Европы, и для России) явлением, усугубившим разрыв между поколениями. *Развитие русского социализма* (и в большей степени в интеллигентской среде) вскрывало более опасные, чем сам социализм, *болезни российского общества*, которые раньше не осознавались так остро: 1) противоречия между поколениями «отцов» и «детей»; 2) отсутствие самостоятельного воспитательного значения политических и общественных учреждений; 3) сужение источников политического, нравственного и общественного воспитания (среди которых на Западе – давление общественного мнения, действие сильного государства и общественных установлений, др.) до теоретической подготовки, которую часто заменяло самообразование в условиях запрета естественно-правовой, социалистической доктрины и т. д.; 4) появление нового типа энтузиаста – «человека вне пространства и времени», порожденного теоретизированием морализаторства, в качестве протестующего и неблагонадежного нигилистического элемента. Вирусом, породившим все эти болезни, являлся запоздалый характер реформ, от которых российское общество, по мнению Градовского, страдает более, чем от преждевременных.

Интересна и важна для политико-правовой мысли дискуссия *Ф. М. Достоевского и А. Д. Градовского о сущности идеала русского народа*, начало которому положила речь Достоевского на открытии памятника А. С. Пушкину в 1880 г. Как отмечал А. А. Шахматов, Достоевский отвергал необходимость взаимосвязи между высокими нравственными стремлениями русского народа и совершенствованием гражданского устройства, считая, что нищета экономики не является препятствием для всечеловеческого единения, братской любви, высоких стремлений [15, с. 72–73]. Крепкому единению 80 млн русского народа Достоевский противопоставлял гражданский строй Европы, который навязывают России интеллигенция, западники. Эта речь *Достоевского* вызвала много откликов и с новой силой возродила споры о роли и влиянии Запада, о *культе народности или культе Запада* в России.

Градовским было отвергнуто утверждение Достоевского о том, что спасение России заключается в критическом отношении к Западу и даже в отречении и отчуждении от него [4, с. 272]. В статье «*Мечты и действительность*» Градовский расценил призыв Достоевского к гордому русскому человеку смириться как проявление сущности *великого религиозного, но не общественного, не правового идеала*. В то время как этот религиозный идеал уже давно нашел своих приверженцев и подвижников в русском обществе, положительный идеал общества пока не имел под собой твердой почвы, оставаясь туманным и несбыточным будущим, а ведь именно он был необходим русскому обществу.

Своеобразное продолжение в том же духе полемика получила в ответных работах *Достоевского* («Четыре лекции») и *Градовского* («Либерализм и западничество»), в каждой из которых авторы отстаивали, соответственно, приоритет для русского народа религиозного (Достоевский) или общественного, правового (Гра-

довский) идеала. Градовский обращал внимание на такую важную характеристику перспектив российского развития, как основания и принципы идеальных конструкций, целый спектр которых появлялся в политико-правовой мысли России. Приоритет среди оснований и принципов этих идеальных моделей Градовский отдавал следующим: 1) идеал не должен отождествляться с *определенной теорией, принципом или законченной формулой*; 2) не нужно стремиться предоставить людям в идеале *проект совершенного устройства*; 3) идеал следует рассматривать как *«определенное настроение наших нравственных сил»*, и, соответственно, для реализации идеала необходимо: а) создавать такое настроение, поддерживать преемственность поколений, так как именно ее отсутствие, разрыв между поколениями стал источником для увлечения интеллигенции социализмом, который Градовский именует не иначе как «общественный недуг» [5, с. 22–23, 227], б) формировать общественное мнение, способное влиять на государственный аппарат, на политические процессы в России; в) дать возможность подданным Российской империи активно участвовать во всех проявлениях жизни вплоть до политического участия [1, с. 262].

И Градовский в этом был, несомненно, прав, так как отвлеченное от практики теоретизирование молодежи рождало *иллюзии самодостаточности нигилизма* и оставляло незамеченным фактор пригодности теории, средств и методов ее практической реализации, а также пригодности самих теоретиков для конкретного общества и государства. Отсутствие данного фактора в теоретических конструкциях общественно-политической мысли XIX в., когда само проявление инакомыслия воспринималось как подвиг, вело к распространению совершенно «полярных» фигур – от фанатов, открытых миру, но не понимающих мир, до «среднего», «маленького» человека и, наконец, до ушедших в себя, мистику, религию и т. д. «мертвых душ». Молодая душа в России, как отмечал Градовский, живет без «культурных одежд», и общество в России должно помочь молодежи обрести себя и универсальные «культурные одежды» – веру в собственную пригодность, положительные идеалы. Градовский был уверен, что пора уже объявиться поколению, которое начнет в России настоящее дело, так как «история не ждет опоздавших» и другие народы нас ждать не будут [6, с. 291].

Критикуя Достоевского, Градовский выступал сторонником не национального, народного, а *универсального общечеловеческого идеала*. И аргументировал это тем, что «исторический опыт учит нас, что каждый народ только тогда приобретает всемирно-культурное значение, когда он умеет возвести свою духовную жизнь на степень общих начал, в силе и всеобъемлемости которых уже исчезает, в известной мере, то, что составляет его особенность, то, что направляет его к исключительности» [6, с. 277–278]. Также он ссылаясь здесь и брал в союзники Гегеля, утверждавшего, что «разумное есть большая дорога... по которой каждый идет и никто не отличается» [6, с. 278].

Градовский не мог принять «развития отвлеченной мысли» и «могущественного рационализма» в смысле утверждения особенностей и самобытности народа, ибо они сами заявят о себе, нужно лишь «бессознательно воспринимать окружающую нас бессознательную жизнь» [6, с. 271]. Не нужно оставлять Россию при одних особенностях, утверждая, как Достоевский, что «в народе уже все готово, все решено и утверждено, и задача всех нас» состоит в восприятии этих готовых и, вместе с тем, общечеловеческих начал.

Критикуя идеализацию Достоевским и Страховым («Русь») самобытности и «особенностей России», он приводил пример одной из таких особенностей: русский «стремится к самому широкому решению всяких вопросов». Однако это достоинство оборачивается при детальном рассмотрении недостатками. Ибо эта широта зависит от отсутствия вообще решения какого-либо вопроса. Так, «широта

ума и взглядов часто является признаком человека, который еще ничего не решал и ничего не делал в практической жизни, но весь находится в стремлениях и порывах» [6, с. 286]. В итоге он делал вывод о том, что *истинное зло русского человека* – не в подражании Западу и не в погоне за «призраками», решении фактических вопросов, а в том, что он мало делает и ничего не решает.

Проблема русского народа, по мнению Градовского, состоит в *неотрегулированности взаимоотношения двух элементов – индивидуального и всеобщего*. В духовной истории русского народа можно видеть преобладание то одного, то другого элемента. В то время как необходимо гармоничное их сочетание и сознание своих особенностей для сохранения себя как личности, творческой силы (*индивидуальный компонент*) и усвоения всечеловеческого потенциала для осуществления своей всемирно-исторической роли (*всеобщий компонент*). *Универсализм Градовского* актуален и для современной России, и здесь есть вполне рациональное начало – необходимость гармоничного сочетания индивидуального и всеобщего компонентов. Однако *критика им Достоевского* слишком резка и не совсем объективна. Так как каждому из них присущ свой взгляд на самобытность и особенности русского народа: *для Достоевского как творческой личности характерен более глубокий взгляд*, пристальное изучение не столько внешних проявлений, сколько внутренних побуждений человека, *а для Градовского, как ученого, характерен взгляд рационалиста*, учитывавшего только объективные явления действительности и рациональные действия. Два этих совершенно разных взгляда представляют несколько идеалов: народный и государственный, религиозный и рациональный, религиозный и правовой, в равной степени имеющие право на существование [1, с. 264].

Считая себя либералом, *Градовский называл либерализм «единственным перспективным направлением русской политической мысли»*, противопоставляя его *абсолютизму и гугвернаментализму* (правительственной опеке). Именно либерализм является в России одной из достойных форм служения государю и России, так как, отмечал Градовский, либеральная партия долгое время была не оппозиционной, а правительственной партией, возникшей еще во время реформ Александра II. А Градовский и связывал идею реформ с верой в историческое призвание царской власти в России.

Некоторые исследователи высказывают предположения, что *А. Д. Градовский был автором проекта конституции*, который хотел провести граф М. Т. Лорис-Меликов. В пользу этого свидетельствует «Записка» Градовского правительству в марте 1881 г., в которой была представлена следующая программа: 1) «образование при Государственном Совете постоянной совещательной комиссии, состоящей из лиц, ежегодно избираемых губернскими земскими собраниями» [15, с. 83], 2) введение ответственности министров перед депутатами Сената. Программа Градовского действительно близка по содержанию проекту конституции Лорис-Меликова, и это позволяет сделать вывод о возможном авторстве Градовского. Первый пункт программы был большим шагом Градовского вперед, так как еще в период реформ он не видел необходимости введения конституционных форм парламентаризма, считая, что право петиций, собраний, свобода печати являются более надежными условиями «хорошей проверки» (контроля) общества, чем пресловутые палаты; а в 1881 г. он уже сам предлагал ввести прообраз парламента. Это свидетельствовало о смене ориентации в мировоззрении Градовского: с охранительно-преобразовательной до национально-преобразовательной, предполагающей признание ценностей не только российской самобытности, но и общечеловеческого характера. Изменяется в этот период и отношение Градовского к назначению либерализма в российском обществе. Основные положения программы либералов, по его мнению, должны быть следующими: 1) обеспечение сферы,

свободной от государственного вмешательства и выраженной в личной свободе, неприкосновенности имущества, свободе печати, вероисповедания; 2) создание условий для развития, проявления личных сил, ибо нормальным источником прогресса он рассматривал личную предприимчивость и самостоятельность. И в этом направлении, считал Градовский, могут быть объединены усилия не только либералов, но и консерваторов, ибо пришел новый тип деятеля – «всесловно-общественный», консолидирующий общественные элементы в обновлении и капитализации российского общества.

Будущее России Градовский связывал с появлением новых общественных элементов, «обновляющего поколения», рисуя своеобразную картину исторического прошлого и настоящего России: «Пристально высматривает старуха Россия желанного сына, как мать тревожно вглядывается в ряды возвращающихся из похода солдат», но пока, делал пессимистический вывод Градовский, «жить ей, верно, в обиде и тесноте» [5, с. 273–274]. Это поколение появится, когда, считал Градовский, будет четко выработан *общественный идеал*, в формировании которого новое поколение увидит задачу всей своей жизни; когда мы откажемся от того стереотипа, что «молодежи нужны какие-нибудь идеалы, пусть они увлекаются чем угодно и отдадут дань молодости» [5, с. 273].

Градовский рассматривал проблемы мировоззренческой чистоты, пригодности молодежи, необходимости привлечения ее как ведущего общественного элемента к идеалу реформирования России. Среди «главных задач нашего времени» (пореформенный период) Градовский называл следующие, формируя целую программу действий правительства: 1) повышение уровня народного образования путем распространения школ; 2) воспитание общества в сознании права, в уважении к себе и другим, в духе личной безопасности и достоинства; 3) привлечение лучших сил страны к деятельности местных учреждений; 4) создание стройной системы новых судебных и общественных учреждений; 5) завершение крестьянской реформы, преобразование податной системы, обеспечение свободы передвижения крестьянам [1, с. 266].

Важной проблемой, по мнению Градовского, было соотношение сил общества и государства, их изменение в ходе исторического процесса. Градовский рассматривал *государство не только как юридическое, но и как культурное явление*, связанное не только с интересами права, но и с интересами других сфер – промышленности, просвещения, народного здоровья, продовольствия, благотворительности, др. [7, с. 10]. Возможность разрушения государства рассматривалась им на тот случай, если государственная власть стесняет развитие личности, самостоятельность местных союзов, поддерживает государственное единство силою централизации [1, с. 266–267].

Он не принимал традиционного противопоставления личности и государства, общества и государства, так как в этом случае государство неверно отождествляется с правительством. Но в *государство, как в политическое общество*, входит и *совокупность личностей*. Как и личность, оно не замкнуто, ибо живет политическими интересами. «Государство встречается с личностью в области частных интересов (когда речь идет об определении форм сделок, их охране и т. д.), личность встречается с государством в сфере интересов общественных (защита Отечества, содействие народному образованию и т. д.). Цели государственные отличаются от частных и общественных по способу их осуществления» [7, с. 32]. Так, государственные интересы реализуются через принудительную деятельность государства, а частные – через частную, свободную предприимчивость. Среди *целей государства*, для реализации которых возможна его принудительная деятельность, он называл следующие: 1) охрану приобретенных прав, внешней и внутренней безопасности; 2) содействие дальнейшим успехам народной жизни путем

улучшения ее условий; 3) положительное осуществление общественных целей, инициативу для общественного прогресса. Тем самым, как отмечал Градовский, *суть государственной организации* – в подчинении известной народности, облеченной правами «законодательства, суда и управления для осуществления» тех целей общежития, которые нуждаются в содействии принудительной власти.

Градовский отмечал в качестве *основного вопроса в дискуссии между индивидуалистами и гвернаменталистами следующий*: «Какую роль играет и должно играть государство в деле общественного прогресса?» Прогресс он понимал как распространение в «наибольшей массе людей наибольшей суммы нравственности, достоинства, знания и благосостояния», выводя тем самым формулу, в определенной степени напоминающую теорию И. Бентама. Отвечая на этот вопрос, Градовский рассуждал следующим образом: XIX в. утомился уже спорами об устройстве государства и обращался с требованием действия к государству, стремясь поставить государство на национальную почву. Тем самым он проводил идею сотрудничества государства и гражданина, характерную для неолиберализма. Хотя современная государственная теория, считал Градовский, не дает необходимого потребностям времени ответа, по-старому рассуждая, что просвещенное государство должно поддерживать свое существование обманом или насилием, т. е. конституционными уловками или армией. Заслугой исторической школы права (Савиньи, др.) он считал то, что государственная теория должна была в XIX в. уступить историческому движению, а народность была признана натуральной основой государства [1, с. 267–268].

Градовский считал, что нужно отказаться от разрушительных теорий и избрать новый метод исследования государства и общества, взяв за основу целостность (интегральность) их бытия; а наука должна пониматься как живая и прогрессивная действительность. Градовский поддерживал Канта в определении государства как «соединения массы людей под юридическими законами», где эти законы только и служат единственным связующим началом этой «массы людей». Новый метод Градовского состоял в том, что *идеи государства нужно искать в целях его последующей деятельности, а не в условиях и причинах его образования* [1, с. 268].

Рассматривая феномен общества и государства, он ассоциировал их отношение с отношением единства к разнообразию, принуждения к свободе. Отстаивая, вслед за Р. фон Молем и в духе государственной школы, *правовое государство* как «орудие социального прогресса, как силу, регулирующую отношения в обществе», Градовский принимал и его характеристику нового общества по отношению к государству. Так, Градовский приводил следующее суждение Моля по этому поводу: «С идеей общества не соединяется представление о замкнутости его в границах определенного пространства и о необходимости равномерного распределения однородных общественных групп среди одного и того же народа. Между тем строго начертанные рубежи между различными частями человеческого рода положительно необходимы для правильной организации человеческого общежития, ибо только при таком условии возможен определенный план организации, рассчитанные мероприятия, точное определение прав и обязанностей, образование и признание необходимой общественной власти» [3, с. 7]. Существенными признаками нового государства Градовский считал два противоположных, казалось бы, фактора: большую свободу и в то же время большее единство. При этом свобода должна обязательно включать в себя свободу религии, мысли и имущественного оборота, которым нельзя придать государственное значение и которые в связи с этим должны составлять сферу интересов нового общества при разграничении их с интересами государства.

В поисках источника развития общественных элементов нового (гражданского) общества Градовский обращался к исторической провинции, противопоставляя ее искусственной провинции, возникшей из административного деления. Историческая провинция и есть, по мнению Градовского, тот общественный исторический организм, который дал жизнь государству, обеспечил ему правильное развитие. Провинция выступала у Градовского не как простое деление государства на части, ибо она предполагала необходимую самостоятельность этих частей: «самостоятельность правительственных органов и тесно с нею связанную самостоятельность общественных элементов» [3, с. 13].

Противопоставляя позиции сторонников местного самоуправления (и рассматривающих как образец Англию, страну, построенную на исторически выработанных общественных элементах) и централизации (идеализирующих Францию, представляющую воплощение идеи всемогущества государства), и решая ключевой вопрос феодальной эпохи, сам Градовский защищал идею местного самоуправления. Он отмечал в связи с этим: «...вопрос о самоуправлении не есть противоположение сферы правительственной сфере общественной. Это не есть вопрос о правительственном вмешательстве и личной инициативе, о свободе и опеке, гувернаментализме и индивидуализме. Это есть вопрос о правильном распределении дел в самой правительственной сфере» [3, с. 21]. Правительство должно решить, какие задачи оно не может осуществить без участия общества, и в соответствии с этим найти путь органического соединения и совокупного действия правительственных сил и общественных элементов.

Градовский отмечал резкое отличие административной и сословной истории России и Западной Европы, выводя из нее как закономерное отношение к свободе подданного Российской империи и Западной Европы. Ключевой позицией была *идея государственного единства*, крайне слабая на Западе и всегда стабильная, мобилизующая в России. И, действительно, постоянное осознание единства земли и общества в России не было протестом, выдвинутым революционным движением (как это было на Западе), оно являлось не только бесспорным фактом, но и «древним неоспоримым достоянием русского народа». И это достояние в периоды междоусобиц, войн, дворцовых переворотов и т. д. все более укрепляло свое значение, исторически подчиняя централизации государственный и общественный порядок. *Это единство, основанное на характерных чертах русской «духовной» идентичности*, объясняло успехи России в непрерывных войнах и подтверждало каждый раз в переломные и кризисные моменты истории мощь России как сильной и прочной державы [12, с. 87].

Соглашаясь с Б. Н. Чичериным в том, что на Западе «сословия были продуктом вольного корпоративного духа, а у нас они были продуктом разных тягл, возложенных на различные классы» [3, с. 133], Градовский продолжал развивать *теорию закрепощения и раскрепощения сословий государства*. Если на Западе сословия были основой провинциальной самостоятельности, то в России они были продуктом государственной деятельности, введения тягл, которые разъединяли провинцию. Так, Градовский иллюстрировал: «Город, монастырь, владельческие села, оброчная слобода, черная волость могли граничить друг с другом и не имели ничего общего» [3, с. 382], так как взаимодействие шло только специализированно в соответствии с тяглами. В такой ситуации все тянулось к центру, централизация становилась продуктом закрепления сословий государством и вела к утрате ими свободы, самостоятельности. Только реформы Александра II, освободив сословия, сделали возможным раскрепощение и возрождение земского духа, местного самоуправления, в развитии которого и заключается ключ к самостоятельности и самодеятельности, формированию нового (гражданского) общества. Реформа 1861 г. рассматривалась Градовским как последний «этап освобождения

сословий от служилых функций, как важнейший переломный момент в создании современного гражданского общества» [15, с. 41].

Среди особенностей развития политической системы, государства, власти, он отмечал следующие: 1) обусловленность разветвленной политической системы совершенным общественным сознанием; 2) в отличие от западных либералов он не был сторонником сужения правительственной сферы в целях обеспечения свободы, считая возможным параллельное расширение общественного самоуправления и государственной регламентации; 3) прогрессивным движением правительства может быть только реформа, в то время как назначением революции является способ выхода общества из застоя.

Подлинной задачей современной науки Градовский считал создание теории национально-прогрессивного государства и отказ от традиционного противопоставления идей порядка и прогресса. И устанавливал взаимообусловленность развития общества и государства, отмечая, что все прогрессивные элементы вырабатываются только в обществе. Концентрируя в связи с этим все внимание на развитии общества, Градовский связывал успех общих идей с достаточностью для общества политического воспитания, которое дается участием в различных отправлениях государственной жизни [8, с. 2]. Поэтому насущным для России он считал исследование опыта политического образования и воспитания других народов, политической жизни народов, которая колеблется между революциями и реставрациями.

Рассматривая проблемы и перспективы развития политической науки в России и мире в целом, Градовский отмечал: 1) политическая наука XVII–XVIII вв., «не имея возможности работать над практическими вопросами государственной жизни», идеализировала государственное устройство; строя утопические планы и находясь поэтому во враждебном отношении к положительному порядку, политическая наука находилась в разрыве с государством; 2) современная политическая наука XIX в. вышла из состояния кризиса, т. е. разобщенности с политической практикой, и рассматривает уже каждое государство как «известную ступень общежития, т. е. известный момент в историческом развитии народа»; 3) внимание современной политической науки сосредоточено уже не на форме государства, а на задачах его деятельности и способах их осуществления, на соединении теории и практики [8, с. 8–9]. Основной задачей политической науки в России он считал практичность, т. е. умение указывать обществу действительные и возможные для него задачи: а) движение вперед настолько, насколько подготовило условия для этого предшествующее время; б) пробуждение самодеятельности [8, с. 10–13].

Такие задачи в России, по мнению А. Д. Градовского, заключались в создании национально-прогрессивного государства, в формировании благоприятных условий для процветания науки. Политика российского правительства в связи с этим должна была быть направлена на достижение солидарности общественных и государственных целей, вовлечение общественных сил в государственную деятельность, предоставление независимости и самостоятельности местному самоуправлению, частным союзам, на государственную регламентацию всех политических институтов и границ вмешательства в частную сферу.

При этом Градовский выступал против теории неополитического самоуправления князя А. И. Васильчикова. Подлинным самоуправлением Градовский считал участие местного населения в решении государственных задач и настаивал на усилении самоуправленческих организаций на уровне уездов и губерний [9, с. 99].

Правовой идеал А. Д. Градовского предполагал *конституционное устройство государства как единственный и доступный путь к обеспечению гарантий гражданской свободы* (самоограничение государства правом, создание совещательных учреждений и т. д.), а общественный идеал – *возрождение провинции че-*

рез развитие самостоятельности и независимости органов местного самоуправления. Тем самым Градовский связывал будущее России с деятельностью земских учреждений, формированием в их среде основных элементов гражданского общества – экономической свободы граждан, независимого общественного мнения, духа партнерства и сотрудничества представителей общественных структур и органов государственной власти.

Литература

1. Глушкова С. И. Проблема правового идеала в русском либерализме. – Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного университета, 2001. – 466 с.
2. Градовский А. Д. Государственное право важнейших европейских держав // Градовский А. Д. Собр. соч. : в 5 т. – Т. 5 : [Государственное право важнейших Европейских держав], ч. 2 – СПб. : тип. М. М. Стасюлевича, 1902. – 561 с.
3. Градовский А. Д. История местного самоуправления в России : в 2 т. – Т. 1. – СПб. : печ. В. Головина, 1868. – 527 с.
4. Градовский А. По поводу одного предисловия // Вестник Европы. – 1882. – Т. 3. – С. 271–288.
5. Градовский А. Д. Значение идеала в общественной жизни // Градовский А. Д. Трудные годы (1876–1880): Очерки и опыты. – СПб. : тип. М. М. Стасюлевича, 1880. – С. 1–34.
6. Градовский А. Д. Задачи русской молодежи // Градовский А. Д. Трудные годы (1876–1880): Очерки и опыты. – СПб. : тип. М. М. Стасюлевича, 1880. – С. 277–291.
7. Градовский А. Д. Современные воззрения на государство и национальность. – М. : тип. А. И. Мамонтова и К°, 1872. – 91 с.
8. Градовский А. Д. О современном направлении государственных наук : речь, произнесенная на годичном акте Имп. С.-Петерб. ун-та, 8 февр. 1873 г., орд. проф. А. Градовским. – СПб. : тип. В. Безобразова, 1873. – 15 с.
9. Гуляк И. Н. Принцип «законности» и «должности» во взглядах А. Д. Градовского на общество и политику // Вестник Калмыцкого университета. – 2020. – № 2 (46). – С. 92–100. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-zakonnosti-i-dolzhnosti-vo-vzglyadah-a-d-gradovskogo-na-obschestvo-i-politiku/viewer> (дата обращения: 12.05.2021).
10. Жидкова Е. Н. Категории «Свобода» и «Прогресс» как основа правового учения А. Д. Градовского // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. – 2014. – Вып. 7 (135). – С. 83–89. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategorii-svoboda-i-progress-kak-osnova-pravovogo-ucheniya-a-d-gradovskogo/viewer> (дата обращения: 10.05.2021).
11. Замалеев А. Ф. Градовский как государствовед // Градовский А. Д. Сочинения / отв. ред. А. Ф. Замалеев. – СПб. : Наука, 2001. – С. 3–14.
12. Кессиди Ф. Х. О парадоксе России // Вопросы философии. – 2000. – № 6. – С. 87–91.
13. Корнев А. В., Борисов А. В. Правовая мысль и юридическое образование в дореволюционной России : учеб. пособие. – М. : Эксмо, 2005. – 288 с.
14. Медушевский А. Н. История русской социологии : учеб. пособие для вузов. – М. : Высшая школа, 1993. – 316 с.
15. Шахматов А. А. Краткий очерк жизни и деятельности А. Д. Градовского, с приложением 4 статей А. Д. Градовского. – СПб. : тип. М. М. Стасюлевича, 1904. – [4], CLXXVI с.

Svetlana Igorevna Glushkova,

Dr. Sci. (Political Science), Head of Human Rights Chair,
Liberal Arts University – University for Humanities,
Head of Russian Political Science Association
in the Sverdlovsk region (Yekaterinburg)

A Political and Legal Legacy of A. D. Gradovsky: from Public to Legal Ideals (to a 180-anniversary of the scholar)

Abstract. The paper explores the political and legal ideas of A. D. Gradovsky, a conservative-liberal, a historian of Russian law, one of the founders of political science, a researcher of the constitutional law of European countries. The author analyzes the scientist's thoughts about public and legal ideals, the role of a local authority, and the interaction of the state and society in forming a stable State.

Keywords: conservative liberalism; public ideal; legal ideal; local authority; freedom; law; legal state.

Новый этап развития «правительственного конституционализма»

Аннотация. Исследователи России выделяют такое явление, как «правительственный конституционализм». Это совокупность идей, исходящих от правящей группы, касающихся проблем конституционализма, и практика их реализации в правотворчестве и правоприменении. Целью «правительственного конституционализма» является сохранение власти правящей группы с помощью прикрытия ее «конституционными одеждами». Конституционный акт наполняется декларациями, которые должны понравиться населению. Результатом осуществления «правительственного конституционализма» становится появление противоречивого конституционного акта. Он может заполняться ложными конституционными нормами. Для распространения идей «правительственного конституционализма» создается специальный механизм.

Ключевые слова: «правительственный конституционализм»; борьба за власть; символическая политика; патернализм; ложная конституция; противоречивость акта; пропаганда.

В России давно сложилось понятие «правительственный конституционализм». Под ним понимается комплекс явлений. Во-первых, это идеи, касающиеся норм конституционного права, исходящие от правящей группы и поддерживающих ее групп служилой интеллигенции. Эти идеи часто выражаются в виде проектов конституционных реформ, разрабатываемых и обсуждаемых в правительственных кругах [15, с. 104]. Во-вторых, оно включает правовую политику, осуществляемую правящей группой в ходе правотворчества и применения норм государственного права.

В данной статье «правительственный конституционализм» рассматривается с аксиологической позиции. Аксиология выработала свое идеальное понятие конституционализма, под которым понимается социократия (власть общества граждан над аппаратом государства) и верховенство прав и свобод человека и гражданина (персоноцентризм [27, с. 25–41; 28; 29; 30]). С этой позиции «правительственный конституционализм» может быть набором совершенно антиконституционных идей и практик. Поэтому автор ставит слова «правительственный конституционализм» в кавычки. В литературе «правительственный конституционализм» может называться «государственным», «бюрократическим» или «монархическим» конституционализмом [10, с. 6–9].

«Правительственный конституционализм» России был хорошо описан историками [15]. Как известно, новый этап развития правительственной мысли начался с исторического обращения Президента РФ к Федеральному Собранию РФ 15 января 2020 г. с предложением изменить Конституцию РФ. В течение двух месяцев в Конституцию РФ были внесены поправки [23]. Автор считает, что выработанные историками методы изучения «правительственного конституционализма» вполне пригодны для изучения нового этапа его развития. В данной статье автор предлагает обратить внимание на основные свойства этого общественного явления.

1. «Правительственный конституционализм» играет решающую роль в истории обществ, которые еще не способны подчинить государство своей воле. В административных обществах [2, с. 24–39] государство создает господствующую

* Сергей Алексеевич Денисов, канд. юрид. наук, доцент кафедры прав человека юридического факультета АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).
E-mail: Sa-denisov@yandex.ru

идеологию и навязывает ее большинству. Здесь все реформы идут «сверху». В таких обществах конституционный акт и поправки к нему октроируются правителем. Законы (в том числе конституции) здесь принимаются ассамблеей, зависимой от правителя. Толкование конституции осуществляет конституционный суд, контролируемый правителем. Наука конституционного права в административном обществе является «служанкой» правящей группы. Она молчит или послушно поддакивает тому, что говорят чиновники. По мнению автора, Россия является типичным административным обществом, в котором имеются только слабые ростки общества граждан.

Всем понятно, что всплеск правительственной «конституционной мысли» в России произошел по команде сверху. До этого представители правящей группы и значительная часть обслуживающей ее интеллигенции вслед за Президентом РФ убеждали всех, что менять Конституцию РФ не пришло время. Только небольшая часть сторонников возврата России к доконституционным ценностям предлагала устранить из Конституции РФ наиболее важные конституционные нормы о включении России в международное сообщество (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ) и об отказе от государственной идеологии (ч. 2 ст. 13 Конституции РФ) [12].

Слова Президента РФ о необходимости поправок к конституции вызвали целую лавину мыслей о том, что надо менять. Появилось огромное количество интеллектуалов, готовых оказывать услуги правящей группе. От них пошел вал предложений о том, что можно исправить в Конституции, чтобы она стала еще более неконституционной. Голос представителей гражданской интеллигенции и демократической оппозиции был почти не слышен.

2. Правящие группы не склонны к суициду и не готовы сами расстаться с имеющейся властью. А. В. Гоголевский отмечает, что для «правительственного конституционализма» обычно характерна охранительная позиция [1, с. 13]. Историки указывают, что правящие круги не могут добровольно идти на самоограничение своей власти. К этому их вынуждают обстоятельства [15, с. 104]. В начале XXI в. правитель, даже обладающий абсолютной властью, не может объявить себя императором, как это сделал в свое время Наполеон Бонапарт. Он должен скрывать свою власть под конституционными одеждами. Исходя из этого, перед правящей группой России стоит вопрос о том, как с помощью норм Конституции оформить пожизненное правление первого лица, т. е. решить «проблему 2024».

В мире уже накоплен большой опыт решения проблем сохранения пожизненной власти одного человека в условиях имитации республиканской формы правления. Есть опыт Таджикистана, который сводится к тому, что правитель время от времени меняет Конституцию и каждый раз объявляет, что его прежний срок на посту Президента «обнуляется». Это позволило Э. Рахмону править Таджикистаном с 1992 г. Есть опыт Югославии, в соответствии с которым на И. Броз-Тито не распространялись ограничения срока пребывания у власти (Ст. 333 Конституции Югославии 1974 г.) [13, с. 358]. Есть опыт СССР и КНР, где правитель мог не занимать никакой должности в государственном аппарате. Есть опыт средневековой Японии, где император являлся только номинальной фигурой, а правление страной осуществлял сёгун [9, с. 12]. Правитель России решил оставить за собой два варианта сохранения власти после 2024 г. Первый связан с занятием должности в Государственном Совете (п. «е.5» ст. 83 Конституции РФ). Второй – с сохранением за собой должности Президента РФ до 2036 г. (ч. 3.1 ст. 81). Правящая группа оправдала эту идею тем, что страна находится в тяжелой ситуации и известное лицо не может бросить своих подданных на произвол судьбы в такое трудное время [25].

«В кругу членов Государственного совета, – пишет А. В. Гоголевский о положении в России начале XX в., – сформировалось оригинальное толкование кон-

ституционализма, заключавшееся в том, что для России непригодны западноевропейские парламентские институты и prerogatives короны должны быть максимально сохранены...» [1, с. 13–14]. Руководствуясь этим принципом, Президент РФ заявил, что когда-нибудь власть в России не будет персонифицирована, но сегодня это время еще не пришло [25].

3. «Правительственный конституционализм» конца XIX – начала XX в. в России испытывал значительное давление со стороны общества граждан, которое уже сформировалось к тому времени и приобрело определенную силу. Поэтому царь вынужден был прикрывать идею о сохранении своей абсолютной власти уступками обществу граждан. В частности, ст. 4 Основных государственных законов Российской империи 1906 г., закреплявшая самодержавие, прикрывалась ст. 86 о правах Государственной думы [31, с. 444–449]. Как показывает практика, за тридцать лет существования новой России в ней не появилось сильного общества граждан. Мощной социальной силой в ней продолжают оставаться группы подданных, которым не нужна свобода, не нужен парламент. Они хотят вернуться к сильному государству, которое будет опекать их, заботиться о воспитании их детей. Подданные ностальгируют по прошлому величию государства. Исходя из этой ситуации, правящая группа прикрыла главную идею поправок к Конституции массой обещаний улучшить положение бедных, позаботиться о сохранении традиционных ценностей, изолировать страну от внешнего мира и т. д. Здесь действует классический прием, который в США называется «всадник с конем». При принятии закона пропаганда делает акцент на «коне» (массе ярких сторон проекта закона), а с «конем» пытаются незаметно протащить «всадника» – какую-то главную норму проекта закона.

Вначале главные нормы поправок, решающие «проблему 2024», прикрывались небольшим количеством поправок, отвлекающих внимание от первых. Но «плотину прорвало». На рабочую группу и Администрацию Президента обрушилась волна предложений об исправлении текста Конституции РФ. Пришлось идти на уступки «массам трудящихся» и вносить в Конституцию огромное количество норм, имеющих символическое значение. Это не повредило главной цели внесения поправок. Чем более мощной является символическая политика [26], рассчитанная на манипуляцию чувствами людей, тем легче скрыть ее реальные цели.

4. Главные цели политики «правительственного конституционализма» могут прикрываться разными «одеждами». Витте, по словам А. В. Гоголевского, доказывал, что он стремится расширить гражданские свободы, но на самом деле заботился о сохранении самодержавия [1, с. 13]. В. Минаева пишет, что проект конституции для России, разрабатывавшийся в канцелярии Новосильцева, должен был, с одной стороны, иметь черты конституционных ограничений власти государства, а с другой – «не умалять значения абсолютной власти императора» [20, с. 34].

В основу «операции прикрытия» главных поправок к Конституции в 2020 г. была положена идея патернализма, которую служилая интеллигенция постоянно выдает за реализацию цели построения социального государства. Вновь приходится указывать на то, что социальное государство и патерналистское государство – это две противоположные ценности. Патернализм берет начало в государствах восточной деспотии с их азиатским способом производства. Он заключается в том, что отчужденное от общества государство заботится о своих подданных. Идеальным вариантом реализации идеи патерналистского государства сегодня является Саудовская Аравия. Социальное государство, в отличие от патерналистского, не лишает человека свободы. Это вид буржуазного государства, где большинство должно само обеспечивать себя и своих детей, производя полезный обществу продукт и поставляя его на рынок. Государство помогает только тем

группам людей, которые по объективным причинам не могут обеспечить себе достойный уровень жизни. Распределение продукта здесь происходит под контролем общества, которое платит налоги и на свои средства содержит нуждающихся. Большинство населения понимает, что всякое расширение социальных программ происходит за его счет [5].

В России в начале XX в. царизм пытался опираться на такие консервативные элементы общества, как дворянство [15, с. 105]. Сегодня правящая группа ищет поддержки своей политики в массах подданных, которые требуют от государства заботы о себе. Правящая группа вынуждена учитывать их мнение посредством символической политики, т. е. создания видимости раздачи благ среди бедной части населения. Государственная пропаганда сделала акцент на поправках к Конституции РФ, которые якобы решают проблему бедности. Ч. 6 ст. 75 обновленной Конституции обязывает государство индексировать пенсии, а ч. 5 ст. 75 предписывает устанавливать минимальную заработную плату не ниже прожиточного минимума. Очевидно, что эти поправки не дают никаких гарантий роста благосостояния бедных слоев населения, поскольку уровень инфляции и прожиточный минимум определяет Правительство России, которое может объявить любые цифры. Кроме того, поддержание существующего сегодня размера пенсий и минимального прожиточного уровня означает сохранение на долгие годы нищенского положения миллионов людей. В условиях нарастания экономического кризиса в России и в мире уровень жизни населения в ближайшие годы будет снижаться. Нормы Конституции не смогут этому препятствовать.

Традиционным для «правительственного конституционализма» является заещение ценности прав и свобод человека, суверенитета народа идеями великодержавия. Вновь популярными стали слова П. А. Столыпина о том, что нам не нужны великие потрясения, ведущие к освобождению России от исторического прошлого, а «нам нужна великая Россия» [1, с. 30]. Президент связал движение к великодержавию со своим пожизненным правлением [25]. Представители правящей группы делают ставку на державников и убеждают их, что без поправок к Конституции России не сохранить своего суверенитета и территориальной целостности. Поправки не должны позволить странам Запада вмешиваться во внутренние дела государства. Поскольку все величие России было в прошлом, то важнейшим для державников является «защита исторической правды» [21]. Средством этой защиты выбрана Конституция РФ.

К. Маркс отмечал, что бюрократия всегда умело выдавала свои собственные интересы за интересы общества [18, с. 270].

5. Общества, не способные перейти к социократии и господству прав человека, порождают большое количество идей и практик, которые получили название мнимого (ложного или фальшивого) конституционализма. А. Н. Медушевский пишет, что «мнимый конституционализм становится возможным в тех странах, где демократические силы не имеют реальной социальной опоры, распылены и вынуждены в силу этого апеллировать к государству» [19, с. 74]. В основе «правительственного конституционализма», как правило, лежат идеи мнимого конституционализма.

Выдавать мнимый конституционализм за реальный помогает теория юридического позитивизма. Она доказывает, что всякие нормы, вписанные в нормативный акт под названием «конституция», автоматически становятся конституционными нормами. С точки зрения аксиологического подхода нормы, вписанные в конституционный акт, не соответствующие идеалам социократии и господства прав человека, считаются ложно-конституционными или фиктивно-конституционными [3]. Представители «правительственного конституционализма» доказывают, что поправки в Конституцию РФ являются развитием конститу-

ционализма в России. С точки зрения аксиологической теории значительная часть поправок к Конституции РФ антиконституционна с разных позиций.

С точки зрения аксиологического подхода конституционализм означает усиление общества граждан, обеспечивающее его контроль за государственным аппаратом. Большинство поправок нацелено на усиление государственного аппарата. Государство восстанавливает свои тоталитарные черты и берет на себя функцию воспитания общества (п. «е» ст. 71). Согласно поправкам к Конституции государство берется определять, что является исторической правдой, и преследовать тех, кто отступает от этой правды (ч. 3 ст. 67.1). Конституция, с точки зрения аксиологического подхода, нацелена на ограничение власти главы государства. Поправки, внесенные в Конституцию РФ, направлены на обеспечение фактически пожизненного правления одного человека (ч. 3.1. ст. 81) и расширение его полномочий (ст. 83).

В конце XIX в. в России сложилась сильная бюрократическая элита, которая выступала за ограничение власти царя в пользу исполнительной власти (власти профессиональной бюрократии). Она стремилась к формированию единого кабинета министров, возглавляемого его председателем. Соответствующее предложение в 1861 г. вносил министр внутренних дел П. А. Валуев [15, с. 107]. Позднее на создании объединенного правительства под своим руководством настаивал С. Ю. Витте [1, с. 11]. Но царь боялся усиления главы правительства, поскольку последний мог конкурировать с ним за власть над страной. Эта же политика проводится в современной России. У нас не было правительства Д. А. Медведева и нет правительства М. В. Мишустина. С 2004 г. в России существуют только так называемые технические, или административные, правительства, которые создаются главой государства и реализуют его волю. В российской конституционной теории существует ошибочное мнение о том, что у нас усилена исполнительная власть. На самом деле, у нас сильна верховная власть Правителя, стоящего над всеми ветвями власти [4, с. 11–186]. Это традиция России, идущая из глубины веков. Она прекрасно описана П. Е. Казанским [11]. Исполнительная власть, т. е. власть Правительства, у нас самая слабая. Она полностью подчинена верховной власти Президента РФ. Поправки к Конституции РФ еще больше усиливают зависимость правительства, его министров от Президента РФ (пп. «б», «б.1», «д.1» ст. 83; ч. 1 и 3 ст. 110; ст. 113) и лишь делают вид, что расширяют полномочия главы правительства (ч. 2 ст. 112). При современном раскладе политических сил Правительство России, как и раньше, будет лишено самостоятельности, которая декларируется в ст. 10 Конституции РФ.

6. «Правительственный конституционализм» часто имеет характер обещаний, которые дает правитель своему населению. Отмечается, что Александр I на первом заседании сейма Царства Польского в 1818 г. обещал ввести «законно-свободные учреждения» не только в Польше, но и во «вверенном ему отечестве» [20, с. 34]. Политологи отмечают, что сегодня во всем мире наблюдается всплеск популизма. Политика правящей группы России не отличается оригинальностью. Как уже отмечалось, значительная часть поправок к Конституции РФ носит символический характер. Принятые нормы не нацелены на возникновение новых правоотношений. Они имеют лишь идеологическое значение и призваны воздействовать на чувства людей. Таким образом, конституционный акт превращается в сборник популистских обещаний заботиться об экономике и благосостоянии людей, бороться с бедностью, поддерживать социальное партнерство (ст. 75.1), заботиться о развитии науки и техники (п. «в.1» ч. 1 ст. 114), не забывать подвиг народа (ч. 3 ст. 67) и т. д.

Служилая интеллигенция усиленно навязывает обществу идеи юридического романтизма [32] или извращает содержание принятых поправок. Она пытается

доказывать массе населения, что с принятием конституционных деклараций жизнь в стране сразу улучшится, заявление о том, что государство берет на себя роль родителей для сирот (ч. 4 ст. 67.1), приведет к появлению у них родителей. Доказывается, что принятие поправки о том, что оказание медицинской помощи является предметом совместного ведения федерации и субъекта федерации (п. «ж» ст. 72), приведет к тому, что все лучшие лечебные заведения страны откроют перед населением свои двери [16]. После вменения Правительству обязанности поддерживать институты гражданского общества (п. «е.1» ст. 114), доказывает Л. Михеева, оно тут же начнет оказывать общественникам финансовую, материальную и налоговую помощь. Жизнь некоммерческого сектора сразу облегчится [17]. Оказывается, для реализации этой политики нужно было поменять Конституцию. Хорошо, что население не читает поправок к Конституции и на слово верит всем этим «уважаемым» людям.

7. Даже позитивисты согласятся с тем, что нормативный акт не должен быть противоречивым. Между тем поправки в Конституцию явно направлены на то, чтобы создать коллизии внутри конституционного текста и нейтрализовать нормы, закрепленные в 1 и 2-й главах Конституции РФ.

В наибольшей степени поправки к Конституции направлены на нейтрализацию принципа разделения властей, закрепленного в ст. 10 Конституции РФ. Они в еще большей степени, чем ранее, предоставляют Президенту РФ полномочия верховного Правителя, который устраняет независимость ветвей власти. Вместо разделения властей, в России устанавливается разделение труда между органами власти, подчиненными верховной власти Президента РФ. Как уже отмечалось, часть поправок направлена на устранение независимости исполнительной ветви власти, т. е. правительства РФ, от Президента РФ (пп. «б.1» и «д.1» ст. 83, в ч. 1 ст. 110). Другие поправки нацелены на устранение независимости судебной власти (пп. «е» и «е.3» ст. 83; п. «л» ч. 1 ст. 102). Способствовать устранению разделения властей будет Государственный Совет, который не входит ни в одну ветвь власти. Появление этого чрезвычайного органа прямо противоречит ч. 1 ст. 11 Конституции РФ, которая содержит исчерпывающий перечень органов государственной власти России.

Во вторую очередь поправки направлены на ограничение прав человека, которые объявляются высшей ценностью (ст. 2 Конституции). Ряд поправок нацелен на ограничение свободы слова (ч. 1 ст. 29). Ч. 2.1 ст. 67 (запрет призывать к отчуждению территории России) запрещает призывать к разрешению конфликта с Японией по поводу Курильских островов и с Украиной по поводу Крыма. Ч. 3 ст. 67.1 требует чтить память защитников Отечества и намекает на запрет исследований историков, которые, по мнению чиновников, недостаточно уважительно относятся к памяти защитников Отечества. Эта статья указывает на то, что есть «историческая правда», которая известна чиновникам, и людям запрещается выступать против этого «эталона правды». Данная статья прямо запрещает «умалять значение подвига народа при защите Отечества». В чем заключается умаление этого подвига – будут решать чиновники, выполняющие функции «министерства правды» (см. Дж. Оруэлл, «1984»). Высшей ценности прав человека противопоставляется идеология консерватизма и традиционализма, закрепленная в ч. 2 ст. 67, п. «ж.1» ч. 1 ст. 72, п. «в» ст. 114 обновленной Конституции РФ.

Ч. 2 ст. 67 обновленной Конституции требует от государства следовать его традициям. Все знают эти традиции: господство государства над обществом и человеком, самодержавие, произвол бюрократии, империя, милитаризм. Все это никак не согласуется с требованиями ст. 2, 17 и 18 Конституции РФ.

Ст. 79 и п. «б» ч. 5.1 ст. 125 обновленной Конституции противоречит ст. 2 Конституции РФ. Закрепленные в этих статьях нормы позволяют государству за-

щититься от своих подданных, которые выиграли против него дело в Европейском суде по правам человека.

Ст. 12 Конституции РФ указывает, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. Несмотря на это, ч. 1.1 ст. 131 обновленной Конституции позволяет органам государственной власти участвовать в формировании органов власти муниципалитетов.

Ст. 3 Закона РФ о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» требует игнорировать ст. 136 Конституции РФ, которая является неприкосновенной.

Представители правящей группы стараются доказать, что поправки не направлены на изменение глав 1 и 2 Конституции РФ [7].

8. Политика «правительственного конституционализма» отличается своей хитростью. В ней необходимо видеть «двойное дно». Некоторые поправки к Конституции РФ смотрятся достаточно безобидно. К примеру, не вызывает никакого возражения право Конституционного Суда РФ отказывать в реализации решения Международного суда, если это решение противоречит Конституции РФ (ст. 79). Но мы прекрасно понимаем, что сегодняшнее состояние Конституционного Суда РФ таково, что при вынесении решения он будет руководствоваться не идеями конституционализма, а указаниями из Администрации РФ. Его решение о том, что нарушение порядка принятия поправок к Конституции РФ, предусмотренное ст. 136 Конституции РФ, не является нарушением Конституции РФ [24], наглядно указывает на место Конституционного Суда РФ в механизме государственной власти.

Безобидным смотрится текст поправки, указывающей, что органы власти муниципалитетов являются частью системы публичных органов власти (ч. 3 ст. 132). Для теории конституционализма – это банальность. Но мы понимаем, что в современных условиях России данная фраза будет использована для оправдания встраивания органов власти муниципалитетов в государственный механизм, что противоречит ст. 12 Конституции РФ.

Ряд поправок к Конституции РФ смотрится вполне демократичным. П. «е.2» ст. 114 обновленной Конституции обязывает правительство поддерживать институты гражданского общества. Поправки к ст. 102 и 103 Конституции РФ расширяют полномочия палат Федерального Собрания. Поправка к ст. 81 Конституции РФ лишает будущего Президента России права занимать эту должность более двух сроков. Однако мы знаем практику реализации подобных норм. Обязанность государства помогать общественным объединением выливается у нас в создание клиентелы бюрократии, так называемых «общественников», что нарушает принцип равенства всех объединений перед законом (ч. 4 ст. 13 Конституции РФ).

Двор и правительство в начале XX в., пишет А. В. Гоголевский, сводили конституционализм к допущению законосовещательного представительства [1, с. 10]. Эти законосовещательные органы сегодня созданы в России. Палаты Федерального Собрания сегодня, фактически, полностью подчинены власти Президента РФ. Они занимаются не законотворческой, а законорегистрационной деятельностью [4, с. 75–108]. На это еще раз указывает скорость принятия поправок к Конституции РФ и результаты голосования в их поддержку [8]. Расширение полномочий такой ассамблеи не подрывает абсолютную власть главы государства. Без команды сверху она не будет пользоваться своими полномочиями, которые ей дает обновленная Конституция.

Александр I был не против того, чтобы законы принимали представители народа, но он оставлял за собой право на абсолютное вето [20, с. 39]. Ч. 3 ст. 107 обновленной Конституции РФ создает дополнительные гарантии и так фактически

существующего абсолютного вето Президента РФ. Конечно, эта норма долгое время будет спать, поскольку в современном Федеральном Собрании нет реальной оппозиции и оно послушно штампует законы, исходящие от Администрации Президента и Правительства России.

9. В начале XX в. власть правителя еще могла держаться на ее сакрализации. Сегодня правитель должен делать вид, что он опирается на волю народа. Необходимо констатировать тот факт, что в отличие от стран Центральной Азии глава Российского государства не может подкрепить свое решение посредством проведения референдума в соответствии с ФКЗ «О референдуме РФ». Приходится проводить упрощенное голосование, результаты которого более предсказуемы. Представители правящей группы доказывают, что это голосование есть реализация суверенитета народа. «Мы задаем стандарты широкой демократии», – говорит В. Володин [7]. История знает уже много примеров реализации суверенной власти народа и подобной демократии. В 1802 г. французы проголосовали за предоставление Наполеону Бонапарту титула пожизненного консула. В 1852 г. они провозгласили Луи Наполеона императором Франции. Референдум о продлении сроков пребывания на должности Президента проводил в 1994 г. Туркменбаши. Основатель мира и национального единства – Лидер таджикской нации Э. Рахмон вообще не принимает ни одного важного решения, не обратившись к суверенному народу. Референдумы в Таджикистане проводились в 1999, 2003 и 2016 гг. Вот кто демонстрирует примеры наивысшей демократии!

10. Интересным с точки зрения исследователя является механизм распространения идей «правительственного конституционализма».

Содержание идей «правительственного конституционализма» в условиях монархии определяется позицией самого правителя, его готовностью делиться властью. А. В. Гоголевский пишет: «...самодержавные убеждения Николая II сильно сказывались на правительственном конституционализме, блокируя его естественную эволюцию в сторону парламентской монархии» [1, с. 23]. В современной России ничего не изменилось. Направления правительственной мысли определяет один человек. Служилая интеллигенция в этих условиях вынуждена работать подобно флюгеру. Ее мнение меняется с изменением «направления ветра» из Кремля.

Необходимо помнить о том, что «короля играет свита». Очевидно, что дирижирует оркестром сторонников «правительственного конституционализма» Администрация Президента РФ. Везде чувствуется ее координирующая роль. В связи с этим правительственная пропаганда не отличается разнообразием форм и содержания. Она скучна и пользуется казенным языком.

Распространителем идей «правительственного конституционализма» является сам бюрократический аппарат, преданные правящей группе юристы-государствоведы и политологи, профессиональные работники средств массовой пропаганды и так называемые «общественники». К группе бюрократии (номенклатуры) автор относит всех депутатов представительных органов и аппаратчиков «Единой России».

К распространению идей «правительственного конституционализма» государство подключает преподавателей и представителей науки государственного права. Для определения этой группы общества автор предлагает использовать терминологию советских времен. Исследователи государственного права в СССР не называли себя конституционалистами. Конституционалисты – это сторонники буржуазных идей социократии и господства прав человека. Исходя из этого, можно сказать, что представители «правительственного конституционализма» от науки – это государствоведы, а не конституционалисты. Все качественно отличающиеся

друг от друга явления должны иметь свои названия, чтобы не путать их между собой.

К созданию и распространению идей «правительственного конституционализма» сегодня подключили людей, обладающих высокими научными званиями, занимающих ключевые должности в учреждениях науки и ассоциациях ученых. Эти научные звания придают их словам видимость научности. Но мы должны отличать научную деятельность этих людей от пропаганды, которой они вынуждены заниматься в рамках предписанных им ролей. Научная деятельность отличается от всякой иной своим критическим подходом. Отсутствие критического подхода указывает на то, что человек перестал быть ученым и превратился в идеолога или пропагандиста чужих идей.

Для придания авторитета пропагандистским заявлениям, их авторов называют «экспертами», «авторитетными людьми», «учеными», «журналистами».

Необходимо отметить, что современная политика «правительственного конституционализма» менее эффективна, чем советская. В 1977 г. в редакционную комиссию по разработке Конституции СССР были включены представители всех групп населения из всех регионов страны [14, с. 196]. В 2020 г. в рабочую группу по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию Российской Федерации было включено только несколько спортсменов, артистов, представителей служилой интеллигенции и «общественников» [22]. Широкого представительства масс не получилось.

Итак, мы имеем перед глазами новый этап развития «правительственного конституционализма», который должен быть предметом исследования ученых. Использование имеющихся методов исследования «правительственного конституционализма» позволяет прийти к выводу, что он нацелен на сохранение власти правящей группы (ее главы). Для достижения этой цели она использует приемы символической политики. Результатом политики «правительственного конституционализма» является противоречивый текст Конституции РФ, наполненный популистскими обещаниями и нормами, которые с точки зрения аксиологического подхода являются антиконституционными.

Литература

1. Гоголевский А. В. Русский конституционализм на путях парламентской монархии // Русский конституционализм от самодержавия к конституционно-парламентской монархии : сб. документов. – М. : Гардарики, 2001. – С. 7–31.
2. Денисов С. А. Административное общество. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2011. – 608 с.
3. Денисов С. А. Неконституционные нормы конституционных актов // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – № 4. – С. 5–7.
4. Денисов С. А. Реальное государственное право современной России : в 3 т. – Т. 3. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2017. – 524 с.
5. Денисов С. А. Социальное или патерналистское государство // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 7. – С. 3–9.
6. Добрынин Н. М. Конституционное (государственное) право Российской Федерации. Современная версия новейшей истории государства : учебник : в 2 т. – Т. 1. – Новосибирск : Наука, 2015. – 966 с.
7. Законны ли поправки Путина в Конституцию? Баттл авторов и юристов // URL: <https://www.bbc.com/russian/features-51402865> (дата обращения: 19.03.2020).
8. Изменения в Конституцию РФ приняты в третьем чтении. – URL: <http://duma.gov.ru/news/48003/> (дата обращения: 21.03.2020).
9. История Востока : в 6 т. – Т. 4 : Восток в новое время (Конец XVIII – начало XX в.) : Кн. 1. – М. : Вост. лит., 1995. – 608 с.

10. Кравец И. А. Конституционализм и российская государственность в начале XX века : учеб. пособие. – М. : ИВЦ «Маркетинг» ; Новосибирск : Изд-во ЮКЭА, 2000. – 368 с.
11. Казанский П. Е. Власть всероссийского императора. – М. : Фонд ИВ, 2007. – 600 с.
12. Козлова Н. Исправленному – верить // Российская газета. – 2015. – 27 апреля.
13. Конституции социалистических государств. – Т. 2. – М. : Юридическая литература, 1987. – 384 с.
14. Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И. Очерки истории Советской Конституции. – М. : Политиздат, 1987. – 367 с.
15. Курицын В. М. Правительственный конституционализм в России в 60–80 гг. XIX в. // Советское государство и право. – 1986. – № 2. – С. 7–31.
16. Лео Бокерия: «Конституция с предложенными поправками делает шаг вперед». – URL: <https://fedpress.ru/interview/2451126> (дата обращения: 30.03.2020).
17. Лидия Михеева: «Диалог между властью и обществом налажен». – URL: <https://fedpress.ru/interview/2448750> (дата обращения: 30.03.2020).
18. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1955. – Т. 1. – 723 с.
19. Медушевский А. Н. Конституционная монархия в Европе, Японии и России // Общественные науки и современность. – 1994. – № 6. – С. 71–88.
20. Минаева Н. В. Правительственный конституционализм в России после Отечественной войны 1812 г. // Вопросы истории. – 1981. – № 7. – С. 32–41.
21. Николай Патрушев прокомментировал «РГ» поправки в Конституцию // Российская газета. – 2020. – 19 марта.
22. Образована рабочая группа по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62589> (дата обращения: 31.03.2020).
23. О поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Российская газета. – 2020. – 16 марта.
24. О соответствии положений глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации: Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 // Российская газета. – 2020. – 17 марта.
25. Поправки в Конституцию – уверенное развитие России // Российская газета. Федеральный выпуск. – 2020. – 10 марта.
26. Поцелуев С. П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Полис. – 1999. – № 5. – С. 62–75.
27. Семитко А. П. Концептуальное введение: Право, личность, права человека: персонцентристский подход к праву и правовой культуре // Права человека: энциклопедический словарь / отв. ред. С. С. Алексеев. – М. : Норма, 2016. – 656 с.
28. Семитко А. П. О персонцентристском и соционцентристском типах государства и права как теоретической конструкции // Правовое государство: теория и практика. – 2016. – № 3 (45). – С. 7–14.
29. Семитко А. П. Персонцентристский подход к праву и правовой культуре // Вестник Гуманитарного университета. – 2013. – № 1 (1). – С. 86–94.
30. Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. – Екатеринбург : Изд-во Уральской юридической академии : Изд-во Гуманитарного университета, 1996. – 316 с.
31. Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период. – М. : Юридическая литература, 1990. – 480 с.
32. Эксперт: Обновленная Конституция усилит поддержку детей. – URL: <https://vz.ru/news/2020/3/22/1030191.html> (дата обращения: 22.03.2020).

Sergey Alekseevich Denisov,

Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof. at Human Rights chair,
Legal Department of Liberal Arts University – University
for Humanities (Yekaterinburg)

A New Stage in the Development of “Government Constitutionalism”

Abstract. Russian researchers identify such a phenomenon as governmental constitutionalism. It is a set of ideas coming from the ruling group concerning the problems of constitutionalism and the practice of their application in law-making and law enforcement. The goal of «government constitutionalism» is to preserve the power of the ruling group by covering it with constitutional clothes. Declarations that have to please the population, fill the constitutional act. The implementation of «governmental constitutionalism» results in appearing a contradictory constitutional act. False constitutional forms can fill it. To spread the ideas of governmental constitutionalism, there emerges a special mechanism.

Keywords: government constitutionalism; power struggle; symbolic politics; paternalism; false constitution; inconsistency of the act; propaganda.

Комментарии к документам

**Постановление Конституционного Суда РФ от 25.12.2020 № 49-П
«По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5
постановления Губернатора Московской области “О введении в Московской
области режима повышенной готовности для органов управления и сил
Московской областной системы предупреждения и ликвидации
чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению
распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019)
на территории Московской области” в связи с запросом Протвинского
городского суда Московской области»¹**

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, Г. А. Гаджиева, Л. М. Жарковой, С. М. Казанцева, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, В. Г. Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3.1 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47.1, 74, 86, 101, 102 и 104 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области».

Поводом к рассмотрению дела явился запрос Протвинского городского суда Московской области. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем нормативное положение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика С. М. Казанцева, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. В соответствии с подпунктом 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области от 12 марта 2020 года № 108-ПГ «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» (в редакции постановления Губернатора Московской области от 21 апреля 2020 года № 204-ПГ, действовавшей по состоянию на 24 апреля 2020 года, когда было совершено правонарушение, послужившее основанием для конкретного дела, в связи с которым в Конституционный Суд Российской Федерации направлен запрос) граждане обязаны не покидать места проживания (пребывания), за исключением случаев обращения за экстренной (неотложной) медицинской помощью и иной прямой угро-

¹ Официальный интернет-портал правовой информации. – 29.12.2020. – URL: <http://pravo.gov.ru> ; Собрание законодательства Российской Федерации. – 04.01.2021. – № 1 (ч. II). – Ст. 289 ; Российская газета. – 2021. – 15 янв. (№ 6).

зы жизни и здоровью (в том числе посещение ближайшей станции переливания крови с целью переливания крови), случаев следования к месту (от места) осуществления деятельности (в том числе работы), которая не приостановлена в соответствии с данным постановлением, осуществления деятельности, связанной с передвижением по территории Московской области, в случае если такое передвижение непосредственно связано с осуществлением деятельности, которая не приостановлена в соответствии с данным постановлением (в том числе оказанием транспортных услуг и услуг доставки), а также следования к ближайшему месту приобретения товаров (включая продуктовые гипермаркеты), работ, услуг, реализация которых не ограничена в соответствии с данным постановлением, в том числе с использованием личного транспортного средства, выгула домашних животных на расстоянии, не превышающем 100 метров от места проживания (пребывания), выноса отходов до ближайшего места накопления отходов (абзац первый); ограничения, установленные данным подпунктом, не распространяются на случаи оказания медицинской помощи, деятельность правоохранительных органов, органов по делам гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям, органов по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, иных органов в части действий, непосредственно направленных на защиту жизни, здоровья и иных прав и свобод граждан, в том числе противодействие преступности, охраны общественного порядка, собственности и обеспечения общественной безопасности (абзац второй); ограничения, установленные данным подпунктом, также не распространяются на граждан в случае наличия у них документов, оформленных в порядке, установленном постановлением Губернатора Московской области от 11.04.2020 № 177-ПГ «Об утверждении Порядка оформления и использования цифровых пропусков для передвижения по территории Московской области в период действия режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» (далее – Порядок оформления цифровых пропусков) (абзац третий).

1.1. Как следует из запроса и приложенных к нему материалов, 24 апреля 2020 года гражданин П., покинув место проживания, в нарушение подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области от 12 марта 2020 года № 108-ПГ находился в общественном месте города Протвино Московской области в период угрозы распространения заболевания, вызванного новой коронавирусной инфекцией (COVID-2019), представляющей опасность для окружающих. По данному факту должностным лицом органа внутренних дел был составлен протокол от 24 апреля 2020 года об административном правонарушении, предусмотренном частью 1 статьи 20.6.1 «Невыполнение правил поведения при чрезвычайной ситуации или угрозе ее возникновения» КоАП Российской Федерации, который был направлен судье для рассмотрения дела об административном правонарушении.

Протвинский городской суд Московской области, в производстве которого находится данное дело, придя к выводу о необходимости обращения с запросом в Конституционный Суд Российской Федерации на предмет проверки конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области от 12 марта 2020 года № 108-ПГ, устанавливающего запрет для граждан покидать место проживания (за исключением отдельных случаев) с целью исключения необоснованного привлечения граждан к административной ответственности, приостановил производство по делу и обратился в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке конституционности данной нормы (определение от 11 августа 2020 года).

Заявитель полагает, что установленное данным постановлением правовое регулирование осуществлено Губернатором Московской области с превышением полномочий и ограничивает право граждан на свободу передвижения, а потому не соответствует статьям 15, 17, 18, 27, 55, 71 и 72 Конституции Российской Федерации.

1.2. Оспариваемое регулирование, устанавливающее ограничение на передвижение граждан на территории Московской области, утратило силу в связи с принятием постановления Губернатора Московской области от 30 июня 2020 года № 306-ПГ «О внесении изменений в постановление Губернатора Московской области от 12.03.2020 № 108-ПГ «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области».

Пункт 4 части первой статьи 43 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предусматривает, что допускается проверка конституционности нормы, не имеющей более юридической силы, в случаях, когда акт, конституционность которого оспаривается, продолжает применяться к правоотношениям, возникшим в период его действия.

Принимая во внимание продолжительность временных рамок реализации процедуры пересмотра постановлений и решений по делам об административных правонарушениях (глава 30 КоАП Российской Федерации), возбужденным в связи с нарушением гражданами оспариваемого правоограничения, возможность применения оспариваемого положения к ранее возникшим правоотношениям не является исчерпанной.

Не является препятствием для производства по данному делу и то обстоятельство, что применительно к привлечению гражданина П. к административной ответственности по части 1 статьи 20.6.1 КоАП Российской Федерации (протокол составлен 24 апреля 2020 года) на момент обращения Протвинского городского суда Московской области с запросом в Конституционный Суд Российской Федерации (12 августа 2020 года) истек трехмесячный срок давности (часть 1 статьи 4.5 КоАП Российской Федерации), поскольку конституционно-правовая оценка оспариваемого регулирования в любом случае имеет юридическое значение при выборе правоприменителем (судом) нормативных оснований для прекращения производства по делу об административном правонарушении, предусмотренных частью 1 статьи 24.5 КоАП Российской Федерации.

С учетом изложенного Конституционный Суд Российской Федерации не усматривает оснований для прекращения производства по данному делу.

1.3. Как следует из статей 74, 101 и 102 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации по запросам судов проверяет конституционность оспариваемых нормативных положений в порядке конкретного нормоконтроля в той части, в какой они подлежат применению в находящемся в производстве суда деле, и принимает постановление только по предмету, обозначенному в запросе, оценивая как буквальный смысл проверяемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм.

Таким образом, предметом рассмотрения по настоящему делу является подпункт 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой корона-

вирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области», поскольку этим положением, действовавшим во взаимосвязи с общей системой конституционно-правового и соответствующего отраслевого регулирования, устанавливалась обязанность граждан в условиях режима повышенной готовности в целях предотвращения распространения коронавирусной инфекции не покидать места проживания (пребывания) (за исключением предусмотренных в данной норме случаев), нарушение которой влекло административную ответственность.

2. Конституция Российской Федерации (статьи 2, 7 и 41) исходит из того, что жизнь и здоровье человека – высшее благо, без которого утрачивают свое значение многие другие блага и ценности, а потому забота об их сохранении и укреплении образует одну из основополагающих конституционных обязанностей государства.

В связи с этим Российская Федерация возлагает на себя ответственность за обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения, в том числе путем принятия и исполнения законов, направленных на предотвращение и устранение рисков для жизни и здоровья граждан, возникающих в связи с эпидемическими заболеваниями. При этом выбор правовых средств, направленных на защиту жизни и здоровья граждан в целях предотвращения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, связанных с эпидемическими заболеваниями, относится, по общему правилу, к дискреции законодателя, который, осуществляя защиту прав и свобод человека и гражданина и устанавливая соответствующее правовое регулирование, обязан предусмотреть эффективные гарантии соблюдения иных прав и свобод граждан, адекватные целям сохранения жизни граждан и их здоровья.

Вместе с тем необходимость защиты жизни и здоровья граждан при возникновении чрезвычайных ситуаций или угрозе их возникновения и осуществлении мер по борьбе с эпидемиями и ликвидацией их последствий – учитывая, что жизнь человека является высшей конституционной ценностью, без которой реализация гражданских, экономических, социальных и иных прав становится во многом бессмысленна, – предполагает принятие таких правовых актов, которые не исключают возможности ограничения прав и свобод человека, в том числе и свободы передвижения, но только в той мере, в какой это соответствует поставленным целям при соблюдении требований соразмерности и пропорциональности (статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации).

Согласно Конституции Российской Федерации (статья 27, часть 1) каждый, кто законно находится на территории Российской Федерации, имеет право свободно передвигаться. Свобода передвижения гарантирована также Международным пактом о гражданских и политических правах (статья 12), другими международными и международно-правовыми актами, в том числе Протоколом № 4 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (статья 2). Однако реализация гражданами индивидуального по своей правовой природе права на свободу передвижения в условиях возникновения реальной общественной угрозы предполагает проявление с их стороны разумной сдержанности. Принятие государством в отношении данного права конституционно допустимых и вынужденных временных ограничительных мер прежде всего имеет направленность на самоорганизацию общества перед возникновением общей угрозы и тем самым является проявлением одной из форм социальной солидарности, основанной на взаимном доверии государства и общества, тем более что ограничение свободы передвижения по своим отличительным конституционным параметрам не тождественно ограничению личной свободы (статья 22, часть 1; статья 75.1 Конституции Российской Федерации).

С учетом этого введение тех или иных ограничений прав граждан, обусловленных распространением опасных – как для жизни и здоровья граждан, так и по

своим социально-экономическим последствиям – эпидемических заболеваний, требует обеспечения конституционно приемлемого баланса между защитой жизни и здоровья граждан и правами и свободами конкретного гражданина в целях поддержания приемлемых условий жизнедеятельности общества, в том числе вызванных уникальным (экстраординарным) характером ситуации распространения нового опасного заболевания. При этом обеспечение при необходимости соблюдения ограничений мерами юридической ответственности, в том числе административной, является естественным элементом механизма правового регулирования. Осуществление же соответствующего регулирования и правоприменения представляет собой особую задачу, уклониться от решения которой государство не вправе (статья 18 Конституции Российской Федерации).

3. Согласно Конституции Российской Федерации одной из основ федеративного устройства Российской Федерации является разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации (статья 1, часть 1; статья 5, часть 3). Определяя в этих целях сферы ведения Российской Федерации и сферы совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, Конституция Российской Федерации устанавливает, что по предметам совместного ведения издаются федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, которые не могут противоречить федеральным законам, принятым по предметам ведения Российской Федерации и предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов (статьи 71 и 72; статья 76, части 2 и 5).

Защиту прав человека и осуществление мер по борьбе с катастрофами, стихийными бедствиями, эпидемиями, ликвидацию их последствий Конституция Российской Федерации относит к совместному ведению Российской Федерации и составляющих ее субъектов (статья 72, пункты «б», «з» части 1), что означает допустимость участия органов государственной власти субъекта Российской Федерации – с соблюдением иерархической соподчиненности правовых норм – в регулировании вопросов, касающихся защиты прав человека, а также населения и территорий от чрезвычайных и других аналогичных по уровню своей опасности ситуаций природного и иного характера.

3.1. Правовым актом, определяющим общие организационно-правовые нормы в области защиты от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, является Федеральный закон от 21 декабря 1994 года № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», действие которого распространяется на отношения, возникающие в процессе деятельности органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, а также предприятий, учреждений и организаций независимо от их организационно-правовой формы и населения в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций (преамбула).

В силу данного Федерального закона органы управления и силы единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций могут функционировать в одном из следующих режимов: а) повседневной деятельности – при отсутствии угрозы возникновения чрезвычайной ситуации; б) повышенной готовности – при угрозе возникновения чрезвычайной ситуации; в) чрезвычайной ситуации – при возникновении и ликвидации чрезвычайной ситуации (пункт 6 статьи 4.1).

При введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации, а также при установлении уровня реагирования для соответствующих органов управления и сил единой государственной системы предупреждения и ликвида-

ции чрезвычайных ситуаций Правительственная комиссия по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечению пожарной безопасности или должностное лицо, установленные пунктами 8 и 9 статьи 4.1 данного Федерального закона, может определять руководителя ликвидации чрезвычайной ситуации, который несет ответственность за проведение этих работ в соответствии с законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации, и принимать дополнительные меры по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, в том числе ограничивать доступ людей и транспортных средств на территорию, на которой существует угроза возникновения чрезвычайной ситуации, а также в зону чрезвычайной ситуации; таким должностным лицом на региональном уровне является высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации (руководитель высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) (пункты 8 и 10 статьи 4.1 данного Федерального закона).

Разграничивая полномочия Российской Федерации и ее субъектов в сфере защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» предусматривает, что при введении на территории субъекта Российской Федерации режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации, с учетом особенностей чрезвычайной ситуации на территории субъекта Российской Федерации или угрозы ее возникновения, региональные органы государственной власти принимают в соответствии с федеральными законами законы и иные нормативные правовые акты в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций межмуниципального и регионального характера; принимают решения об отнесении возникших чрезвычайных ситуаций к чрезвычайным ситуациям регионального или межмуниципального характера, вводят режим повышенной готовности или чрезвычайной ситуации для соответствующих органов управления и сил единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (подпункты «а», «м» пункта 1 статьи 11).

Конкретизируя предписания статей 41, 71 и 72 Конституции Российской Федерации, применительно к условиям чрезвычайных ситуаций, связанных с борьбой и ликвидацией последствий эпидемий (пандемий), Федеральный закон от 30 марта 1999 года № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» предусматривает, что в целях предупреждения возникновения и распространения инфекционных заболеваний должны своевременно и в полном объеме, в том числе на уровне субъектов Российской Федерации, проводиться предусмотренные санитарными правилами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации санитарно-противоэпидемические (профилактические) мероприятия и ограничительные мероприятия (карантин) (пункты 1 и 2 статьи 2, статьи 6, 29 и 31).

Помимо этого, Федеральным законом от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» к полномочиям органов государственной власти субъекта Российской Федерации по предметам совместного ведения, осуществляемым данными органами самостоятельно за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации, отнесено решение вопроса предупреждения чрезвычайных ситуаций межмуниципального и регионального характера, стихийных бедствий, эпидемий и ликвидации их последствий, реализации мероприятий, направленных на спасение жизни и сохранение здоровья людей при чрезвычайных ситуациях (подпункт 5 пункта 2 статьи 26.3).

3.2. Опираясь на приведенное регулирование, а также учитывая положения Закона Московской области от 4 мая 2005 года № 110/2005-ОЗ «О защите населения и территории Московской области от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», которые наделяют Губернатора Московской области полномочием по принятию решений об отнесении возникших чрезвычайных ситуаций к чрезвычайным ситуациям регионального или межмуниципального характера, введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации для соответствующих органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (пункт «в» статьи 2), указанным должностным лицом было принято постановление «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области», обладающее нормативными свойствами.

Данным правовым актом (подпункт 3 пункта 5 в оспариваемой редакции) был установлен запрет для граждан покидать места проживания (пребывания), за исключением определенных случаев (обращение за медицинской помощью, покупка необходимых товаров и др.), представляющий собой временную административно-правовую меру, направленную на предупреждение возникновения и развития чрезвычайных ситуаций, ограничение эпидемического распространения заболеваемости коронавирусной инфекцией на территории Московской области и тем самым на обеспечение реализации и защиты гарантированных Конституцией Российской Федерации прав неопределенного круга лиц, проживающих (пребывающих) на территории указанного субъекта Российской Федерации.

Постановление Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» было принято 12 марта 2020 года (а оспариваемое положение в его первой редакции внесено в него 29 марта 2020 года, после издания Указа Президента Российской Федерации от 25 марта 2020 года № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней»), т. е. до того, как были внесены изменения в том числе в положения Федерального закона «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» в части расширения и конкретизации полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации применительно к рассматриваемому аспекту (Федеральный закон от 1 апреля 2020 года № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций») и принят Указ Президента Российской Федерации от 2 апреля 2020 года № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)». Федеральным законом от 1 апреля 2020 года № 98-ФЗ понятие чрезвычайной ситуации дополнено случаями распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, органам государственной власти субъектов Российской Федерации предоставлено право устанавливать обязательные для исполнения гражданами и организациями правила поведения при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации. Указом Президента Российской Федерации от 2 апреля 2020 года № 239 на высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации возложена

обязанность, исходя из санитарно-эпидемиологической обстановки и особенностей распространения коронавирусной инфекции в субъекте Российской Федерации, обеспечить разработку и реализацию комплекса ограничительных и иных мероприятий, в том числе установить особый порядок передвижения на соответствующей территории лиц и транспортных средств (пункт 2). При этом временной интервал между введением оспариваемого положения и принятием соответствующего федерального регулирования, с которым согласуется его содержание, был незначительным.

30 января 2020 года по решению Всемирной организации здравоохранения эпидемиологической ситуации, вызванной вспышкой коронавирусной инфекции, присвоен уровень международной опасности, объявлена чрезвычайная ситуация международного значения, а 11 марта 2020 года ситуация признана пандемией (заявление Генерального директора ВОЗ по итогам второго совещания Комитета по чрезвычайной ситуации в соответствии с Международными медико-санитарными правилами, в связи со вспышкой заболевания, вызванного новым коронавирусом 2019 г. (nCoV), 30 января 2020 года; вступительное слово Генерального директора ВОЗ на пресс-брифинге по COVID-19, 11 марта 2020 года). Распространение коронавирусной болезни, начавшееся в 2019 году, поставило перед мировым сообществом и перед Российской Федерацией в частности множество проблем не только медицинского, но и социального, политического, экономического и юридического характера. Одной из них стала проблема ограничения контактов между людьми с целью снижения скорости передачи вируса от человека к человеку. Как следует из принятых 19 марта 2020 года Всемирной организацией здравоохранения Рекомендаций по помещению людей в карантин в контексте сдерживания вспышки коронавирусной болезни (COVID-2019), меры общественного здравоохранения для достижения этих целей могут включать ограничение передвижения или отделение людей, которые могли быть подвержены воздействию вируса, от остальной части населения с целью мониторинга симптомов и раннего выявления случаев заболевания.

Необходимость принятия наряду с другими мерами борьбы с пандемией мер, связанных с ограничением свободы передвижения, подтверждается опытом других государств. Меры изоляции и самоизоляции граждан по месту их проживания (пребывания), получившие международное обозначение «lockdown», не являются особенностью Российской Федерации. В апреле 2020 года они в той или иной степени применялись более чем в 90 странах мира и, таким образом, охватывали более половины населения планеты.

В сложившейся экстраординарной ситуации Губернатором Московской области как высшим должностным лицом государственной власти субъекта Российской Федерации (это относится к большинству регионов), по сути, было осуществлено оперативное (опережающее) правовое регулирование, впоследствии (спустя незначительный период) легитимированное правовыми актами федерального уровня, что само по себе, по смыслу правовой позиции, неоднократно высказанной Конституционным Судом Российской Федерации, не может расцениваться как противоречие положениям Конституции Российской Федерации (постановления от 21 марта 1997 года № 5-П, от 9 июля 2002 года № 12-П и от 14 апреля 2008 года № 7-П).

При этом динамика одновременного автономного развития нормативного регулирования по данному вопросу на федеральном и региональном уровне отчетливо отражает экстраординарность ситуации, в которой каждый из уровней государственной власти в рамках конституционной обязанности по защите жизни и здоровья граждан предпринимал усилия по минимизации ущерба для этих ценностей регулятивными средствами, причем понимание необходимости этих средств

было общим и для федерального, и для регионального уровня публичной власти. В этой связи то обстоятельство, что осуществленное в постановлении Губернатора Московской области регулирование носило опережающий характер (особенно принимая во внимание масштаб угрозы распространения коронавирусной инфекции), не может служить основанием для вывода о признании его в конкретно-исторической ситуации противоправным и противоречащим положениям Конституции Российской Федерации даже в короткий период до принятия федеральных актов, придавших ему формально-юридическую легитимацию.

Необходимо отметить, что статья 20.6.1 КоАП Российской Федерации, предусматривающая ответственность за невыполнение правил поведения при чрезвычайной ситуации или угрозе ее возникновения, была введена Федеральным законом от 1 апреля 2020 года № 99-ФЗ, который вступил в силу с той же даты – дня официального опубликования на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Именно эта норма, как следует из представленных материалов, явилась нормативным основанием для привлечения гражданина к административной ответственности за деяние, совершенное после указанной даты, в конкретном деле, в связи с которым заявитель обратился в Конституционный Суд Российской Федерации. Поэтому в настоящем деле не возникает вопрос о допустимости распространения возможности опережающего характера регулирования субъектами Российской Федерации в такой ситуации на случаи установления законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях административной ответственности за нарушение соответствующих нормативных правовых актов (пункт 1 части 1 статьи 1.3.1 КоАП Российской Федерации).

Выбор правовых средств, направленных на защиту жизни и здоровья граждан в ситуациях, связанных с распространением заболеваний, относится по общему правилу к дискреции законодателя, а если такие правовые средства имеют характер мер по ограничению иных прав, то применительно к российской правовой системе – к дискреции федерального законодателя. В то же время отсутствие правового регулирования, адекватного по своему содержанию и предусмотренным мерам чрезвычайной ситуации, угрожающей жизни и здоровью граждан, притом что такая угроза реальна и безусловна, не может быть оправданием для бездействия органов публичной власти по предотвращению и сокращению случаев наступления смертей и тяжелых заболеваний. Подобное бездействие означало бы устранение государства от исполнения его важнейшей конституционной обязанности, состоящей в признании, соблюдении и защите прав и свобод человека и гражданина, и, по сути, приводило бы к ее игнорированию в силу сугубо формальной интерпретации конституционного принципа верховенства закона (статьи 2 и 18 Конституции Российской Федерации), без учета того, что интересы защиты жизни и здоровья граждан при определенных обстоятельствах могут преобладать над ценностью сохранения обычного правового режима реализации иных прав и свобод, а право на свободу передвижения по своей природе не является абсолютным (статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации, статьи 1 и 8 Закона Российской Федерации от 25 июня 1993 года № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации»).

Поэтому в рассматриваемой ситуации, связанной с распространением коронавирусной инфекции, с конституционно-правовой точки зрения в целом была приемлема реализация в оперативном временном регулировании нормативными актами субъектов Российской Федерации более общих федеральных правовых ориентиров, содержащихся в федеральных законах «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»,

«О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» и «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», и в период до 1 апреля 2020 года.

3.3. Органы государственной власти субъектов Российской Федерации участвуют в различных отношениях, имеющих общедولةвое значение, в той мере и постольку, в какой и постольку такое участие предусмотрено и допускается федеральными законами, иными нормативными правовыми актами федеральных органов государственной власти.

Соответственно, федеральный закон, регулирующий те или иные вопросы (предметы) совместного ведения, будучи нормативным правовым актом общего действия, призван, как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, определять права и обязанности участников правоотношений, а также устанавливать компетенцию и конкретные полномочия органов государственной власти, разграничивая их на основе конституционного принципа разделения властей, распространяющегося на осуществление государственной власти в Российской Федерации как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации. Законодатель же субъекта Российской Федерации, осуществляя в рамках, закрепленных на уровне федерального закона, конкретизирующее правовое регулирование, должен избегать вторжения в сферу федерального ведения, при этом он вправе самостоятельно решать правотворческие задачи по вопросам, не получившим содержательного выражения в федеральном законе, не отступая от конституционных требований о непротиворечии законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации федеральным законам и о соблюдении прав и свобод человека и гражданина (постановления от 18 января 1996 года № 2-П, от 9 января 1998 года № 1-П, от 21 декабря 2005 года № 13-П, от 24 декабря 2013 года № 30-П, от 1 декабря 2015 года № 30-П, от 28 марта 2017 года № 10-П и др.).

Подтвердив право органов государственной власти субъектов Российской Федерации принимать конкретные меры, направленные на борьбу с пандемией (в том числе устанавливать правила поведения граждан в условиях режима повышенной готовности), ограничивающие, в частности, передвижение лиц и транспортных средств, федеральный законодатель вправе был полагать, что определение таких мер в условиях пандемии, неравномерно протекающей в разных регионах страны, гораздо эффективнее может осуществляться на уровне субъектов Российской Федерации. В свою очередь, органы власти субъектов Российской Федерации, участвуя в рамках единой государственной политики в данных отношениях, были вправе предусмотреть адекватные способы эффективного решения возложенных на них задач с учетом территориального и временного характера их действия, не допуская при этом несоразмерного ограничения конституционных прав и свобод граждан.

4. Как указывал Конституционный Суд Российской Федерации, Конституция Российской Федерации, в том числе ее статьи 17 (часть 3), 19, 55 (части 2 и 3) и 56 (часть 3), допускает возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина лишь в целях защиты конституционно значимых ценностей при справедливом соотношении публичных и частных интересов, при этом устанавливаемые федеральным законом средства и способы такой защиты должны быть обусловлены ее целями и способны обеспечить их достижение, исключая умаление и несоразмерное ограничение соответствующих прав и свобод (постановления от 18 февраля 2000 года № 3-П, от 14 ноября 2005 года № 10-П, от 26 декабря 2005 года № 14-П, от 16 июля 2008 года № 9-П, от 7 июня 2012 года № 14-П и от 17 февраля 2016 года № 5-П). Таким же критериям должны соответствовать и

подзаконные нормативные акты, принятые в том числе в экстраординарной ситуации в порядке исполнения Конституции Российской Федерации и федерального закона.

4.1. Ограничение свободы передвижения, установленное оспариваемым положением постановления Губернатора Московской области от 12 марта 2020 года № 108-ПГ, действующим во взаимосвязи с общей системой конституционно-правового и соответствующего отраслевого регулирования, обусловлено объективной необходимостью оперативного реагирования на беспрецедентную угрозу распространения коронавирусной инфекции, имеет исключительный характер и преследует конституционно закрепленные цели защиты жизни и здоровья всех лиц, включая в первую очередь самих граждан, подвергнутых временной изоляции, и является соразмерным.

Соразмерность данного ограничения проявляется прежде всего в тех разумных исключениях из общего правила о запрете покидать место своего проживания (пребывания), которые содержались в самой норме (подпункт 3 пункта 5). Так, за гражданами сохранялась свобода передвижения в случаях: обращения за экстренной (неотложной) медицинской помощью и иной прямой угрозы жизни и здоровьем (в том числе посещение ближайшей станции переливания крови с целью переливания крови); следования к месту (от места) осуществления деятельности (в том числе работы), которая не приостановлена в соответствии с данным постановлением, осуществления деятельности, связанной с передвижением по территории Московской области, в случае если такое передвижение непосредственно связано с осуществлением деятельности, которая не приостановлена в соответствии с данным постановлением (в том числе оказанием транспортных услуг и услуг доставки); следования к ближайшему месту приобретения товаров (включая продуктовые гипермаркеты), работ, услуг, реализация которых не ограничена в соответствии с данным постановлением, выгула домашних животных на расстоянии, не превышающем 100 метров от места проживания (пребывания), выноса отходов до ближайшего места накопления отходов.

Эти исключения не содержат в себе признаков социальной и иной дискриминации и основаны на рациональном понимании объективных жизненных потребностей граждан и общества, что также свидетельствует об их конституционно-правовой допустимости.

В период установления для граждан запрета покидать места проживания (пребывания), за исключением определенных случаев (подпункт 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области от 12 марта 2020 года № 108-ПГ в редакции от 29 марта 2020 года), Указом Президента Российской Федерации от 25 марта 2020 года № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней» для большей части населения России с 30 марта по 3 апреля 2020 года устанавливались нерабочие дни с сохранением за работниками заработной платы, благодаря чему граждане на момент введения данных мер не находились в состоянии неразрешимой коллизии между необходимостью присутствия на рабочем месте и наличием ограничительных условий передвижения. Более того, указами Президента Российской Федерации от 2 апреля 2020 года № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» и от 28 апреля 2020 года № 294 «О продлении действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» соответствующие условия трудовой деятельности были продлены.

При оценке допустимости и соразмерности оспариваемого регулирования как временных ограничительных мер, вызванных распространением нового опасного инфекционного заболевания, не может не приниматься во внимание тот факт, что по мере изменения обстановки (в том числе обретения органами государственной власти большего понимания характера и условий распространения ранее неизвестного заболевания), а также оперативного создания новых управленческих инструментов, соответствующее регулирование претерпевало изменения.

Так, постановлением Губернатора Московской области от 18 апреля 2020 года № 193-ПГ в оспариваемое положение было внесено дополнение, согласно которому установленные ограничения на свободу передвижения не распространяются на граждан в случае наличия у них документов, оформленных в порядке, предусмотренном постановлением Губернатора Московской области от 11 апреля 2020 года № 177-ПГ «Об утверждении Порядка оформления и использования цифровых пропусков для передвижения по территории Московской области в период действия режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области».

Впоследствии постановлением Губернатора Московской области от 28 мая 2020 года № 263-ПГ «О внесении изменений в постановление Губернатора Московской области от 12.03.2020 № 108-ПГ «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» ранее введенные цифровые пропуска были отменены одновременно с общим смягчением ограничительных мер с 28 мая 2020 года. В частности, для граждан добавились новые возможности в виде занятия физкультурой и спортом на открытом воздухе.

Подпункт 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области в оспариваемой редакции окончательно утратил юридическую силу с принятием постановления Губернатора Московской области от 30 июня 2020 года № 306-ПГ «О внесении изменений в постановление Губернатора Московской области от 12.03.2020 № 108-ПГ «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области».

Указанное подтверждает временный, экстраординарный характер введенной оспариваемым положением меры по защите права граждан на жизнь и здоровье применительно к территории конкретного субъекта Российской Федерации.

4.2. В любом случае, приведенные нормативные исключения из общего правила о запрете для граждан покидать место своего проживания (пребывания) по их конституционно-правовому смыслу не могут рассматриваться как исчерпывающие в контексте привлечения лица к административной ответственности. Правоприменительные органы, в том числе суды, вправе учесть и другие обстоятельства, свидетельствующие об уважительности причин, по которым гражданин был вынужден покинуть место своего проживания (пребывания). Иное свидетельствовало бы о произвольности выводов суда (должностного лица) и об ограничении возможности заинтересованных лиц обеспечить защиту собственного здоровья и здоровья близких лиц, а также иных конституционных ценностей.

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, меры административной ответственности и правила их применения, устанавли-

ваемые законодательством об административных правонарушениях, должны не только соответствовать характеру административного правонарушения, его опасности для защищаемых законом ценностей, но и обеспечивать учет причин и условий его совершения, а также личности правонарушителя и степени его вины, гарантируя тем самым адекватность порождаемых последствий для лица, привлекаемого к административной ответственности, тому вреду, который причинен в результате административного правонарушения, не допуская избыточного государственного принуждения и обеспечивая баланс основных прав индивида (юридического лица) и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от административных правонарушений. Применение одинаковых мер ответственности за различные по степени опасности административные правонарушения без надлежащего учета характеризующих виновное лицо обстоятельств, имеющих объективное и разумное обоснование, противоречит конституционному запрету дискриминации и выраженным в Конституции Российской Федерации идеям справедливости и гуманизма и несовместимо с принципом индивидуализации ответственности за административные правонарушения (постановления от 19 марта 2003 года № 3-П, от 13 июля 2010 года № 15-П, от 17 января 2013 года № 1-П и др.). Опираясь на эти правовые позиции, Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что наложение предусмотренного законом административного наказания при определенных обстоятельствах может противоречить целям административной ответственности и приводить к чрезмерному ограничению конституционных прав и свобод (постановления от 14 февраля 2013 года № 4-П и от 25 февраля 2014 года № 4-П).

Соответственно, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, основываясь на вытекающих из Конституции Российской Федерации принципах справедливости и пропорциональности, предполагает, что органы административной юрисдикции обязаны избегать формального подхода к решению вопроса об административном наказании. В частности, необходимо учитывать требования Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, направленные на обеспечение всестороннего, полного, объективного и своевременного выяснения всех обстоятельств, связанных с привлечением к административной ответственности, и справедливого разрешения дела об административном правонарушении. Так, согласно положениям данного Кодекса не является административным правонарушением причинение лицом вреда охраняемым законом интересам в состоянии крайней необходимости, т. е. для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или других лиц, а также охраняемым законом интересам общества или государства, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и если причиненный вред является менее значительным, чем предотвращенный вред (статьи 2.7 и 24.1).

Следовательно, правоприменительные органы, включая суды, при рассмотрении дел об административных правонарушениях не лишены возможности – не ограничиваясь формальной констатацией нарушения правил передвижения по территории Московской области в период действия режима повышенной готовности (ликвидации чрезвычайных ситуаций) – учитывать и иные (помимо указанных в оспариваемом положении) уважительные обстоятельства, в связи с которыми гражданином были допущены такие нарушения.

5. Суммируя изложенное, Конституционный Суд Российской Федерации приходит к выводу, что оспариваемые меры обеспечивают справедливый баланс между необходимостью защиты жизни и здоровья населения в условиях сложной эпидемической ситуации, с одной стороны, и обеспечением возможности передвижения – с другой. Тем самым регулирование, предусмотренное подпунктом 3

пункта 5 постановления Губернатора Московской области от 12 марта 2020 года № 108-ПГ, необходимость принятия которого была обусловлена чрезвычайными обстоятельствами и которое имело правовые ориентиры в федеральном законодательстве в момент его установления и затем в кратчайшие сроки было согласовано с ним посредством его изменения, не может рассматриваться – с учетом преследуемой цели – как возложение на граждан чрезмерного бремени.

Таким образом, подпункт 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области от 12 марта 2020 года № 108-ПГ в системе действующего законодательства не противоречит Конституции Российской Федерации, поскольку установление этим положением обязанности граждан в условиях режима повышенной готовности в целях предотвращения распространения коронавирусной инфекции не покидать места проживания (пребывания), за исключением предусмотренных в данной норме случаев, было продиктовано объективной необходимостью оперативного реагирования на экстраординарную (беспрецедентную) опасность распространения коронавирусной инфекции (COVID-2019), вводимые им меры не носили характера абсолютного запрета, допуская возможность перемещения граждан при наличии уважительных обстоятельств, были кратковременными, а возможность их установления получила своевременное подтверждение в федеральном законодательстве.

Данный вывод Конституционного Суда Российской Федерации подлежит учету и применительно к аналогичным положениям нормативных правовых актов других субъектов Российской Федерации.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47.1, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 104 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать подпункт 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку установление этого положения по его конституционно значимому предназначению и сути было продиктовано объективной необходимостью оперативного реагирования на экстраординарную (беспрецедентную) опасность распространения коронавирусной инфекции (COVID-2019), вводимые им меры не носили характера абсолютного запрета, допуская возможность перемещения граждан при наличии уважительных обстоятельств, были кратковременными, а возможность их установления получила своевременное подтверждение в федеральном законодательстве.

2. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

3. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

Конституционный Суд Российской Федерации

Комментарий

к Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации № 49-П/2020 от 25 декабря 2020 г. «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области “О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области” в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области»

25 декабря 2020 года Конституционный Суд Российской Федерации вынес Постановление, в котором проверил конституционность отдельных положений регионального нормативного правового акта, принятого в целях предотвращения распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области.

Поводом для рассмотрения дела в Конституционном Суде РФ явился запрос Протвинского городского суда Московской области в рамках конкретного конституционного судебного контроля. Производство по делу в суде общей юрисдикции было приостановлено в связи с обращением суда в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» от 12 марта 2020 года № 108-ПГ (в редакции постановления Губернатора Московской области от 21 апреля 2020 года № 204-ПГ, действовавшей по состоянию на 24 апреля 2020 года, когда гражданин П. совершил правонарушение, послужившее основанием для рассмотрения дела в суде общей юрисдикции). Таким образом, предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ явилась норма, которая на момент рассмотрения дела в Конституционном Суде РФ утратила силу в связи с внесенными в постановление Губернатора Московской области изменениями. На основании пункта 4 части первой статьи 43 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд РФ посчитал возможным рассмотрение данного дела в связи с тем, что «возможность применения оспариваемого положения к ранее возникшим правоотношениям не является исчерпанной».

Дело было рассмотрено в порядке письменного судопроизводства без проведения слушания.

Конституционный Суд РФ признал оспариваемые региональные нормы не противоречащими Конституции Российской Федерации. В качестве аргументов Конституционный Суд РФ называет следующие: указанное регулирование по его конституционно значимому предназначению и сути было продиктовано объек-

* **Марина Львовна Белых**, канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета, руководитель филиала кафедры в Уставном Суде Свердловской области, завкафедрой европейского права и сравнительного правоведения АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

тивной необходимостью оперативного реагирования на экстраординарную (беспрецедентную) опасность распространения коронавирусной инфекции (COVID-2019), вводимые меры не носили характера абсолютного запрета и допускали возможность перемещения граждан при наличии уважительных обстоятельств, были кратковременными, а возможность их установления получила своевременное подтверждение в федеральном законодательстве.

Аргументацию Конституционного Суда РФ можно условно разделить на три блока: 1) баланс публичных и частных интересов; 2) федеративные отношения; 3) сравнительный аргумент.

В отношении первого момента Конституционный Суд РФ подчеркивает, что «Конституция Российской Федерации (статьи 2, 7 и 41) исходит из того, что жизнь и здоровье человека – высшее благо, без которого утрачивают свое значение многие другие блага и ценности, а потому забота об их сохранении и укреплении образует одну из основополагающих конституционных обязанностей государства» (п. 2 Постановления № 49-П/2020). И, развивая указанный тезис, Конституционный Суд РФ делает акцент на том, что «жизнь человека является высшей конституционной ценностью, без которой реализация гражданских, экономических, социальных и иных прав становится во многом бессмысленна».

В рамках рассматриваемого дела возник вопрос о возможности ограничения свободы передвижения. Конституционный Суд РФ использует в решении модель «социальной солидарности» в целях предотвращения определенных неблагоприятных для всего общества и отдельной личности последствий. В Постановлении подчеркивается, что «принятие государством в отношении данного права конституционно допустимых и вынужденных временных ограничительных мер прежде всего имеет направленность на самоорганизацию общества перед возникновением общей угрозы и тем самым является проявлением одной из форм социальной солидарности, основанной на взаимном доверии государства и общества, тем более что ограничение свободы передвижения по своим отличительным конституционным параметрам не тождественно ограничению личной свободы».

Рассматривая вопросы федеративных отношений, Конституционный Суд РФ анализирует конституционные положения, регулирующие разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации.

Конституционный Суд РФ приходит к следующему выводу: «В сложившейся экстраординарной ситуации Губернатором Московской области как высшим должностным лицом государственной власти субъекта Российской Федерации (это относится к большинству регионов), по сути, было осуществлено оперативное (опережающее) правовое регулирование, впоследствии (спустя незначительный период) легитимированное правовыми актами федерального уровня, что само по себе, по смыслу правовой позиции, неоднократно высказанной Конституционным Судом Российской Федерации, не может расцениваться как противоречие положениям Конституции Российской Федерации» (п.3.2. Постановления № 49-П/2020).

В качестве небольшой ремарки можно отметить, что апеллирование к «экстраординарной ситуации» использовалось Конституционным Судом РФ при рассмотрении «чеченского дела» [19], в рамках которого доктрина «скрытых (подразумеваемых) полномочий» была использована при формировании правовой позиции Суда (подробнее см.: [21]).

В комментируемом Постановлении № 49-П/2020 Конституционный Суд РФ подчеркивает: «Динамика одновременного автономного развития нормативного регулирования по данному вопросу на федеральном и региональном уровне отчетливо отражает экстраординарность ситуации, в которой каждый из уровней

государственной власти в рамках конституционной обязанности по защите жизни и здоровья граждан предпринимал усилия по минимизации ущерба для этих ценностей регулятивными средствами, причем понимание необходимости этих средств было общим и для федерального, и для регионального уровня публичной власти. В этой связи то обстоятельство, что осуществленное в постановлении Губернатора Московской области регулирование носило опережающий характер (особенно принимая во внимание масштаб угрозы распространения коронавирусной инфекции), не может служить основанием для вывода о признании его в конкретно-исторической ситуации противоправным и противоречащим положениям Конституции Российской Федерации даже в короткий период до принятия федеральных актов, придавших ему формально-юридическую легитимацию» (п. 3.2. Постановления № 49-П/2020).

В отношении сравнительного аргумента, который был использован в рассматриваемом Постановлении № 49-П/2020, хотелось бы отметить несколько моментов.

Конституционный Суд Российской Федерации обращается к сравнительному аргументу в своих решениях¹.

В особых мнениях и мнениях судей Конституционного Суда Российской Федерации также встречалось использование сравнительного аргумента². В качестве наблюдения можно отметить, что в особых мнениях и мнениях судей прослеживалась более детальная и аргументированная позиция по вопросу сравнительно-правовой составляющей в рассмотрении вопроса о конституционности российским федеральным судебным органом конституционного контроля. Особые мнения и мнения судей позволяли более всесторонне взглянуть на вопросы конституционности с различных точек зрения, в том числе и в сравнительно-правовых аспектах.

В рассматриваемом Постановлении № 49-П/2020 Конституционный Суд РФ подчеркивает, что «необходимость принятия наряду с другими мерами борьбы с пандемией мер, связанных с ограничением свободы передвижения, подтверждается опытом других государств. Меры изоляции и самоизоляции граждан по месту их проживания (пребывания), получившие международное обозначение «lockdown», не являются особенностью Российской Федерации. В апреле 2020 года они в той или иной степени применялись более чем в 90 странах мира и, таким образом, охватывали более половины населения планеты».

Необходимо отметить, что сравнительный аргумент не является обязательным и основным для формирования правовой позиции Конституционного Суда РФ, тем не менее он носит дополнительный, вспомогательный, усиливающий основные аргументы правовой позиции суда характер и уместен в определенных категориях дел.

Возможно, хотелось бы получить более развернутое разъяснение в тексте комментируемого Постановления № 49-П/2020 релевантности и необходимости использования сравнительного аргумента при формировании вывода Суда.

Литература

1. Мнение судьи Г. А. Гаджиева по Постановлению Конституционного Суда РФ от 31 мая 2016 № 14-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 31.1 Федерального закона «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», постановления Правительства Российской Федерации «О взимании платы в счет возмещения вреда, причиняемого автомобильным дорогам общего пользования фе-

¹ В частности, см., например: [18; 20; 17; 9 и др.].

² В частности, см.: [1; 2; 5; 6; 13; 14; 15; 11; 16; 7; 10; 12; 3; 4; 8 и др.].

дерального значения транспортными средствами, имеющими разрешенную максимальную массу свыше 12 тонн” и статьи 12.21.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства РФ. – 13 июня 2016. – № 24. – Ст. 3602.

2. Мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Г. А. Гаджиева по Постановлению Конституционного Суда РФ от 15 февраля 2016 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений части 9 статьи 3 Федерального закона “О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина Е. В. Потоцкого» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2016. – № 3.

3. Мнение судьи Конституционного Суда РФ Г. А. Гаджиева по Постановлению Конституционного Суда РФ от 17 июня 2004 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 155, пунктов 2 и 3 статьи 156 и абзаца двадцать второго статьи 283 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с запросами Администрации Санкт-Петербурга, Законодательного Собрания Красноярского края, Красноярского краевого суда и Арбитражного суда Республики Хакасия» // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

4. Мнение судьи Конституционного Суда РФ Г. А. Гаджиева по Постановлению Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2005 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 48 и статьи 58 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”, пункта 7 статьи 63 и статьи 66 Федерального закона “О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации” в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации» // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

5. Мнение судьи Конституционного Суда РФ Г. А. Гаджиева по Постановлению от 28.03.2017 № 10-П «По делу о проверке конституционности части 4.1 статьи 63 Градостроительного кодекса Российской Федерации и статьи 23 Федерального закона “О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с уточнением полномочий государственных органов и муниципальных органов в части осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля” в связи с запросом Законодательного Собрания Санкт-Петербурга» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2017. – № 4.

6. Мнение судьи Конституционного Суда РФ Г. А. Гаджиева по Постановлению от 24 марта 2015 № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 19 Федерального закона “О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина А. М. Богатырева» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2015. – № 3.

7. Мнение судьи Конституционного Суда РФ Н. С. Бондаря по Постановлению Конституционного Суда РФ от 23 января 2007 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами Общества с ограниченной ответственностью “Агентство корпоративной безопасности” и гражданина В. В. Макеева» // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

8. Мнение судьи Конституционного Суда РФ С. Д. Князева по Определению Конституционного Суда Российской Федерации от 17 января 2012 г. № 174-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Юдина Юрия Рудольфовича на нарушение его конституционных прав статьями 301 и 312 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

9. Определение Конституционного Суда РФ от 07 июля 2016 № 1428-О «По жалобе граждан Анохиной Анастасии Владимировны, Бадова Дениса Владимировича и других на нарушение их конституционных прав положениями пункта 1 части 4 статьи 6, части 1 статьи 7 и части 1.1 статьи 8 Федерального закона “О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях”, а также части 5 статьи 20.2 Кодекса Российской Феде-

рации об административных правонарушениях» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2017. – № 2.

10. Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ А. Л. Кононова по Постановлению Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2005 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” в связи с жалобами ряда граждан» // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

11. Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Г. А. Гаджиева по Постановлению Конституционного Суда РФ от 20 июля 2011 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 93.4 Бюджетного кодекса Российской Федерации, части 6 статьи 5 Федерального закона «О внесении изменений в бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования бюджетного процесса и приведении в соответствие с бюджетным законодательством Российской Федерации отдельных законодательных актов Российской Федерации» и статьи 116 Федерального закона “О федеральном бюджете на 2007 год” в связи с запросом Высшего арбитражного суда Российской Федерации» // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

12. Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Г. А. Гаджиева по Постановлению Конституционного Суда РФ от 14 июля 2005 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г. А. Поляковой и запросом Федерального арбитражного суда Московского округа»; от 25 апреля 2001 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности статьи 265 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. А. Шевякова» // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

13. Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Г. А. Гаджиева по Постановлению Конституционного Суда РФ от 02 декабря 2013 № 26-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 4 Закона Челябинской области “О транспортном налоге” в связи с запросом Законодательного Собрания Челябинской области» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2014. – № 2.

14. Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ С. М. Казанцева по Постановлению Конституционного Суда РФ от 02 июля 2013 № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2013. – № 6.

15. Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Н. С. Бондаря и особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Г. А. Жилина по Постановлению Конституционного Суда РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второй части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф. Х. Гумеровой и Ю. А. Шикунова» // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

16. Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ С. М. Казанцева по Постановлению Конституционного Суда РФ от 16 мая 2007 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума курганского областного суда» // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

17. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу “Анчуглов и Гладков против России” в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 25.04.2016. – № 17. – Ст. 2480.

18. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 декабря 2012 № 34-П «По делу о проверке конституционности положений пункта “в” части первой и части пятой статьи 4 Федерального закона “О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации” в связи с запросом

группы депутатов Государственной Думы» // Справ.-правовая система «Консультант-Плюс».

19. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.07.95 г. № 10-П «О проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30.11.94 г. № 2137 “О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики”, Указа Президента Российской Федерации от 09.12.94 г. № 2166 “О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне Осетино-ингушского конфликта”, Постановления Правительства Российской Федерации от 09.12.94 г. № 1360 “Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа”, Указа Президента Российской Федерации от 02.11.93 г. № 1833 “Об основных положениях военной доктрины Российской Федерации”» // Собрание законодательства РФ. – 14.08.1995. – № 33. – Ст. 3424.

20. Постановление от 22.04.2013 № 8-П «По делу о проверке конституционности статей 3, 4, пункта 1 части первой статьи 134, статьи 220, части первой статьи 259, части второй статьи 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, подпункта “з” пункта 9 статьи 30, пункта 10 статьи 75, пунктов 2 и 3 статьи 77 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”, частей 4 и 5 статьи 92 Федерального закона “О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации” в связи с жалобами граждан А. В. Андропова, О. О. Андроновой, О. Б. Белова и других, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и регионального отделения политической партии “Справедливая Россия” в Воронежской области» // Собрание законодательства РФ. – 06.05.2013. – № 18. – Ст. 2292.

21. Sedler R. A., Lomovtseva M. L. Implied Powers in the American and Russian Constitutional Systems // Russian Law. The Journal of the Russian Academy of Legal Sciences. – 2010. – № 1. – P. 117–123.

Marina L’vovna Belykh,

Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof. at Constitutional Law chair of Ural State Law University;
Head of Branch chair in the Charter Court of the Sverdlovsk Oblast;
Head of European Law and Comparative Jurisprudence, Liberal Arts University –
University for Humanities (Yekaterinburg).

Comments on the Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No 49-P/2020 of 25 December 2020 “A Review of the constitutionality of subparagraph 3 of paragraph 5 of the Governor of the Moscow Region’ order ‘On the introduction of a high-alert regime in the Moscow Region for the administration bodies and forces of the Moscow Regional Disaster Management System and some measures to prevent the spread of a new coronavirus infection (COVID-2019) on the territory of the Moscow Region’ due to the request of the Protvinsky City Court of the Moscow Region”

Комментарий

к Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации № 49-П/2020 от 25 декабря 2020 г. «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области “О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области” в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области»

...В некоторых случаях на свободу следует набросить покрывало, подобно тому, как закрывали иногда статуи богов.
Монтескье. О духе законов. Кн. XII. Гл. XIX

Комментировать решения органов конституционного контроля – занятие одновременно увлекательное и сомнительное. Так, комментарий предоставляет уникальную возможность «услышать» за сухими и зачастую малопонятными непосвященному фразами *полифонию*, обусловленную разнообразием взглядов профессиональных юристов. Современные специалисты по сравнительному правоведению обращают внимание на то, что полифония, присущая судебным решениям, проявляется не только в наличии особых мнений судей, но даже и в единогласных, на поверхностный взгляд, решениях, поскольку они вбирают в себя все прозвучавшие во время обсуждения дела аргументы, усиливая одни и ослабляя другие¹. Однако если комментарий пишется с прицелом на изменение решения, принятого органом конституционного контроля по конкретному делу, то такая цель представляется сомнительной, поскольку решение уже принято и вступило в силу. Поэтому комментатору следует проявить скромность и признать, что его задача – попытаться определить *post factum* концептуальные основания анализируемого решения, которые, в свою очередь, могут прояснить тенденции и наметить перспективы развития конституционного контроля.

С этой точки зрения, Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 49-П/2020 от 25 декабря 2020 г.², легитимировавшее ограничение региональным нормативным правовым актом свободы передвижения граждан в период распространения коронавирусной инфекции COVID-19, привлекает к себе пристальное внимание, как минимум, по двум причинам.

* **Василий Алексеевич Токарев**, канд. юрид. наук, научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва), докторант Университета Бордо (Франция).

¹ См.: Goltzberg S. Le droit comparé. – Paris, 2018. – P. 99.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2020 г. № 49-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области “О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области” в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области» // Российская газета. – 2021. – 15 янв. (№ 6 (8357)).

Во-первых, оспариваемые заявителем положения подпункта 3 пункта 5 Постановления губернатора Московской области от 12 марта 2020 г. № 108-ПГ³ рассматриваются Конституционным Судом РФ в контексте *исключительной ситуации*⁴. Она определяет особый подход судей к оценке соразмерности и конституционно-правовой допустимости ограничения свободы передвижения граждан как оперативной реакции органов власти на «беспрецедентную угрозу распространения коронавирусной инфекции».

Во-вторых, в комментируемом постановлении Конституционного Суда РФ содержится отсылка к опыту зарубежных стран, которые тоже пытаются решить проблему оптимального, т. е. соразмерного и допустимого, ограничения прав и свобод перед лицом распространения новой коронавирусной инфекции. По сути, предполагается, что дополнительную легитимность правовой позиции, занимаемой по данному вопросу отечественным органом конституционного контроля, должен придать проведенный им *сравнительный анализ*.

Рассмотрим эти особенности подробнее.

Комментируемое постановление Конституционного Суда РФ содержит в себе такие понятия, как «чрезвычайная ситуация», «сложная эпидемическая ситуация», «экстраординарная ситуация», «режим повышенной готовности», «чрезвычайные обстоятельства», «беспрецедентная угроза» и «объективная необходимость» реагирования на нее. Тем самым формируется определенный контекст, в котором оценивается конституционность положений постановления губернатора Московской области, ограничивавших свободу передвижения граждан, а именно – контекст *исключительной ситуации*. Традиция осмысления данного феномена в юридической науке обычно связывается с концепцией суверенитета К. Шмитта. В своей работе «Политическая теология» он отмечает, что именно «исключительный случай выявляет сущность государственного авторитета яснее всего. Здесь решение обособляется от правовой нормы и (сформулируем парадоксально) авторитет доказывает, что ему, чтобы создать право, нет нужды иметь право»⁵.

Разумеется, речь не идет о прямом нарушении Конституции органом власти или должностным лицом в условиях чрезвычайного положения. Скорее, происходит временное отступление от строгого следования конституционным нормам в интересах восстановления нарушенного порядка, который, в свою очередь, является обязательным условием действия конституционных норм. По словам К. Шмитта, «должен быть установлен порядок, чтобы имел смысл правопорядок», поскольку «не существует нормы, которая была бы применима к хаосу»⁶. При этом меры, принимаемые в условиях исключительной ситуации для восстано-

³ Постановление Губернатора Московской области от 12 марта 2020 г. № 108-ПГ «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) на территории Московской области» // Ежедневные новости. Подмосковье. – 2020. – 13 марта (№ 45).

⁴ Данный термин выбран по ряду причин: 1) в комментируемом постановлении Конституционный Суд РФ использует несколько близких по смыслу понятий (см. далее), родовым для которых условно выступает понятие исключительной ситуации; 2) в оспариваемом постановлении губернатора Московской области используется понятие «режим повышенной готовности», содержание которого конкретизируется федеральным законодателем применительно к распространению новой коронавирусной инфекции COVID-19 уже после того, как на территории Подмосковья начнет действовать ограничение свободы передвижения граждан; 3) на языке программистов «исключительная ситуация» означает совокупность определенных условий, возникновение которых приводит к нарушению предусмотренной последовательности выполнения в программе (ГОСТ 28397-89: Языки программирования. Термины и определения). В некотором смысле право тоже является программой.

⁵ Шмитт К. Политическая теология. – М., 2000. – С. 27.

⁶ Там же. С. 26.

ния порядка, должны оставаться в рамках юридического поля, хотя и понимаемого шире, чем в обычной, нормальной ситуации. На первый план выходят задачи сохранения общества и государства, а также поддержания целостности правовой системы, ради достижения которых можно отступить на некоторое время от буквального следования положениям Основного закона.

Складывается впечатление, что в основе комментируемого постановления Конституционного Суда РФ лежит именно такое представление о допустимости отступления органа власти или должностного лица от строгого следования правовым нормам перед лицом реальной угрозы. Последовательно опровергая возражения против самой возможности ограничения передвижения граждан на том уровне правового регулирования общественных отношений и в той форме, как это было сделано в Московской области, судьи приходят к выводу о том, что опережающий характер ограничения не может служить основанием для его признания противоправным и противоречащим положениям Конституции РФ «в конкретно-исторической ситуации». Проблема заключается в следующем: губернатор Московской области принял постановление, которым вводились 1) режим повышенной готовности для органов управления и сил областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, а также 2) меры по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции на территории Московской области. Он действовал в соответствии с Законом Московской области от 4 мая 2005 года № 110/2005-ОЗ «О защите населения и территории Московской области от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»⁷. Однако он опередил и федерального законодателя, и главу государства. Изменения в Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»⁸, расширившие и конкретизировавшие полномочия органов государственной власти субъектов РФ в новых условиях, были внесены 1 апреля 2020 г.⁹, т. е. спустя почти три недели после принятия губернатором Московской области постановления № 108-ПГ. На следующий день Президент России издал Указ «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)»¹⁰.

Признавая «опережающий характер» регулирования, осуществленного на уровне субъекта РФ, Конституционный Суд РФ в то же время подчеркивает два обстоятельства: 1) масштаб угрозы распространения новой коронавирусной инфекции; 2) короткий промежуток времени между принятием регионального и федеральных нормативных правовых актов. Действительно, если рассматривать только оспариваемые заявителем положения постановления № 108-ПГ, то в первой редакции они внесены 29 марта 2020 г. – до принятия Федерального закона от 1 апреля 2020 г. № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные

⁷ Ежедневные новости. Подмоскowie. – 2005. – 14 мая (№ 87).

⁸ Российская газета. – 1994. – 24 дек. (№ 250).

⁹ Российская газета. – 2020. – 3 апр. (№ 72 (8126)).

¹⁰ Там же. Данный указ имеет непосредственное отношение к рассматриваемому здесь вопросу о концептуальных основаниях решения, принятого Конституционным Судом РФ, поскольку возлагает на высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Федерации обязанность обеспечить разработку и реализацию комплекса ограничительных и иных мероприятий, исходя из санитарно-эпидемиологической обстановки и особенностей распространения коронавирусной инфекции на территории соответствующего субъекта, в том числе установить особый порядок передвижения лиц и транспортных средств (пункт 2). Примечательно, что Конституционный Суд РФ ссылается на эти положения указа, что, однако, не препятствует ему признать правомерными действия губернатора Московской области в марте 2020 г.

акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций», но после издания Указа Президента РФ от 25 марта 2020 г. № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней»¹¹. Более того, по мнению Конституционного Суда РФ, факт принятия соответствующих федеральных актов даже после постановления губернатора Московской области придает предусмотренному в нем порядку ограничения свободы передвижения граждан «формально-юридическую легитимацию». То есть образовавшийся в результате такого опережающего регулирования разрыв правовой ткани¹² рассматривается органом конституционного контроля как обусловленный объективными причинами, кратковременный и устранимый.

Но главное – чтобы возникновение разрыва и его устранение не выходили за пределы юридического поля. Конституционный Суд РФ подчеркивает, что губернатор Московской области, ограничивая свободу передвижения граждан, действовал «во взаимосвязи с общей системой конституционно-правового и соответствующего отраслевого регулирования» (п. 4.1). Проблема превышения полномочий, на которую указывает заявитель, переводится в плоскость оценки конституционности мер, принятых в условиях исключительной ситуации: их содержания, продолжительности действия, наличия исключений и т. д. При этом формальная сторона вопроса – имел ли губернатор право ограничить свободу передвижения в тот момент, когда он это сделал, – представляется Конституционному Суду РФ очевидной. Используя понятие оперативного (опережающего) правового регулирования и ссылаясь на свою многолетнюю практику по данному вопросу¹³, он допускает возможность реализации «в оперативном временном регулировании» нормативными актами регионального уровня «более общих федеральных правовых ориентиров, содержащихся в федеральных законах» (п. 3.2). Возникающая в подобных случаях «динамика одновременного автономного развития нормативного регулирования» на двух уровнях – федеральном и региональном – связывается Конституционным Судом РФ с экстраординарным характером ситуации, диктующей новые правила игры. Конечно, их невозможно предугадать заранее¹⁴. Тем не менее, столкнувшись с такой ситуацией, каждый из

¹¹ Российская газета. – 2020. – 27 марта (№ 66 (8120)).

¹² Председатель Конституционного Суда РФ использует в научных работах метафору «приращение правовой ткани», «расширение пространства права», утверждая, что с этой точки зрения «Конституция (как и само право) не имеет пробелов». Следовательно, «предпринимая системное толкование» текста Основного закона, орган конституционного контроля «обогащает правовое содержание» содержащихся в нем положений, но не восполняет или преодолевает пробелы. (См. подробнее: Зорькин В. Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика. – М., 2017. – С. 20–21.) Похожую метафору можно встретить у Э. Берка, рассуждающего о «плотной ткани обычаев и законов, часто претендующих на то, чтобы быть напоминанием о правах и свободах, а также их подтверждением» (цит. по: Rouvillois F. Libertés fondamentales. – Paris, 2016. – P. 14).

¹³ Смысл правовой позиции Конституционного Суда РФ по этому вопросу раскрывается, например, в Постановлении от 21 марта 1997 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго пункта 2 статьи 18 и статьи 20 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 года “Об основах налоговой системы в Российской Федерации”» (см.: Российская газета. – 1997. – 1 апр. (№ 64)).

¹⁴ Поэтому в комментируемом постановлении Конституционный Суд РФ отмечает: «Подтвердив право органов государственной власти субъектов Российской Федерации принимать конкретные меры, направленные на борьбу с пандемией (в том числе устанавливать правила поведения граждан в условиях режима повышенной готовности), ограничивающие, в частности, передвижение лиц и транспортных средств, федеральный законодатель вправе был полагать, что определение таких мер в условиях пандемии, неравномерно протекающей в разных регионах страны, гораздо эффективнее может осуществляться на уровне субъектов Российской Федерации. В свою очередь, органы власти субъектов Российской Федерации, участвуя в рамках единой государственной политики в данных отношениях, были вправе предусмотреть адекватные способы эффективного решения возложенных на них задач с учетом территориального и временного ха-

уровней государственной власти должен не просто предпринимать усилия по защите жизни и здоровья граждан. Для скорейшей, правомерной и с минимальными потерями ликвидации чрезвычайной ситуации в современном федеративном государстве требуется нечто большее – общее понимание обоими уровнями публичной власти необходимости применения соответствующих регулятивных средств.

Признав действия губернатора Московской области конституционными с формальной точки зрения, Конституционный Суд РФ признал их таковыми и с материальной точки зрения. Прежде всего, установленный постановлением № 108-ПГ запрет покидать место проживания без уважительных причин являлся, по сути, временной административно-правовой мерой. Конституционный Суд РФ, неоднократно подчеркивая *временный характер* данного ограничения свободы передвижения, прослеживает эволюцию положений постановления губернатора Московской области от 12 марта 2020 г. до 30 июня 2020 г., когда подпункт 3 пункта 5 в оспариваемой редакции утратил юридическую силу. При этом отмечается, что «по мере изменения обстановки (в том числе обретения органами государственной власти большего понимания характера и условий распространения ранее неизвестного заболевания), а также оперативного создания новых управленческих инструментов соответствующее регулирование претерпевало изменения» (п. 4.1). Следовательно, постоянная корректировка оспариваемых положений имеет для Конституционного Суда РФ не меньшее значение при оценке допустимости и соразмерности мер ограничения свободы передвижения, чем продолжительность их реализации. Другими словами, во внимание принимаются как кратковременный характер действия ограничений, так и их модификации с учетом развития ситуации.

В качестве еще одного индикатора соразмерности ограничений права на свободу передвижения Конституционный Суд РФ использует тот факт, что в оспариваемом подпункте 3 пункта 5 постановления губернатора Московской области с самого начала предусматривались «разумные исключения» из общего правила. К ним относились, например, обращение за экстренной (неотложной) медицинской помощью и иной прямой угрозы жизни и здоровью; следование к месту (от места) осуществления деятельности (работы), не приостановленной в соответствии с постановлением; следование к ближайшему месту приобретения товаров, работ, услуг, реализация которых не ограничивалась постановлением; выгул домашних животных на расстоянии, не превышающем 100 метров от места проживания (пребывания); вынос отходов до ближайшего места их накопления. Эти и другие исключения признаны Конституционным Судом РФ не только разумными, поскольку они основаны «на рациональном понимании объективных жизненных потребностей граждан и общества» (п. 4.1), но и не содержащими в себе признаков дискриминации.

Исходя из установления вышеперечисленных признаков мер, принятых губернатором Московской области в условиях исключительной ситуации до соответствующих решений федеральной власти (временный характер действия; разумность; справедливость; равенство), Конституционный Суд РФ пришел к выводу об их соразмерности и конституционно-правовой допустимости. В его аргументации особое место занимает указание на конечную цель ограничений. Однако, прежде чем перейти к ее анализу, остановимся на второй особенности комментируемого постановления – отсылке к опыту зарубежных государств.

рактера их действия, не допуская при этом несоразмерного ограничения конституционных прав и свобод граждан» (п. 3.3).

Обращение к сравнительно-правовому анализу в целом характерно для органов конституционного контроля¹⁵. Российский Конституционный Суд не является исключением. Примечательно другое: в данном случае он предпочел акцентировать внимание не на качественной, а на количественной стороне вопроса. Протицируем п. 3.2: «Меры изоляции и самоизоляции граждан по месту их проживания (пребывания), получившие международное обозначение “lockdown”, не являются особенностью Российской Федерации. В апреле 2020 года они в той или иной степени применялись более чем в 90 странах мира и, таким образом, охватывали более половины населения планеты». Информация о значительном количестве стран, где из-за пандемии COVID-19 были введены меры изоляции и самоизоляции, ограничившие ряд прав и свобод, дополняется указанием на то, что ограничительные меры охватили вообще «более половины населения планеты». При этом не уточняется, в каких государствах, какими органами власти (должностными лицами) и какие меры вводились. Также не оцениваются их эффективность и последствия¹⁶.

Кроме того, за пределами сравнительно-правового анализа, на который ссылается Конституционный Суд РФ, оказывается реакция зарубежных органов конституционного контроля и судов на введение ограничительных мер. Тогда как роль судов (общей юрисдикции и специализированных) в ограничении прав и свобод, вызванном распространением коронавирусной инфекции практически по всему миру, не менее важна, чем роль органов конституционного контроля.

Достаточно отметить, что поводом к проверке конституционности положений постановления губернатора Московской области № 108-ПГ явился запрос Протвинского городского суда, рассматривавшего следующее дело. По факту нахождения гражданина П. в общественном месте города Протвино 24 апреля 2020 г. был составлен протокол об административном правонарушении (ч. 1 ст. 20.61 «Невыполнение правил поведения при чрезвычайной ситуации или угрозе ее возникновения» КоАП РФ). Протвинский городской суд, в производстве которого находится это дело, пришел к выводу о необходимости обращения с запросом в Конституционный Суд РФ «с целью исключения необоснованного привлечения граждан к административной ответственности». По сути, районный суд, приостановив производство по данному делу и вынеся соответствующее определение, действовал в рамках той парадигмы, на которую указывает в научных работах председатель Конституционного Суда РФ. Он отмечает, что практически все суды «стали звеном общего процесса контроля конституционности законов, невзирая на то обстоятельство, что данная функция формально отнесена к сфере деятельности специализированного судебного органа»¹⁷. В данном случае районный суд оказался важным звеном процесса осуществления конституционного контроля.

По мнению заявителя, положения подпункта 3 пункта 5 постановления губернатора Московской области № 108-ПГ ограничивали право граждан на свободу передвижения, не соответствуя статьям 15, 17, 18, 27, 55, 71 и 72 Конституции РФ

¹⁵ См.: Goltzberg S. Le droit comparé. – Paris, 2018. – P. 103–104. Как утверждает бельгийский специалист по сравнительному правоведению, одними из наиболее цитируемых в мире являются решения Верховного Суда США, который, в свою очередь, редко обращается к решениям высших судов других государств. Разумеется, не последнюю роль здесь играет политика, поскольку, например, израильский Верховный Суд, по словам того же автора, часто ориентируется на судебные решения, вынесенные в США, Канаде и ФРГ, и редко – на решения судов мусульманских стран. При этом отдельные элементы правовых систем Малайзии или Пакистана могут оказаться израильскому праву ближе, чем канадское право.

¹⁶ Впрочем, следует учитывать, что за такой короткий промежуток времени сложно провести глубокий и тем более всесторонний сравнительно-правовой анализ, для которого, по той же причине, пока недостаточно эмпирических данных.

¹⁷ Зорькин В. Д. Указ. соч. С. 37.

и свидетельствуя о превышении губернатором полномочий. Что касается последнего довода (превышение полномочий), то, как показала практика, его сила существенно уменьшается, когда он рассматривается в контексте исключительной ситуации и с позиций концепции оперативного правового регулирования. В отношении первого довода (нарушение основных прав и свобод) российский Конституционный Суд, как обычно, задействовал специальную методологию согласования интересов, предполагающую анализ конечных *целей* ограничения прав и свобод человека и гражданина. Какие идеи лежат в ее основе?

На наш взгляд, принципиально важным положением, «замковым камнем» в комментируемом постановлении является следующее: «Оспариваемые меры обеспечивают справедливый баланс между необходимостью защиты жизни и здоровья населения в условиях сложной эпидемической ситуации, с одной стороны, и обеспечением возможности передвижения – с другой» (п. 5). Прежде всего, обеспечение справедливого баланса между индивидуальной свободой и общим благом является основным критерием, которым традиционно пользуется Конституционный Суд РФ, оценивая правомерность тех или иных ограничений. Как подчеркивает его председатель, «ограничения должны устанавливаться законодателем не произвольно, а на основе Конституции, заложенных в ней принципов справедливости, равенства и соразмерности»¹⁸. Он утверждает, что такой подход обеспечивает верховенство права, понимаемого как норма (мера) свободы человека, т.е. наиболее полное выражение формального равенства.

Вместе с тем обращение к проблематике справедливого баланса частных и общих интересов связано с наметившимся в начале 2000-х гг. изменением ценностных ориентиров Конституционного Суда РФ. На смену либеральной идеологии в ее классическом виде, которой пропитаны многие положения российской Конституции 1993 г. о правах и свободах человека и гражданина, постепенно пришла более консервативная идеология. Примером может служить Постановление Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2004 г. № 3-П¹⁹, признающее Россию «правовым государством с социально ориентированной рыночной экономикой». Поэтому его оценка конституционности ограничения свободы передвижения, введенного губернатором Московской области в марте 2020 г., во многом определяется предварительной расстановкой приоритетов и пониманием целей такого ограничения. Как следует из п. 2 комментируемого постановления, «необходимость защиты жизни и здоровья граждан при возникновении чрезвычайных ситуаций или угрозе их возникновения и осуществлении мер по борьбе с эпидемиями и ликвидацией их последствий – учитывая, что жизнь человека является высшей конституционной ценностью, без которой реализация гражданских, экономических, социальных и иных прав становится во многом бессмысленна, – предполагает принятие таких правовых актов, которые не исключают возможности ограничения прав и свобод человека, в том числе и свободы передвижения, но только в той мере, в какой это соответствует поставленным целям при соблюдении требований соразмерности и пропорциональности».

Применяя методологию согласования интересов в пространстве права, Конституционный Суд РФ отмечает, что свобода передвижения гарантирована рядом норм национального и международного права, в том числе статьей 12 Междуна-

¹⁸ Зорькин В. Д. Указ. соч. С. 44.

¹⁹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2004 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона “Об акционерных обществах”, регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании “Кадет Интеблишмент” и запросом Октябрьского районного суда города Пензы» // Российская газета. – 2004. – 2 марта (№ 3418).

родного пакта о гражданских и политических правах и статьей 2 Протокола № 4 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Но это не означает ее абсолютного характера, поэтому реализация права на свободу передвижения «в условиях возникновения реальной общественной угрозы» обязательно предполагает проявление гражданами «разумной сдержанности» (п. 2). В свою очередь, государство правомочно временно ограничить свободу передвижения, которая, как подчеркивает Конституционный Суд РФ, в любом случае не тождественна личной свободе, не только преследуя ближайшую цель защиты жизни и здоровья граждан. Оно также ориентируется сегодня, согласно комментируемому постановлению, на две глобальные цели: «самоорганизацию общества перед возникновением общей угрозы» и «достижение социальной солидарности, основанной на взаимном доверии государства и общества». Если это действительно так, то следует согласиться с Конституционным Судом РФ в том, что обеспечение соблюдения ограничения свободы передвижения мерами юридической ответственности является «естественным элементом» механизма правового регулирования общественных отношений в современной обстановке.

Между тем если и до пандемии COVID-19 важная роль в определении значимости конституционных ценностей и их защите отводилась государству, то в новых условиях она, очевидно, возрастает, а сама конструкция публичной государственной власти усложняется. Так, признаки модификации правового регулирования, осуществляемого государством на всех уровнях, заметны уже в комментируемом постановлении. Конституционный Суд РФ отмечает, что при наличии реальной и безусловной угрозы распространения инфекционного заболевания «бездействие означало бы устранение государства от исполнения его важнейшей конституционной обязанности, состоящей в признании, соблюдении и защите прав и свобод человека и гражданина, и, по сути, приводило бы к ее игнорированию в силу сугубо формальной интерпретации конституционного принципа верховенства закона (статьи 2 и 18 Конституции Российской Федерации), без учета того, что интересы защиты жизни и здоровья граждан при определенных обстоятельствах могут преобладать над ценностью сохранения обычного правового режима реализации иных прав и свобод» (п. 3.2). Данное утверждение касается одновременно вопроса о конституционности оперативного (опережающего) регулирования и проблемы согласования личной свободы с общим благом, понимаемым в терминах медицины, т. е. в перспективе обеспечения безопасности общества перед лицом реальной угрозы, имеющей биологическую природу. Отсюда такие выражения, как «сокращение случаев наступления смертей», «тяжелые заболевания» и т. д.

Таким образом, можно предположить, что начавшая формироваться в 2000-х гг. концепция справедливого баланса между частными интересами и общим благом, на которую ориентируется Конституционный Суд РФ, получает дальнейшее развитие под влиянием нового объективного фактора – пандемии коронавирусной инфекции COVID-19. Данный фактор имеет универсальное значение, обуславливая обращение органов конституционного контроля к сравнительно-правовому анализу оснований, пределов и последствий вводимых государствами ограничительных мер. В то же время он актуализирует традиции осмысления с позиций теории и философии права феноменов *исключительной ситуации* и *биополитики*. Последняя, как ее определял М. Фуко, представляет собой форму управления медиализованным обществом, в котором забота о здоровье и безопасности граждан выходит, по крайней мере официально, на первый план²⁰. Разумеется, как и

²⁰ См., например: Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. – М., 2006. – Ч. 3. – С. 14–18, 151–160. Приведем только одну весьма показательную цитату: «...договор о безопасности не может быть того же типа, что и система законно-

любая политико-правовая форма, она требует терпеливого и беспристрастного изучения, выходящего за рамки комментария к постановлению российского Конституционного Суда.

Литература

1. Зорькин В. Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика. – М. : Норма, 2017. – 592 с.
2. Монтескье Ш.-Л. О духе законов. – М. : Мысль, 1999. – 672 с.
3. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. – М. : Праксис, 2006. – Ч. 3. – 320 с.
4. Шмитт К. Политическая теология. – М. : КАНОН-пресс-Ц, 2000. – 336 с.
5. Goltzberg S. Le droit comparé. – Paris : P.U.F., 2018. – 128 p.
6. Rouvillois F. Libertés fondamentales. – Paris : Flammarion, 2016. – 448 p.

Vasily Alekseevich Tokarev,

Cand. Sci. (Law), Research Fellow at National Research University
Higher School of Economics (Moscow); a Doctoral Candidate
at the University of Bordeaux (France).

Comments on the Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No 49-P/2020 of 25 December 2020 “A Review of the constitutionality of subparagraph 3 of paragraph 5 of the Governor of the Moscow Region’ order ‘On the introduction of a high-alert regime in the Moscow Region for the administration bodies and forces of the Moscow Regional Disaster Management System and some measures to prevent the spread of a new coronavirus infection (COVID-2019) on the territory of the Moscow Region’ due to the request of the Protvinsky City Court of the Moscow Region”

сти, благодаря которой в былые времена государство могло сказать: “Послушайте-ка, вы будете наказаны, если сделаете вот то-то, и вы не будете наказаны, если этого не сделаете”. Государство, гарантирующее безопасность, есть государство, которое обязано вмешиваться во всех случаях, когда течение повседневной жизни нарушается каким-либо исключительным событием. И сразу же закон оказывается неприемлемым; и сразу же оказываются необходимыми упомянутые разновидности вмешательства, исключительный и незаконный характер которых отнюдь не должен выглядеть знаком произвола или избытка власти, но выглядит, напротив, знаком заботы: “Посмотрите, как мы готовы вас защищать, ведь поскольку происходит нечто чрезвычайное, мы собираемся вмешаться всеми необходимыми способами, очевидно, не учитывая эти старые привычки – законы или юриспруденцию”» (с. 46–47). В результате развивается новая модальность государственной власти, которая при этом пересекается с традиционной модальностью суверенитета, предполагающего, по К. Шмитту, возможность принятия окончательного решения в условиях исключительной ситуации.

ФИЛОСОФИЯ

Метафизические компоненты научных картин мира

Аннотация. В настоящей статье раскрывается проблема метафизических компонентов научных картин мира, которая в философском дискурсе может анализироваться как с точки зрения истории науки, так и с точки зрения взаимоотношений метафизики и науки. Автор выстраивает концептуальные рамки возможных отношений между метафизикой и наукой в виде вопросов: может ли существовать метафизика как достоверно надежное знание, и влияют ли, если такое влияние вообще возможно, метафизика и эмпирическая наука друг на друга? Ответ на первый вопрос позволяет обозначить антиметафизический сциентизм, ответ на второй – либо полную независимость науки и метафизики, либо приоритет метафизики перед наукой (аристотелевско-средневековая картина мира) или приоритет науки перед метафизикой (современная картина мира). Метафизика предназначена для того, чтобы быть чем-то большим, чем просто набором инструментов, который используют, чтобы приспособиться к последствиям развития науки. Проиллюстрируем этот последний пункт обсуждением некоторых метафизических принципов (гетерогенность, гомогенность, пленизм, вакуизм) в контексте различных картин мира. Из-за большого объема и широты темы статья избирательна в использовании материала.

Ключевые слова: научная картина мира; взаимоотношения метафизики и науки; пленизм; вакуизм.

Метафизические компоненты присутствуют в научных картинах мира открыто и скрытно. Иногда метафизические взгляды научного сообщества принимаются как сами собой разумеющиеся. Задача выявления и понимания метафизических компонентов может быть относительно простой там, где научное сообщество явно апеллирует к метафизике (аристотелевско-средневековая картина мира). Извлечение скрытых метафизических предположений из действующих научных теорий может быть трудной задачей. Требуется тщательный анализ первичных текстов. Случается, что действующие научные теории не содержат ни одной конкретной метафизической идеи, но предполагают возможность интерпретации. Это объясняет, почему ведется так много дискуссий о том, как точно понимать тот или иной аспект квантовой механики и что это значит для метафизики.

Для изучения метафизических компонентов различных картин мира есть, по крайней мере, две причины: историческая и философская.

Невозможно осмыслить события прошлого, если не учитывать контингентность истории, аргумент от отсутствия постоянства и аргумент от социальных факторов [2]. Философская причина состоит в том, что подобное исследование помогает переосмыслить понимание перспектив метафизики во взаимоотношениях метафизики и науки.

На тему статьи существует значительное количество литературы, где присутствует культура соперничества, а не попытка понять позиции других научных сообществ. Такой подход строится на выявлении ошибок и может быть одним из законных способов прочтения текстов прошлого. С другой стороны, часто встречающийся легковесный вывод об ошибочности каких-либо метафизических взглядов предполагает презентизм и, по нашему мнению, является попыткой уйти от исторического анализа.

* **Нина Юрьевна Игнатова**, д-р филос. наук, доцент, Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина, НТИ (филиал) (г. Нижний Тагил).

E-mail: nina1316@yandex.ru

Всеобъемлющее описание метафизических компонентов существовавших в прошлом научных картин мира может обрести неограниченные размеры. Каждое из научных сообществ, действовавших на протяжении сотен лет, имело уникальную картину мира. Для того чтобы понять, почему в современной картине мира присутствуют определенные метафизические идеи, необходимо показать, как они трактовались ранее в аристотелевско-средневековой, картезианской, ньютоновской картинах мира. История науки знает множество примеров, когда метафизические принципы, сформулированные сообществом, отличались от реальных ожиданий этого сообщества. Эмпирическая методология конца XVIII в., например, предписывала, что теория должна лишь обобщать результаты экспериментов и наблюдений без постулирования каких-либо ненаблюдаемых сущностей. Исторический факт состоит в том, что практически все теории того времени в решающей степени зависели от тех или иных ненаблюдаемых сущностей (абсолютное пространство и время). Последовательное раскрытие метафизических принципов позволяет историку науки показать сходство и различие картин мира, сделать вывод об их изменении. Таким образом исследователи пришли к выводу, что разную трактовку Декартом и Ньютоном природы пространства и движения необходимо понимать не как разновидности одной и той же картины мира, а как отдельные научные картины мира [4].

Соотнесем между собой трактовки некоторых метафизических положений (гетерогенность – гомогенность, вакуизм – пленизм) в картинах мира. Из принципа гетерогенности Аристотеля следовало, что земное и небесное царства принципиально различны, как и источник движения земных и небесных объектов. Четыре элемента земного царства движутся линейно либо к центру, либо от центра Вселенной, вокруг которого кругообразно движется небесный эфир. Внешняя сфера звезд считалась физической границей Вселенной. Аристотель утверждал, что сверх этой сферы нет ничего, даже пустого пространства (конечность Вселенной).

Декарт отверг идеи гетерогенности и конечности Вселенной, поскольку основным атрибутом материи считал протяженность, при этом не имеет значения, идет ли речь о материальности Земли или невидимого звездного вихря. Поскольку вся материя является протяженным веществом, в любой точке Вселенной действуют одни и те же физические законы (гомогенность). Если протяженность является атрибутом материи, т. е. если пространство не может существовать независимо от материи, возникает вопрос: что существует за его пределами? Декарт утверждал, что Вселенная потенциально бесконечна, а кроме того, он оставил истинную идею бесконечности для Бога.

В то время как картезианцы признавали, что пространство является атрибутом или неотъемлемым свойством материи, Ньютон отталкивался от противоположного предположения: пространство может существовать независимо от материи. Бесконечная Вселенная – это гигантская пустота, заполненная множеством планетарных систем (вакуизм). Эта идея известна как концепция абсолютного пространства: бесконечное пространство не зависит от материальных объектов; это пустая емкость, в которой происходят физические процессы (гомогенность).

Ньютон разделял с Декартом многие метафизические предположения, но их последователи видели резкие противоречия между ними. В некотором смысле картезианцы были ближе к Аристотелю, чем к Ньютону. Для Аристотеля Вселенная всегда наполнена (пленизм). Закон насильственного движения Аристотеля гласит: если сила (F) больше сопротивления (R), то объект будет двигаться со скоростью (V), пропорциональной F/R ; если сопротивление (R) больше силы (F), то объект останется на месте. Согласно этому закону, если движущийся объект не встречает на своем пути сопротивления, он движется с бесконечной скоростью.

Однако любое движение всегда с необходимостью встречается с сопротивлением среды, поэтому бесконечная скорость невозможна. Декарт оправдывал пленизм ссылкой на протяженность материи. Материя всегда связана с пространством, поскольку атрибут не может существовать без субстанции. Ньютон отверг пленизм. Ни Аристотель, ни Декарт никогда не согласились бы с идеей абсолютно пустого пространства. Историки науки считают, что Ньютон серьезно воспринял эксперименты Торричелли и Б. Паскаля, поэтому разработал теорию, которая могла бы объяснить возможность или даже актуальность пустого пространства.

Существуют и другие важные отличия картезианской картины мира от ньютоновской. У Декарта материальное тело не изменяет своего состояния, если не сталкивается с другим телом (контактное действие). Ньютон позволил различным силам влиять на тела (действие на расстоянии). Он отверг декартовскую идею спиралевидных частиц для объяснения магнетизма, сформулировав вместо нее идею магнитных сил. Декарт придерживался принципов механицизма: движение небесных тел, кажущееся примером действия на расстоянии, он объяснял столкновением частиц земных и солнечных вихрей. Тот факт, что источник движения является внешним по отношению к конкретной частице материи, означает, что материя инертна. Материальные вещи влияют на другие вещи только при контакте.

Ньютон заменил декартовскую идею протяженной материи (механицизм) на идею активно действующей через силы материи (динамизм). Материя поддерживает состояние покоя или движения в пространстве, но обладает активной способностью воздействовать на другие тела на расстоянии с помощью различных сил. Концепция динамической материи стала объяснительным принципом науки конца XVIII в. В физиологии господствовала концепция жизненных сил организма – витализм. В химии идея динамизма интерпретировалась как активная способность химических веществ сочетаться с другими веществами (химическое сродство).

В современном физическом сообществе действуют теории, вытекающие из контрарных метафизических принципов. Физики размышляют о природе космического вакуума (вакуизм), при этом считается, что в космосе можно обнаружить вещество звезд и планет, электромагнитное излучение, темную энергию и темную материю (пленизм). В квантовой механике считается, что между элементарными частицами существует пустота (вакуизм), но согласно общей теории относительности зависимость единого четырехмерного пространства-времени от материи и энергии предполагает, что пустоты быть не может, поскольку фотоны пронизывают все пространство Вселенной (пленизм). Квантовая механика также подразумевает отсутствие пустого пространства. В любом сегменте космического пространства постоянно появляются и исчезают виртуальные частицы (квантовая пена).

Вопрос о том, какой метафизический принцип – вакуизм или пленизм – определяет теории современной космологии и квантовой механики, очевидно, поставлен некорректно, утверждает Д. Лэдимен: «Пример, который также довольно часто используется, – это обыденная интерпретация атомизма на фоне ньютоновских представлений о пространстве и времени. Мир, в том виде, как представляет его современная наука, не является пустым пространством, заполненным материальными объектами» [7, р. 20–21].

На основании отношений между метафизикой и наукой можно судить об отношениях между другими компонентами картин мира. Концептуальные рамки отношений метафизики и науки задают два вопроса: может ли существовать метафизика как достоверно надежное знание, и влияют ли, если такое влияние вообще возможно, метафизика и эмпирическая наука друг на друга? Отрицательный ответ на первый вопрос приводит к антиметафизическому сциентизму. Антиме-

тафизический сциентизм рассматривает метафизику с точки зрения эмпирической науки. Если метафизика спрашивает о первых началах, то знание должно соответствовать тому, о чем спрашивается, а значит, само знание должно быть достоверно надежным. Если достоверно надежное знание может быть только эмпирически тестируемым, то ответы на вопросы о первых началах должны быть получены методами науки, а от метафизики необходимо отказаться, поскольку она представляет угрозу достоверному и надежному знанию (логический позитивизм). Положительный ответ на первый вопрос открывает возможность определить, влияют ли метафизика и наука друг на друга. Здесь существуют следующие варианты решений:

1) метафизика и наука никак не влияют друг на друга. Действует представление о принципиальной несовместимости их предметов и методов исследования (П. Дюгем). Одна и та же научная теория может иметь множество различных метафизических интерпретаций. Законы движения макро- или микрообъектов могут быть истолкованы многими способами на основе принципов контактного действия или действия на расстоянии и вероятностного или строгого детерминизма. Следовательно, вопрос об универсальных свойствах мира должен решаться только метафизиками без обращения к данным эмпирической науки, а сами по себе законы физики ничего не говорят о возможности или невозможности действий на расстоянии или корпускулярно-волновом дуализме;

2) метафизика влияет на науку. Такое положение характерно для аристотелевско-средневековой картины мира. В ней существовала высокая степень взаимной согласованности между различными компонентами картины мира, поскольку ученые руководствовались требованием принять то, что интуитивно верно и определяется здравым смыслом. Ученый для понимания природы вещи использовал интуицию, улучшенную опытом, или делал дедуктивные выводы из посылок, которые интуитивно казались истинными. Такая степень согласованности элементов не была достигнута ни в одной из последующих картин мира;

3) наука влияет на метафизику. Такое положение характерно для современной картины мира. Приоритет науки перед метафизикой означает, что метафизические компоненты могут быть выведены из эмпирических теорий. Это ограничивает метафизическую спекуляцию и побуждает сделать вывод, как понимается мир, взятый в целом.

Рассмотрим подробнее две последние позиции, заметив при этом, что приведенные варианты решений проблемы отношений метафизики и науки не исчерпывают всех возможных. Влияние метафизики на науку философы усматривают в следующем. Метафизические предположения а) могут играть роль фоновых знаний (Д. Шейпере); б) метафизика располагает специальными инструментами познания, которые может использовать наука (П. Ачинштайн, С. Френч и К. Маккензи). Влияние науки на метафизику философы видят а) в появлении «натуралистической» метафизики (Д. Лэдимен); б) в схожести философии и математики, когда метафизические теории рассматриваются как классы моделей (Т. Уильямсон).

Существенные утверждения о мире (принципы детерминизма, различные теории материальных субстанций и т. п.) определяют положения научных теорий как фоновые знания [7]. Действительность и обоснованность правил эмпирической поддержки не определяются спецификой или отказом от какого-либо конкретного метафизического принципа. Поэтому те правила, которые основаны на метафизических аспектах фоновых знаний, соответствуют принципам методологии в широком смысле, а правила, которые связаны с эмпирическими аспектами научного знания, соответствуют принципам методологии в узком смысле. Следовательно, метафизические предположения вводят эпистемические ограничения научных ис-

следований и действуют как определенные требования относительно того, какие виды объяснений, гипотез и теорий допустимы в данной области исследования.

Если считать, что изучение и понимание мира посредством метафизических размышлений устарели, то неизбежна «натурализация» метафизики. Без науки метафизика считается отделенной от реального мира и населяющей область вымышленных онтологий. Традиционная метафизика должна отбросить априорную интуицию и здравый смысл как основания для своих построений. Физика, а не метафизика рассказывает о фундаментальных фактах мироздания. Неспособность метафизиков рассматривать взаимодействие с физикой как существенную черту философской практики привела к антиметафизическому повороту в физике. Позиция С. Вайнберга, Д. Дойча, Ш. Кэррола и других физиков игнорирует то, что научные теории предполагают определенную метафизическую интерпретацию, встроенную в их ядро. Верно, что одну и ту же систему уравнений можно интерпретировать по-разному в зависимости от значения, которое присваивается переменным. Однако эмпирические теории – это не просто математические уравнения, это уравнения, понятые определенным образом. В законе всемирного тяготения нет ничего, что показывает подразумеваемую идею действия на расстоянии. С этой идеей совместимо бесконечное количество гипотетических физических законов. Очевидно, невозможно вывести конкретный научный закон из общего метафизического принципа.

Метафизика предоставляет науке инструменты для исследований. Речь идет об использовании таких понятий, как, например, «модальная структура», «онтологическая зависимость», «фундаментальность» в физических теориях, и о спекулятивном методе как существенной характеристике науки [1]. П. Ачинштайн реконструирует историю спекулятивного метода в различных картинах мира. Если позитивистская наука начала XX в., размышляя над эпистемологией исследования, убеждала себя, что спекуляция и познание природы полностью расходятся друг с другом, то теоретиков струн и мультимодальной вселенной упрекают в том, что они используют только спекулятивный метод. Но именно умопостигаемое мышление толкает научные исследования в новом направлении, заявляет П. Ачинштайн.

К сожалению, когда все истины реального мира рассматриваются с точки зрения физикализма, большая часть метафизики остается невостребованной, а наука становится позитивистской. Физические теории без метафизической интерпретации сводятся к простым алгоритмам получения экспериментальных результатов. Отношения науки и метафизики сопоставимы с отношениями между физикой и чистой математикой. Точно так же, как А. Эйнштейн использовал неевклидову геометрию, так Х. Эверетт использовал теорию квазимножеств. Теоретики множественных миров, подчеркивают С. Френч и К. Маккензи, не смогли использовать существующие метафизические принципы *haecceities* и *quiditas*, им «пришлось создать большое количество вовлеченной метафизической теории» с нуля [3, р. 43]. Возможно, это связано с тем, что сами философы не ценят тех ресурсов, которыми располагают, но, скорее, дело в том, что метафизика постепенно меняется и воспринимает себя не как *Philosophia perennis*, а как «науку о возможном» (Б. Рассел). Подобный взгляд на масштабы и назначение метафизики выражает Э. Лоу: «Эмпирическая наука в большинстве случаев говорит, в чем дело, а не о том, что должно или может быть. Метафизика имеет дело с возможностями» [6, р. 11].

Дж. Лэдимен разделяет всю метафизику на «натуралистическую» и традиционную [5]. Натуралистическая метафизика ориентируется на лучшие образцы современной науки, а традиционная метафизика должна быть элиминирована из науки. Вместе с Д. Россом, Д. Спарретом и Дж. Кольером он заявляет, что наука

«лицензирует» метафизику. Достоверными и надежными должны считаться только те результаты метафизического познания, которые основаны на естественных науках.

В связи с развитием экспериментальной философии (С. Стич и Д. Ноуб) получила распространение точка зрения, которую можно считать отражением влияния науки на метафизику. Т. Уильямсон размышляет о том, что философия – это и есть наука, хотя она больше похожа на математику, чем на экспериментальное естествознание [8, с.19]. Уильямсон защищает «философию кресла», ставя ее в один ряд с компьютерным моделированием в эволюционной теории, экономике и статистике. Метафизика наиболее полно воплощает характеристики философии как кабинетной дисциплины. Отталкиваясь от байесовской статистики, абдукции и идеи эмпирического успеха в эпистемологических исследованиях, он рассматривает метафизические теории как классы моделей и размышляет о роли мысленных экспериментов в построении и оценке таких моделей. Уильямсон верит, что схожесть дедуктивного вывода математики и логики позволяет положительно ответить на вопрос о том, действительно ли метафизика, приняв «эмпирическую» методологию науки, может обеспечить достоверное и надежное знание.

Метафизика не только обеспечивает стабильность научных картин мира, но и способствует их изменению. Картина мира изменяется только тогда, когда меняются ее метафизические компоненты, а метафизические компоненты изменяются только в том случае, если научные теории дадут новый ответ на фундаментальные вопросы. Поэтому метафизические компоненты по-прежнему остаются маркером характерных особенностей научных картин мира.

Литература

1. Achinstein P. *Speculation: Within and About Science*. – Oxford University Press, 2019. – 276 p.
2. Bolinska A., Martin J. *Negotiating History: Contingency, Canonicity, and Case Studies*. – URL: https://www.academia.edu/38661392/Negotiating_History_Contingency_Canonicity_and_Case_Studies (дата обращения: 29.01.2020).
3. French S., McKenzie K. Thinking outside the Toolbox: Towards a more productive Engagement between Metaphysics and Philosophy of Physics // *European Journal of Analytic Philosophy*. – 2012. – No. 8 (1). – P. 42–59.
4. Kitcher P. *The Advancement of Science: Science without Legend, Objectivity without Illusions*. – Oxford University Press, 1995. – 421 p.
5. Ladyman J., Ross D., Spurrett D., Collier J. *Everything Must Go: Metaphysics Naturalized*. – Oxford : Oxford University Press, 2007. – 346 p.
6. Lowe E. *The Possibility of Metaphysics*. – Oxford : Oxford University Press, 1998. – 286 p.
7. Shapere D. The Origin and Nature of Metaphysics // *Philosophical Topics*. – 1990. – No 2. – P. 163–174.
8. Уильямсон Т. Кабинетная философия // *Эпистемология и философия науки*. – 2019. – Т. 56, № 2. – С. 19–25. – DOI 10.5840/eps2019562.

Nina Yurievna Ignatova,

Dr. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Ural Federal University
named after B. N. Yeltsin, NTI (branch) (Nizhny Tagil).

About Metaphysical Components of Scientific Pictures of the World

Abstract. This article describes the problem of metaphysical components of scientific pictures of the world. It is possible to analyze it both from a perspective of the history of science and the relationship between metaphysics and science. The author builds the conceptual framework of the probable relationship between metaphysics and science in the form of questions: can meta-

physics exist as accurately credible knowledge, and if such an influence is even possible, do metaphysics and empirical science influence each other. The answer to the first question allows us to indicate anti-metaphysical scientism. The answer to the second question enables us to highlight either the complete independence of science and metaphysics or the priority of metaphysics over science (Aristotelian-medieval picture of the world) or the priority of science over metaphysics (present-day picture of the world). Metaphysics is intended to be something more than just a set of tools used to adapt to the consequences of the development of science. We illustrate this last point by discussing some metaphysical principles (heterogeneity, homogeneity, plenism, vacuism) in the context of various pictures of the world. Due to the large volume and breadth of the topic, the article is selective in using the material.

Keywords: scientific picture of the world; relationship between science and metaphysics; plenism; vacuism.

**Анализ «некрофильского типа личности»
в романе Ф. М. Достоевского «Идиот»:
попытка психокартографии купца Рогожина**

Аннотация. Впервые в исследовательской литературе о Ф. М. Достоевском на примере купца Рогожина рассматривается реализация концепта «некрофильского типа личности» в романе «Идиот». По мнению исследователей, «русский Данте» значительно раньше основных работ Э. Фромма выделил ее основные черты, подробно описал их, начиная от пристрастия к садизму, деструктивным моделям межличностного взаимодействия, созерцанию «ликов смерти» и оканчивая «цветовой гаммой», которую предпочитают личности «танатического темперамента». В исследовании нашел широкое применение биографический метод.

Ключевые слова: франкфуртская школа критической социологии; некрофилия; биофилия; Ганс Гольбейн; садизм; «лики смерти»; танатология; Рогожин; Барашкова; Ставрогин.

В целом ряде наших публикаций мы уже позиционировали Достоевского как одного из ярчайших предшественников франкфуртской школы критической социологии [4; 5]. Одной из ее глобальных задач было изучение типа «авторитарной личности», имеющей самые разнообразные характерологические черты. По нашему аргументированному мнению, русский литератор блестяще описал в целом ряде своих романов «некрофильский тип личности», который уже после смерти Достоевского всесторонне рассмотрел один из влиятельнейших неопрейдистов XX века – Э. Фромм. Разумеется, термин «некрофил» не должен быть понят читателем прямо – как патологическое либидинозное влечение к мертвому объекту. Напротив, мы в своей публикации сознательно говорим о «метафизической некрофилии», т. е. о склонности девиантного человека к жестокости, насилию, деструктивному поведению, аддиктивной тяге к садизму и расизму, диктаторским и авторитарным вариациям межличностного поведения: «Некрофилию в характерологическом смысле можно определить как страстное влечение ко всему мертвому, больному, гнилому, разлагающемуся; одновременно это страстное желание превратить все живое в неживое, страсть к разрушению ради разрушения; а также исключительный интерес ко всему чисто механическому (небиологическому)» [8, с. 512].

Более того, мы осмеливаемся утверждать, что романы «Идиот» и «Бесы» были для виднейшего представителя франкфуртской школы своеобразным источником ценнейших патопсихологических наблюдений. По нашему мнению, в книгах Э. Фромма «Анатомия человеческой деструктивности» и «Душа человека» уловимо своеобразное латентное цитирование психософем Достоевского. Нам представляется, что для более полного раскрытия темы нашего исследования необходимо использовать биографический метод. Данный тезис обусловлен тем, что Достоевский, бесспорно, в своем творчестве описывал некоторые индивидуально-личностные переживания, которые оставляли глубокий след в душе «русского

* Алексей Владимирович Лесевицкий, преподаватель кафедры общеобразовательных и гуманитарно-социальных дисциплин Пермского филиала Финансового университета (г. Пермь).

E-mail: Lesev100@mail.ru

Евгений Владиславович Ляхин, преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России (г. Пермь).

E-mail: Evgeny102@yandex.ru

Данте». И данный тезис относится не только к светносным и богоэталоным персонажам его произведений, но и к героям с «деструктивной первоосновой личности»: «Доныне казалось, что у него два лица – Великого Инквизитора, предтечи Антихриста, и старца Зосимы – предтечи Христа. И никто не мог решить, иногда сам Достоевский не знал, какое из двух лиц подлинное, где лицо и где личина» [7, с. 87]. Разумеется, великий литератор вел со своим «деструктивным подпольем» перманентную борьбу, все творчество художника может быть отнесено к исповеданию данного драматического процесса, где «дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей». Каким же образом танатические переживания «русского Данте» были зафиксированы в биографических источниках? Вторая супруга писателя вспоминает, какое неизгладимое впечатление на мыслителя произвела картина Ганса Гольбейна «Распятый Христос». Достоевский имел возможность детально рассмотреть ее, находясь в Швейцарии, посещая выставку в Базеле. Воспроизведем достаточно объемную цитату из воспоминаний А. Г. Достоевской: «Здесь во всем музее только и есть две хорошие картины: это “Смерть Иисуса Христа”, удивительное произведение, но которое на меня просто произвело ужас, а Федю так до того поразило, что он провозгласил Гольбейна замечательным художником и поэтом. Обыкновенно Иисуса Христа рисуют после его смерти с лицом, искривленным страданиями, но с телом, вовсе не измученным и истерзанным, как в действительности было. Здесь же представлен он с телом похудевшим, кости и ребра видны, руки и ноги с пронзенными ранами, распухшие и сильно посинелые, как у мертвеца, который уже начал предаваться гниению. Лицо тоже страшно измученное, с глазами полуоткрытыми, но уже ничего не видящими и ничего не выражающими. Нос, рот и подбородок посинели; вообще это до такой степени похоже на настоящего мертвеца, что, право, мне казалось, что я не решилась бы остаться с ним в одной комнате. Положим, что это поразительно верно, но, право, это вовсе не эстетично, и во мне возбудило одно только отвращение и какой-то ужас. Федя же восхищался этой картиной» [1, с. 292].

Обратим внимание на крайне важный тезис супруги литератора о том, что картина Достоевскому очень понравилась, он ею восхищался, внимательно рассматривал, практически на протяжении 20–25 минут. Но можно ли быть столь заинтересованным созерцателем изображения трупа человека, начинающего гнить, покрытого некротическими пятнами? Какова латентная эстетика данного восприятия? Необходимо сделать предварительное замечание: мы полагаем, что на выставке, которую посетила чета Достоевских, было много картин, наверняка абсолютно разных по своему художественно-эстетическому содержанию. Но уместен вопрос: почему литератор был поражен именно и исключительно этим произведением искусства, а не каким-либо другим с «нейтральным содержанием» – образами природы и безмятежного быта, «изящным натюрмортом», витальной жизнеутверждающей портретистикой и т. д.? Уловима достаточно «странная избирательность» мировосприятия великого художника слова: «По дороге в Женеву мы остановились на сутки в Базеле, с целью в тамошнем музее посмотреть картину, о которой муж от кого-то слышал. Эта картина, принадлежавшая кисти Ганса Гольбейна (Hans Holbein), изображает Иисуса Христа, вынесшего нечеловеческие испытания, уже снятого со креста и предавшегося тлению. Вспухшее лицо его покрыто кровавыми ранами, и вид его ужасен. Картина произвела на Федора Михайловича подавляющее впечатление, и он остановился перед нею как бы пораженный. Впечатление от этой картины отразилось в романе “Идиот”. Я же не в силах была смотреть на картину: слишком уж тяжелое было впечатление, особенно при моем болезненном состоянии, и я ушла в другие залы. Когда минут через пятнадцать-двадцать я вернулась, то нашла, что Федор Михайлович продолжает стоять перед картиной как прикованный. В его взволнованном лице было то

как бы испуганное выражение, которое мне не раз случалось замечать в первые минуты приступа эпилепсии. Я потихоньку взяла мужа под руку, увела в другую залу и усадила на скамью, с минуты на минуту ожидая наступления припадка. К счастью, этого не случилось: Федор Михайлович понемногу успокоился и, уходя из музея, настоял на том, чтобы еще раз зайти посмотреть столь поразившую его картину» [1, с. 299].

Герменевтический анализ данного эпизода подавляющее большинство исследователей Достоевского осуществляют, исходя из мировоззренческой матрицы христианства. Но мы, в свою очередь, попытаемся выдвинуть альтернативную версию подобного пристального внимания литератора к изображенному бездыханному телу Христа. Описанная психологическая фиксация литератора может являться не только спецификой «христианской проблематики» его произведений и мировосприятия художника, столкновением веры и атеизма, но и принципиально другими факторами. По Фромму, «метафизическую некрофилию» можно определить как «страстное влечение ко всему мертвому, больному, гнилоственному, разлагающемуся». Зададим себе вопрос: почему А. Г. Достоевская не смогла долго находиться у данной картины? Почему на нее она оказала «слишком тяжелое впечатление» и она «ушла в другие залы»? Религиозная интерпретация данного эпизода, на наш взгляд, не выдерживает критики. Действительно, почему бы 20 минут не созерцать картину какого-либо другого художника, изобразившего уже воскресшего Христа, который находится в зените победы над духом тления и смерти? Напротив, Достоевский из всего многообразия экспонатов выставочного зала выбирает именно данное художественное произведение, фактически в течение 20 минут рассматривает натуралистичное изображение трупа. По нашему мнению, вторая супруга литератора – это личность с ярко выраженной биофильской конституцией психической сферы, и длительное созерцание подобных «ликков смерти» подействовало на нее крайне удручающе: «Биофильная этика имеет собственный принцип добра и зла. Добро есть все, что служит жизни; злым является все, что служит смерти. Добро есть “глубокое уважение к жизни”, все, что служит жизни, росту, развитию» [9, с. 37]. Именно по этой причине Анна Григорьевна удалилась в другие залы выставочного комплекса. Озвучим следующий тезис. По Э. Фромму, «метафизические некрофилы» не только испытывают своеобразный девиантный интерес к трупам, всему разлагающемуся и тлеющему, но и, например, к «смакованию» газетной «криминальной хроники»: «Особый интерес некрофильской личности к мертвым проявляется не только при разговорах, но и в чтении газет. Такие люди в первую очередь интересуются уголовной хроникой. Они охотно обсуждают разные аспекты убийств и других смертей, выясняют обстоятельства, причины и следствия недавних смертей, прогнозируют, кто теперь на очереди, и т. д.» [8, с. 522]. Общеизвестно, что Достоевский с жадным вниманием читал криминальную газетную хронику, заимствуя из нее некоторые сюжетные и фактологические линии своих романов. Более того, некоторые преступления, описанные в произведениях «Русского Данте», практически дублируют передовицы газет «Голос», «Московские ведомости» и др. Зададим уместный вопрос: что заставляло великого художника слова с таким неумным интересом прочитывать «криминальную летопись», изложенную в газетах? Можно ли объяснить этот факт лишь «деструктивной фабулой» произведений творца, желанием привлечь читателя рельефно описанными сценами «эпилептических припадков», насилия или самоубийства? Нам представляется, что в Достоевском мы находим личность с некоторыми чертами деструктивности, именно по этой причине он столь реалистично описывал персонажей с «танатическим темпераментом» (Рогожин, Ставрогин, Свидригайлов, Смердяков и др.). Но не оскорбляет ли наша

гипотеза честь и достоинство великого «сумрачного гения» русской литературы? Безусловно, нет.

Во-первых, по Э. Фромму, творческий человек не может быть в полной мере «танатической личностью», ибо «творчество является прямой противоположностью некрофилии» [9, с. 34]. Безусловно, Достоевский просто фонтанировал идеями; к большому сожалению, громадная их часть так и осталась невоплощенной. Как совершенно справедливо писал Н. А. Бердяев, «русский Данте» страдал скорее от избытка идей, концептов, творческих замыслов, чем от их недостатка. Во-вторых, у М. Хайдеггера есть прекрасные размышления о «сокровенности свечения тени». Мы полагаем, что данное высказывание в полной мере может отражать загадку творчества Достоевского. Литератор не только натуралистично изображал «анатомию человеческой деструктивности», но и показывал ее полную противоположность, т. е. целое многоцветие личностей с положительно прекрасным внутренним миром, сосредоточивающих в себе великое множество гуманистических христианских качеств: «Наиболее совершенные образы “положительно прекрасного человека” у Достоевского – Макар Иванович Долгорукий, старец Зосима, Алеша Карамазов и София Андреевна Долгорукая» [6, с. 189]. Было бы крайне несправедливо утверждать, что литератор натуралистично отображал лишь тень, этическую деструкцию и распад личности (Иван Карамазов, Ставрогин, Свидригайлов и др.); напротив, он показывал «сокровенность свечения тени». Более того, подобная контрастность «единства и борьбы противоположностей» Эроса и Танатоса в его романах способствует более рельефному отображению победы сил жизнеутверждающих над силами смерти и тления. В-третьих, Э. Фромм совершенно справедливо подмечал, что в рамках любой личности соседствуют два вечных взаимоисключающих начала: жизнеутверждающее и танатическое (деструктивное): «Возможно, что у большинства людей мы можем обнаружить смесь из биофилических наклонностей и некрофильских тенденций, причем последние достаточно сильны, чтобы вызывать внутренний конфликт» [8, с. 570]. Подлинное величие Достоевского заключается в том, что он, пожалуй, единственный литератор, который попытался высказать о человеке то, о чем предпочитали стыдливо умалчивать. Безусловно, высокоинтеллектуальное творчество «русского Данте» имеет яркую исповедальную сущность, своеобразный психоанализ собственной сложной и антиномичной личности. И мы должны быть благодарны Достоевскому не только за откровенную правду, высказанную о себе самом, но и за правду, изреченную, вероятно, обо всех нас, истину о двойственной и антиномичной сущности самого homo, о наличии в каждом из нас «деструктивного подполья», с которым необходимо вести ежедневную непримиримую борьбу.

Стоит заметить, что практически во всех крупных романах Достоевского мы находим психологические портреты персонажей с «некрофильским типом акцентуации характера». Безусловно, купец Рогожин из романа «Идиот» – личность, обладающая подобными деструктивными качествами. Обоснуем наш тезис. Для этого припомним уже знакомое нам впечатление. Вспомним разговор князя Мышкина со своим «конкурентом» за обладание Настасьей Филипповной. Э. Фромм отмечал, что «метафизические некрофилы» с большим интересом наблюдают за похоронами и трупами, испытывают подсознательное влечение ко всему разлагающемуся и тлеющему. В их душе Танатос полностью вытеснил Эрос, смерть превалирует над жизнью. В доме Рогожина висит копия уже знакомой нам картины, вспомним, как Достоевский описывает этот эпизод: «Над дверью в следующую комнату висела одна картина, довольно странная по своей форме, около двух с половиной аршин в длину и никак не более шести вершков в высоту. Она изображала Спасителя, только что снятого со креста. Князь мельком

взглянул на нее, как бы что-то припоминая, впрочем, не останавливаясь, хотел пройти в дверь. <...>

– Да это... это копия с Ганса Гольбейна, – сказал князь, успев разглядеть картину, – и хоть я знаток небольшой, но, кажется, отличная копия. Я эту картину за границей видел и забыть не могу. <...>

– А на эту картину я люблю смотреть, – пробормотал, помолчав, Рогожин, точно опять забыв свой вопрос.

– На эту картину! – вскричал вдруг князь, под впечатлением внезапной мысли, – на эту картину! Да от этой картины у иного еще вера может пропасть!

– Пропадает и то, – неожиданно подтвердил вдруг Рогожин» [3, с. 182].

Признание Рогожина, что он любит смотреть на копию картины Гольбейна, на которой изображен мертвец, имеет глубочайшие психоаналитические истоки. Можно с полной уверенностью утверждать, что купец созерцает умершего Христа не из эстетической мотивации. Разве может изображение трупа, покрытого некродными пятнами, быть «эстетически привлекательным» для среднестатистического человека с устойчивой психикой? Но благодаря книгам Э. Фромма мы можем попытаться интерпретировать эту довольно странную «созерцательность» купеческого сына. По мнению неопрейдиста, «метафизические некрофилы» буквально упиваются «ликами смерти», созерцание распада и гниения не вызывает в них «возмущенного отвращения». Более того, в этом процессе они видят латентную для большинства «нормальных индивидов» красоту и эстетическую привлекательность. В работе Э. Фромма «Душа человека» психоаналитик рассматривает некрофильские черты К. Г. Юнга. Удивительно, но в своем пристрастии к перманентному созерцанию «ликов гниения и распада» автор концепта «коллективного бессознательного» чрезвычайно похож на купца Рогожина: «Когда строился дом Юнга в Боллингене, там были найдены останки французского солдата, который утонул за 150 лет до этого во время вступления Наполеона в Швейцарию. Юнг сделал фотографию трупа и повесил ее на стену. Он похоронил мертвого и произвел три выстрела над могилой в качестве военного салюта. Поверхностному наблюдателю это может показаться несколько необычным, но, впрочем, не имеющим значения. Однако это как раз одно из тех многих “незначительных” действий, в которых лежащее в их основе ориентирование проявляется яснее, чем в заранее спланированных важных акциях. За много лет до этого Фрейду бросилось в глаза ориентирование Юнга на мертвое» [9, с. 34]. Поразительно, но в работе Э. Фромма содержится своеобразный ответ на вопрос, откуда появилось это довольно необычное пристрастие купца Рогожина. Разумеется, для человека с биофильскими чертами личности сама идея размещения на стене картины или фотографии с изображением разлагающегося тела человека покажется несколько патологичной, но только не для «метафизического некрофила», который посчитает подобный процесс вариантом нормы, частью привычного танатически-склепального интереса.

Русский литератор мастерски изображал процесс «втягивания личности» в пучину преступления, рельефно отображая драматическую интроспективную борьбу разнонаправленных волевых импульсов какого-либо персонажа. Безусловно, купец Рогожин не сразу становится убийцей-психопатом, и в его сердце идет судьбоносная борьба между силами Эроса и Танатоса, биофилией и некрофилией. К большому сожалению, силы распада и тления в конечном итоге одержали в его душе победу над силами добра и гуманизма. В отличие от З. Фрейда, Э. Фромм видел в некрофилии не только результат деструктивных изменений психосферы личности, но и социальный аспект данной проблемы. По мнению неопрейдиста, «метафизическая некрофилия» – это следствие своеобразной трансформации рыночной системы, желание обладать чем-либо, быть собствен-

ником, владельцем, «буржуа»: «Некрофил вступает в отношение с объектом, цветком или человеком только тогда, когда он им обладает; поэтому угроза его обладанию означает для него угрозу ему самому; если он теряет владение, то он теряет контакт с миром. Отсюда его парадоксальная реакция, которая заключается в том, что он скорее потеряет жизнь, чем свое владение, хотя вместе с потерей жизни он перестает существовать как владелец. Он хотел бы господствовать над другими и при этом убивать жизнь» [9, с. 32]. Нам представляется, что Достоевский в своем романе «Идиот» предвосхитил данные теоретические выводы Э. Фромма, описывая inferнальные садомазохистские взаимоотношения Рогожина и красавицы Н. Ф. Барашковой. Как человек танатического типа, купец не может смириться со свободой воли своей возлюбленной, ее импульсивностью и спонтанностью. Героиня же, напротив, не желает быть его собственностью, превратиться в обезличенный, лишенный витальных, жизненных сил объект. Настасья Филипповна – сильная и волевая женщина. Рогожину не удастся «подавить ее», полностью «подчинить своей воле». С нашей точки зрения, убийство Н. Ф. Барашковой происходит именно по причине страха потерять свое «мнимое владение», вещь, объект. Но для того чтобы «объект» был навечно привязан к своему собственнику, его необходимо лишить жизни, свободы воли, деконструировать. Экзекуция главной героини романа – это попытка установить «тотальный танатический контроль» над живой личностью, ибо любую персону с некрофильской акцентуацией характера наполняет страх перед непредсказуемостью витальных проявлений другого человека, его спонтанностью и свободой: «Может быть, я и не хотел бы человека убивать, я хотел бы только отнять у него свободу; может быть, я хотел бы его только унижить или отобрать у него имущество, – но что бы я ни делал в этом направлении, за всеми этими акциями стоит моя способность и готовность убивать» [9, с. 32].

Одним из важных признаков «некрофильского типа личности», по Э. Фромму, является следующее: «Как показывает материал клинических исследований, большая часть некрофилов отличается пристрастием к дурным запахам типа “задохнувшегося” или уже гниющего мяса» [8, с. 525]. Вспомним inferнальную сцену романа, когда Рогожин признается в убийстве и показывает труп Настасьи Филипповны князю. Стоит заметить, что тело убиенной уже начинает источать довольно специфический дух, но купца это не сильно взволновало, он накрывает тело женщины американской клеенкой и ставит несколько бутылок со ждановской жидкостью, желая «завакуировать» запах разложения. Для биофила Мышкина подобная ситуация непереносима, все его естество не принимает смерти, князь находится на грани апоплексического удара или сумасшествия. Рогожин произносит:

«– Так я и порешил, чтоб ни за что, парень, и никому не отдавать! Ночью проночуем тихо. Я сегодня только на час один и из дому вышел, поутру, а то всё при ней был. Да потом повечеру за тобой пошел. Боюсь вот тоже еще, что душно и дух пойдет. Слышишь ты дух или нет?

– Может, и слышу, не знаю. К утру наверно пойдет.

– Я ее клеенкой накрыл, хорошею, американскою клеенкой, а сверх клеенки уж простыней, и четыре стклянки ждановской жидкости откупоренной поставил, там и теперь стоят.

– Это как там... в Москве?

– Потому, брат, дух. А она ведь как лежит... К утру, как посветлеет, посмотри. Что ты, и встать не можешь? – с боязливым удивлением спросил Рогожин, видя, что князь так дрожит, что и подняться не может» [3, с. 504].

Обратим наше внимание на фразу купца, что тело он никому не отдаст: она полностью подтверждает тезис Э. Фромма о том, что некрофилы не могут отдать

«объект обладания и своеобразной inferнальной собственности». Неофрейдист мог бы прокомментировать желание Рогожина «завуалировать» трупный запах склянками с духами следующим образом: «Однако более распространен другой вариант пристрастия, при котором желание получить удовольствие от дурных запахов оказывается вытесненным. Это приводит к своеобразной реакции, которая доступна наблюдению: человек пытается устранить любую возможность дурного запаха, но он ведет себя так, даже когда на самом деле ничего подобного в его окружении нет. (Это похоже на сверхчистоплотность человека с анальным характером.)» [8, с. 525].

Заслуживает отдельного внимания описание дома купца Рогожина, мастерски сделанное Достоевским. Пристанище inferнального персонажа романа напоминает склеп – последний приют всех ушедших в иной мир людей. Задолго до теоретических исследований Э. Фромма, «русский Данте» рельефно обрисовал не только «архитектурные пристрастия» личностей с некрофильскими чертами, но и цветовую гамму, чрезвычайно привлекательную для homo подобного типа. По мнению неофрейдиста, некрофилы предпочитают темно-коричневую и темно-зеленую цветовую гамму, отражающую их деструктивный внутренний мир. Именно в данной «цветовой палитре» было выполнено описание «рогожинского склепа» в романе. Более того, Достоевский мастерски подмечает темные закоулки внутренней структуры дома Рогожина, длинные затемненные лабиринты-переходы из одного мира в другой, наводящие мистический ужас: «Но в комнате было очень темно; летние “белые” петербургские ночи начинали темнеть, и если бы не полная луна, то в темных комнатах Рогожина, с опущенными столами, трудно было бы что-нибудь разглядеть» [3, с. 502]. У Э. Фромма данное пристрастие к темноте находит следующее объяснение: «Некрофила привлекают ночь и темнота. В мифологии и поэзии он представлен тянущимся к пещерам, в глубину океана или слепым. Все, что отвращено от жизни или направлено против нее, притягивает некрофила. Он хотел бы вернуться в темноту материнского лона и в прошлое неорганического или животного существования» [9, с. 33].

Еще одним важным внешним признаком личности с «некрофильской акцентуацией характера» является выражение ее лица. Мимика homo данного типа отображает отчужденное безразличие и походит на искусственно-безликую маску. Напротив, у человека с биофилической мировоззренческой ориентацией мы можем наблюдать совершенно другое лицо: живые глаза, мимические морщины, отражающие все богатство эмоциональных переживаний, сострадательную заинтересованность в происходящем вокруг. Некрофил же отличается отчужденной безучастностью и безразличием, что находит свое выражение в довольно специфической «отсутствующей» мимике: «И еще есть одна характерная черта мимики: некрофил практически не умеет смеяться. Его лицо как маска» [8, с. 524]. Прочитанное описание физиогномики «танатической личности» практически дублирует портрет одного из главных героев романа «Бесы». В образе Ставрогина мы, безусловно, узнаем личность «inferнального темперамента» с «брезгливо-маскообразным» выражением лица, свидетельствующим о полной инверсии категорий добра и зла в его «сумрачной душе»: «Но одно поразило меня: прежде хоть и считали его красавцем, но лицо его действительно “походило на маску”, как выражались некоторые из злоязычных дам нашего общества» [2, с. 145]. После сопоставления концепта Э. Фромма и образа Ставрогина из романа «Бесы» поражает глубочайшее проникновение Достоевского в психологический мир «танатической личности». Впрочем, анализ индивидуальных черт Ставрогина исходя из психоаналитической матрицы «некрофильского типа человека» может быть предметом другой статьи авторов данных строк.

Подлинное величие Достоевского заключается в том, что, в отличие от представителей франкфуртской социологической школы, ему не надо было проводить массовые социологические опросы респондентов, для того чтобы выявить тот или иной патологический психотип. Но гениальность философского прозрения русского литератора полностью подтверждена богатейшим эмпирическим материалом, связанным с деятельностью таких мыслителей-социологов, как Э. Фромм, Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе и др. Мы показали, что специфические черты личности литератора нашли свое отражение в некоторых психологических особенностях персонажей романов Достоевского. Значительно раньше эмпирических выводов Э. Фромма «русский Данте» описал на страницах своих книг человека с «некрофильской акцентуацией характера», предупредив читателя о великой опасности поглощения личности хаосом смерти и разрушения. Более того, романы Достоевского обладают актуальной педагогической значимостью, ибо способны предупредить читающее поколение об опасности «метафизических некрофилов», делающих карьеру в макрокосме политики и экономики...

Литература

1. Достоевская А. Г. Последняя любовь Ф. М. Достоевского. Дневник 1867 года. – СПб. : Андреев и сыновья, 1993. – 461 с.
2. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) и др. ; ИРЛИ. – Т. 10 : Бесы : роман : в 3 ч. / текст подгот. Н. Ф. Буданова. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. – 519 с.
3. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) и др. ; ИРЛИ. – Т. 8 : Идиот : роман / текст подгот. И. А. Битюгова, Н. Н. Соколомина. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. – 511 с.
4. Лесевицкий А. В., Ляхин Е. В. Бунт Ивана Карамазова как проявление «негативной диалектики» в компаративистском сопоставлении философии Г. Гегеля и Т. Адорно // Вестник Гуманитарного университета. – 2020. – № 2 (29). – С. 129–135.
5. Лесевицкий А. В., Ляхин Е. В. Роль творчества Ф. М. Достоевского в становлении концепции садомазохизма в неомарксистской философии Э. Фромма // Вестник Гуманитарного университета. – 2020. – № 3 (30). – С. 130–139.
6. Лосский Н. О. Бог и мировое зло. – М. : Республика, 1994. – 436 с.
7. Мережковский Д. С. Пророк русской революции // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов : сб. ст. – М. : Книга, 1990. – С. 86–119.
8. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М. : АСТ, 2019. – 736 с.
9. Фромм Э. Душа человека. – М. : Республика, 1992. – 430 с.

Alexey Vladimirovich Lesevitsky,

Lecturer, Department of Educational, Humanitarian and Social Disciplines, Perm Branch of the Financial University (Perm)

Evgeny Vladislavovich Lyakhin,

Lecturer, Department of State and Legal Disciplines,
Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Perm)

The Analysis of the “Necrophilic Personality Type” in F. M. Dostoevsky's Novel “The Idiot”: an Attempt in Psycho-Mapping of Merchant Rogozhin

Abstract. For the first time in the research literature on F. M. Dostoevsky, the paper considers the realization of the concept of the ‘necrophilic personality type’ in the novel *The Idiot* on the example of merchant Rogozhin. According to the researcher, ‘Russian Dante’ identified specific features of this type much earlier than it made E. Fromm in his main works. He also described them in detail, starting from the addiction to sadism, destructive models of interpersonal interaction, contemplation of ‘the faces of death’ and ending with the ‘colour scheme’ that is preferred

by the personality of ‘thanatic temperament’. The author widely used a biographical method in the study.

Keywords: Frankfurt School of Critical Sociology; necrophilia; biophilia; Hans Holbein; sadism; “faces of death”; thanatology; Rogozhin; Barashkova; Stavrogin.

Повседневная жизнь человека в самоизоляции

Аннотация. В статье исследуются изменения, возникшие в повседневной жизни человека из-за COVID-19. По мнению автора, ежедневные действия и поведение человека, вызванные пандемией, приобрели характер привычности, стали типичными и являются сегодня повседневной реальностью. Особое внимание уделено анализу таких понятий, как повседневность, частная жизнь, коммуникационные формы поведения человека частного, дом.

Ключевые слова: повседневность; повседневная жизнь человека; частная жизнь; приватность; дом; самоизоляция.

Пандемия COVID-19, длящаяся больше года, всколыхнула глобальный мир, что неизбежно отразилось на повседневной жизни человека. Сегодня повседневную жизнь человека определяют нормы и правила поведения, обязательные для исполнения каждым: введение и сохранение режима вынужденной самоизоляции, часто ограничивающего человека в его деятельности и в осуществлении намеченных планов; соблюдение предписанных правил поведения в общественных местах и на рабочем месте: контроль за состоянием здоровья, обязательное ношение средств индивидуальной защиты и соблюдение санитарно-гигиенических правил, соблюдение социальной дистанции; отказ от необязательных передвижений и личных контактов, что, конечно, не исключает их, но все же ограничивает возможности коммуникации и меняет их характер. Ежедневная сложная и непрерывная борьба с распространением нового опасного и малоизученного заболевания заставляет человека быть внимательным не только к собственному здоровью, но также быть ответственным за здоровье и жизнь других людей. Процессы, вызванные пандемией, повлияли на повседневную жизнь и, можно сказать, стали повседневностью, превратившись в повторяющиеся рутинные события и практики.

Исследования повседневности в настоящее время дают нам широкий диапазон подходов и определений, раскрывающих содержание данного понятия.

И. Т. Касавин, анализируя повседневность, пишет, что повседневность, по определению своему, первична и безусловна для всех людей и практически всегда. «Повседневность – это все то, что происходит изо дня в день, происходит подряд сколько-нибудь длительный срок и регулярно повторяется. Повседневность – это природно-телесное и лично-общественное бытие / поведение человека; оно же – необходимая предпосылка / общий компонент всех остальных форм людской жизнедеятельности, т. е. тех ситуаций жизни, областей деятельности, которые по категориальному контрасту можно назвать вне- или же сверхповседневными» [8, с. 22]. И. Т. Касавин также отмечал, что содержание понятия «повседневность» не столь прозрачно, как может показаться на первый взгляд [8, с. 14].

Отмечая сложность понятия «повседневность» и его специфику, социолог и историк Н. Элиас в своей статье «О понятии повседневности» использовал противоположные понятия, т. е. понятия, которые повседневностью не являются. Он обозначил сферы, которые обычно противопоставляются повседневной жизни, для того чтобы уточнить, какие именно аспекты повседневности имеются в виду в том или ином случае. Элиас предложил восемь пар понятий, определяя категорию

* Елена Анатольевна Калистратова, секретарь аспирантуры, ст. преподаватель АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

E-mail: kalistratovae@mail.ru

«повседневность» через ее противоположность – «не-повседневность»: 1) повседневность как противоположность празднику; 2) повседневность (рутина), в отличие от чрезвычайных, нерутинизированных сфер общества; 3) повседневность как жизнь народных масс – в противоположность жизни высокопоставленных и могущественных лиц (королей, президентов, членов правительства, партийных лидеров и т. д.); 4) повседневность (рабочий день) – в противоположность праздности (например, жизни буржуа, живущих в роскоши); 5) повседневность (сфера будничных событий) – в отличие от того, что считается единственно достойным изучения в традиционной политической истории: великих событий, действий государства и его правителей; 6) повседневность (частная жизнь: семья, любовь, дети) в противоположность официальной или профессиональной жизни; 7) повседневность как сфера естественного, спонтанного, неотрефлексированного переживания и мышления – в отличие от сферы рефлексии, искусственного, и особенно научного, опыта и мышления; 8) повседневность как обыденное сознание, т. е. идеологизированное, наивное, непродуманное, ложное мышление – в отличие от настоящего, правильного, истинного сознания. Н. Элиас видел сложность определения повседневности еще и потому, что «структура повседневности не обладает характером более или менее автономной особой структуры, но является составной частью структуры данного социального слоя и – поскольку его нельзя рассматривать изолированно – частью властных структур всего общества» [13, с. 10–11].

Следует сказать, что многие авторы, следуя целям своего исследования, противопоставляют повседневность другим сферам человеческой жизни. Так, например, Ю. М. Лотман противопоставлял обычное, каждодневное, бытовое поведение, которое самими членами коллектива воспринимается как «естественное», единственно возможное и нормальное, всем видам торжественного, ритуального, внепрактического поведения: государственного, культового, обрядового, воспринимаемого самими носителями данной культуры как имеющее самостоятельное значение [15]. Ж. Бодрийяр повседневность – обыденную, текущую жизнь – противопоставлял историческому и политическому с их абстрактной событийностью [5, с. 47].

По мнению Б. Вандельфельса, повседневность является «дифференцирующим понятием, которое отделяет одно явление от другого. Границы и значения выделенных сфер изменяются в зависимости от места, времени, среды и культуры». При этом он также отмечал, что «обыденная жизнь не существует сама по себе, а возникает в результате процессов “оповседневнивания”, которым противостоят процессы “преодолевания повседневности”. Речь о повседневности не совпадает с самой повседневной жизнью и с речью о повседневной жизни» [6, с. 40–41].

В то же время повседневность называют особой сферой жизни, а именно жизненной средой человека, сферой непосредственного потребления, удовлетворения материальных и духовных потребностей и связанных с этим обычаев, ритуалов, форм поведения, привычек сознания [23, с. 95]. Повседневность – это также человеческая жизнь, рассмотренная с точки зрения тех функций и ценностей, которые плотно заполняют жизнь личности, включая труд, быт, отдых, передвижения и т. д. Повседневность постоянно воспроизводится как мощный пласт отношений, ценностей, как постоянная система человеческих забот. Это неизбежно заставляет все сферы деятельности общества, выходящие за рамки повседневности, например государственность, вписываться в нее или, наоборот, подавлять ее в условиях авторитарных версий псевдосинкретизма [2].

Повседневность не автономна, в ее пространстве сходятся «линии жизни» всех сфер человеческого бытия: «и православные, и мусульмане, и атеисты, и патриоты, и западники ходят в магазины, все они страдают от инфляции, все оп-

лачивают услуги ЖКХ, возмущаясь постоянно растущими тарифами, все пользуются мобильными телефонами, смотрят телевизор, водят автомобиль, гуляют с собачками, их дети ходят в школу и детский сад и т. д.». Повседневность – это «наше все» вперемежку со всем «не нашим», хотя у каждого и то и другое все равно свое, потому что существует и та часть повседневности, которая протекает дома, в четырех стенах, и практически не пересекается с иными эманациями повседневной жизни [12].

Многозначность и непрозрачность содержания понятия «повседневность» постоянно требуют своего определения и переопределения через «внеобыденные моменты и сферы жизни и мысли» [8, с. 15]. Поэтому закономерным выводом можно считать утверждение М. М. Крома, что «универсального, на все случаи жизни пригодного понятия “повседневность” просто не существует. Это условная конструкция, и она возникает в тот момент и приобретает такие очертания, когда и какие разграничения мы проводим между сферами общественной жизни» [13, с. 12].

Наш анализ повседневной жизни человека связан с исследованием повседневности как жизни частной. Следует отметить, что для повседневности онтологически характерна ее отнесенность к частной жизни, приватному; к той сфере времени и пространства, которые свободны от служебных, общественных и прочих внешних обязанностей; нечто противостоящее публичному, официальному, институализированному [8, с. 17]. Повседневность зачастую отождествляют с частной жизнью, противопоставляя частное открытой общественности [11, с. 157]. Правда, социолог П. Штомпка утверждал, что повседневность не является синонимом частной жизни и не противостоит публичной жизни. Штомпка отмечал, что повседневность охватывает обе эти сферы – и частную, и публичную жизнь – даже в том случае, если участвующие акторы различаются: «Для политиков, журналистов, активных граждан и даже для большинства людей во время выборов действия в публичной сфере столь же повседневны, как любые приватные события. Произносить или слушать политическую речь, отдавать свой голос не отличается в этом плане от обеда с друзьями, похода в кино или участия в семейной встрече» [24]. Поэтому повседневность является более широким понятием, чем повседневность, взятая в значении «частная жизнь».

Под частным мы понимаем всё, что связано с личными интересами и делами человека. Частная, или приватная, жизнь – сфера физической и духовной жизнедеятельности человека, которая находится вне государственного и общественного интереса. При этом частная жизнь, будучи потенциально свободной от внешнего управляющего воздействия, контролируется человеком как на уровне обыденного сознания, так и подсознательно. Определение «частная» предполагает отграничение внутриличностной сферы бытия человека от внешней, в том числе публичной, жизни [17, с. 408–409]. Кроме того, приватное определяется как те аспекты жизни и деятельности, куда человек имеет право не допускать других, т. е. не то, что исключают публичные институты, а то, что сама личность предпочитает держать подальше от публичного внимания [10]. Исследователи правовых аспектов частной жизни, ссылаясь на фундаментальный труд Алана Вестина «Приватность и свобода», выделяют четыре формы проявления приватности: уединение, интимность, сдержанность и анонимность. Каждая из этих форм, в свою очередь, формирует определенную модель коммуникационного поведения человека частного.

Уединение соответствует приватно переживаемому состоянию души, которое выражается в интуитивном стремлении человека к избавлению себя от внимания со стороны внешних наблюдателей.

Интимность предполагает добровольное поддержание человеком контакта с узким кругом избранных лиц.

Сдержанность обусловлена наличием определенного психологического барьера между индивидом и окружающими его людьми.

Анонимность выражает стремление человека, находящегося в окружении людей, оставаться не узнаваемым ими [17, с. 408–409].

Коммуникационные формы поведения человека частного, перечисленные нами выше, мы повседневно можем наблюдать и в публичных пространствах: на городских улицах и площадях, в кинотеатрах и гипермаркетах, в общественном транспорте и в учебных аудиториях. Обособление, молчание в публичных местах, уверенность в существовании индивидуальной границы, в своем праве пребывать в одиночестве. Такое поведение человека Р. Сеннет назвал культом интимности. Причину этого явления – «болезни», «недуга» – Сеннет видел в разрушении публичного пространства под воздействием индустриального капитализма и секуляризации, которые сформировали новую светскую городскую культуру. Отличительной чертой нового порядка Р. Сеннет считает нарциссизм – способ существования, когда реальность представляет интерес лишь в случае если затрагивает самого актора. Каждое мгновение воспринимается как опыт, в котором человек ищет собственное отражение, и опыт становится непрерывным и пустым: «мы слишком поглощены собой, нам крайне сложно понять принцип приватного» [10]. Р. Сеннет под нарциссической самопрезентацией в общественных пространствах подразумевал поведенческий аскетизм акторов, отсутствие у них желания коммуницировать, отгораживание, отстранение, анонимность, неучастие, пассивность. Е. Г. Трубина отмечала, что с Р. Сеннетом солидарны Р. Барт и С. Бенхабиб, которые считают, что «причина редукции либо полного отсутствия публичной сферы сегодня состоит в ее поглощении сферой приватного. Граница между интимностью и публичностью стерта, и публичная сфера предстает как сфера нарциссической самопрезентации. Р. Барт назвал эту “публичность приватного” “новой общественной ценностью”» [20, с. 574]. Сегодня, «по-видимому, имеет место новое определение общественной сферы как сцены, где перед всем обществом разыгрываются частные драмы» [4, с. 77].

Проявлением этой тенденции становятся разнообразные способы презентации и самопрезентации, которые мы можем наблюдать благодаря телевидению и киберпространству. Телевидение способно почти все сделать публичным, доступным, показным, когда мало что остается скрытым из виду [21]. Приватные темы и события личной повседневной жизни пользователей Интернета также имеют характер публичности: их постят, ими делятся, их озвучивают, фиксируют, презентуют. Их смотрят, читают, ставят лайки, делают перепосты, обсуждают. Приватная сфера становится предметом обсуждения, что, безусловно, делает открытой и интересной, ценной и значимой повседневную жизнь любого человека. Но в то же время такая публичность способна обесценивать актуальные события общественной жизни, поскольку «в центре онлайн-обсуждения чаще всего оказывается “мир очевидностей”, и порой ничего не значащие “события”, например увиденный пейзаж или съеденный обед». Поэтому, как пишет А. В. Дроздова, «происходит фрагментация “повестки дня”, в которой частное, приватное начинает преобладать над публичным, вытесняя на периферию важные и насущные социальные проблемы из сферы сетевого сотрудничества» [7, с. 176]. Как отмечал З. Бауман, «современный мир как в онлайн, так и в офлайн превратился в индивидуализированную и приватизированную версию событий, состоящую из “нескончаемой череды занятий, в центре коих мы сами, наши собственные мысли о себе”» (цит. по: [7, с. 176–177]).

З. Бауман считал, что для жизни современного общества – общества индивидов – характерно запустение общественного пространства, и особенно *агоры*, того самого места, «где пересекаются общественное и частное, где “житейская поли-

тика” знакомится с Политикой с большой буквы, где частные вопросы переводятся на язык общественных задач и где изыскиваются, обсуждаются и согласовываются общественные решения частных проблем» [3, с. 136]. «“Частное” вторглось на территорию общественного, но отнюдь не для того, чтобы взаимодействовать с ним. “Частные” проблемы, даже когда они подробно обсуждаются на публике, не обретают нового качества; “частное”, скорее, только укрепляется в своем частном характере. Телевизионные откровения “простых людей”... и “эксклюзивные” газетные сплетни о личной жизни звезд шоу-бизнеса, политиков и других знаменитостей становятся публичными уроками, подтверждающими пустословие общественной жизни и доказывающими тщетность надежд, связанных с чем-то менее частным, чем частные проблемы и частные методы их решения. Сегодня одинокие граждане приходят на *агору* только для того, чтобы побыть в компании таких же одиночек, как они сами, и возвращаются домой, еще более утвердившись в своем одиночестве» [3, с. 257]. «Единственное преимущество, которое может дать компания других людей с подобными проблемами, – уверенность каждого, что преодоление трудностей в одиночку – это как раз то, что делают все остальные, – что позволяет укрепить и еще раз поддержать ослабевающую решимость продолжать делать то же самое... Но прежде всего человек узнает в компании других, что единственная услуга, которую может оказать компания, – совет о том, как выжить в собственном безнадежном одиночестве, и что жизнь каждого человека полна опасностей, которым нужно противостоять и с которыми нужно бороться без посторонней помощи» [4, с. 43].

А. Лефевр считал, например, что отсутствие в городских пространствах спонтанной и органичной общественной жизни приводит к полной «приватизации» существования. Люди уходят в семейную, «приватную» жизнь. И такой уход, по его мнению, наблюдался повсеместно в последние годы в высокоразвитых индустриальных странах, там, где не ставились открыто и публично политические проблемы. «Форма существования людей в крупных городских ансамблях доводит до предела общую тенденцию. К несчастью, из-за большого количества детей и демографической структуры, свойственной новым городским ансамблям, из-за звукопроницаемости стен и перекрытий, из-за шума, из-за неумеренного потребления контролируемых “массмедиа” (особенно телевидения), играющих роль наркотиков, из семейной жизни исчезает интимность. Пропадает то, что в ней ищут. “Приватная” жизнь вязнет в промискуитете, исчезает в потоке шумов и поверхностной информации. Происходит драматическое превращение ее в “приватную жизнь” в самом крайнем смысле слова, иначе говоря в состояние лишенности и фрустрации, которое терпят, подчиняясь своего рода общественному, человеческому оцепенению» [14, с. 23].

Как мы видим, современный человек живет в изменяющемся, неустойчивом мире, сталкиваясь с неопределенными жизненными ситуациями, ежедневно делая индивидуальный выбор, за осуществление которого он ответственен сам. Погрузившись в сферу частной жизни, человек как будто бы добровольно изолировал себя, оградил свою приватность, поскольку только пространство частной жизни, по его мнению, способно обеспечить ему спокойное и безопасное существование. Частная жизнь человека – это та сфера повседневности, которая протекает дома. Частная жизнь ограничена пределами дома и межличностными внутрисемейными отношениями и связана с понятием интимности.

Толковые словари так раскрывают понятие дома: дом – жилое здание, строение; квартира; свое жилье, а также семья, люди, живущие вместе, одним хозяйством; хозяйство отдельной семьи [22; 19]. Дом является не только материальным объектом, собственностью, но также феноменом человеческой истории и культуры. Г. С. Кнабе писал, что «есть дело, которым люди заняты на протяжении их

истории, это дело – организация жилого пространства. В нем человек реализует себя в своем неповторимо человеческом качестве. В расплывчатый хаос и текучую изменчивость природы, в своевольное нагромождение очертаний и форм волей и трудом врезает он устойчивые и “устроенные” очаги деятельной жизни – дом, двор, сад, улицу, площадь и город, стены, дабы можно было скрыться за ними от произвола природы и врагов, храм, дабы воздать благодарность богам, чьим изволением этот устойчивый очаг мог быть создан и сохранен» [9, с. 437].

Дом, по мнению Ю. М. Лотмана, является символом наиболее замкнутого, защищенного, «внутреннего» пространства. Создавая дом, человек тем самым огораживает часть пространства, которая – в отличие от внешней сферы – воспринимается как культурно освоенная и упорядоченная [16, с. 507]. Упорядоченная, понятная, безопасная жизнь, отделенная от хаоса и чужих. Дом способен обеспечить безопасность человеку в его повседневной жизни, поэтому дом – коттедж или квартира – был и остается одной из основных ценностей повседневного существования человека. Как писала И. Андреева, «триада – автомобиль, КВАРТИРА, дача (тоже дом) – была и остается, вероятно, целью для очень многих и мечтой почти для всех бывших советских людей. Это есть и останется вещественным символом благополучия, благоустроенности и устойчивости в неразберихе наших, уже дважды случившихся в одном веке, послереволюционных крушений социальной структуры страны» [1, с. 113].

Исследователи быта современной России также отмечают, что дом, квартира, собственная недвижимость как объект потребительских желаний имеют приоритетное значение. Отличительными чертами современного быта являются отдельная, хорошо отремонтированная квартира, наличие железной двери, наличие стеклопакетов на окнах. Дом или квартира являются приватным убежищем в противоречивом публичном пространстве. Окна, железные двери должны надежно укрывать жильцов от сложного внешнего мира [18, с. 200–201]. Кроме того, в настоящее время мы видим, как предпринимаются совместные действия владельцев домов, квартир, связанные с обустройством и организацией территории, не только непосредственно прилегающей к квартирам – подъезда, лестничных клеток, – но также пространства вокруг дома: дворов, тротуаров, зеленых зон. Все это направлено на обеспечение безопасности домашнего пространства и личной собственности. Жильцы совместными решениями ставят железные двери, домофоны и видеокамеры в подъезде, нанимают консьержей, огораживают дворовые территории и закрывают проезды к дому. И хотя все эти действия направлены на обеспечение безопасности и на пространственное отделение от социально «чужих», отделяют они и социально «близких»: родственников, друзей и знакомых. Но человек стремится не только к безопасности, но и к обособленности, он уходит в сферу своей частной жизни, в теплый, уютный дом, закрытый для внешнего мира; самостоятельно, как ему кажется, принимает решения и несет ответственность за свою собственную жизнь и жизнь членов своей семьи. З. Бауман, анализируя современность, отмечал: «Пребывать в доме, очевидно, тоже полезно. У людей, запертых в обычных кирпичных домах, время от времени может создаваться жуткое впечатление, что они находятся в тюрьме, а не в безопасной гавани; свобода улицы, манящая извне, так же мучительно недоступна, как сегодня часто бывает воображаемая безопасность предполагаемого дома. Однако если соблазнительная безопасность “у себя дома” проецируется на достаточно большой экран, то ничто “внешнее” не испортит веселья» [4, с. 115]. Процесс самоизоляции человека – это современная тенденция существования общества, это одна из характерных черт нашей жизни. Период вынужденной самоизоляции, вызванный пандемией, который, на наш взгляд, должен иметь временный характер, не отменяет процессов обособления и добровольной самоизоляции человека.

Выше мы отмечали, что события, процессы, ежедневные действия и поведение человека, вызванные пандемией, уже приобрели характер привычности, стали типичными, поэтому именно они составляют сегодня повседневную реальность. Пусть вынужденную, временную, но наблюдаемую реальность: мы видим ставшее типичным поведение людей в общественных пространствах, на улицах и площадях, в местах работы и т. д. Но при этом не всегда видимой и наблюдаемой для нас остается та сфера частной жизни человека, которая связана с домом. Дом – это пространство частной жизни и пространство жизни семьи. В режиме вынужденной самоизоляции дом для большинства людей стал местом работы или учебы в режиме удаленного доступа. Дом, с одной стороны, стал местом, где происходит смещение и смешивание границ различных сфер жизни человека, где происходит возможное нарушение границ приватности не только внутри домашнего пространства, где члены семьи вынуждены разграничивать свои личные, ставшие рабочими, пространства (что неизбежно может порождать конфликтные ситуации); но нарушение границ приватности происходит и извне: мы как бы впускаем в свою частную жизнь людей, с которыми ведем дела, которых обучаем или у которых учимся и т. п., но вынуждены это делать, и не всегда добровольно.

С другой стороны, дом в период самоизоляции становится местом полного погружения в частную жизнь. Дом становится местом защиты человека от внешней опасности, местом заботы человека о себе, членах своей семьи и заботой о самом доме. Дом также становится местом и временем свободной самореализации человека. Но дом, оставаясь местом, защищающим человека от внешней опасности в течение очень продолжительного времени, способен «заточить» человека в своих безопасных, теплых и уютных объятиях. Дом – это крепость, все опасности остаются за его стенами. Страхи человека, всевозможные опасения, вызванные длительным пребыванием дома; переживание неуверенности, которая часто возникает из-за недостатка информации или ее недостоверности и противоречивости; отсутствие межличностной коммуникации, привычной и контактной: визуальной и тактильной, – все это способно порождать защитные психические процессы, такие, например, как агрессия, фрустрация, избегание и добровольное одиночество. Дом для человека в этом случае не перестает быть крепостью, но при этом может стать для него местом самозаключения.

События и процессы, вызванные пандемией COVID-19, такие как самоизоляция, вынужденное ограничение посещения общественных пространств (стадионы, театры, кинотеатры, концертные залы, музеи, галереи и пр.) и, особенно, мест, способных вызвать повышенную общественную активность; запрет на проведение публичных и массовых мероприятий – все это, на наш взгляд, еще глубже погружает человека в сферу частной жизни. Поэтому нам еще предстоит анализ последствий пандемии, повлиявших на повседневную жизнь человека.

Выход человека за границы частной жизни является необходимым условием существования и развития не только частной сферы, но и сферы публичной, т. е. повседневной жизни человека в целом,

То, что противостоит повседневности, подпитывает ее не только информацией, но и жизненной энергией, поэтому необходимо развитие общественной публичной сферы, общественных институтов. Также повседневность подпитывают, «можно предполагать, праздники, ритуалы, кризисы и катастрофы всякого рода, т. п. экстраординарные состояния бытия и сознания» [8, с. 72].

Литература

1. Андреева И. Частная жизнь при социализме. Отчет советского обывателя. – М. : Новое литературное обозрение, 2009. – 344 с.

2. Ахиезер А. С. Социокультурный словарь. – URL: www.philosophu.ru/edu/ref/soc/slov_ahiez.html (дата обращения: 20.08.2020).
3. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. – М. : Логос, 2005. – 390 с.
4. Бауман З. Текущая современность. – СПб. : Питер, 2008. – 240 с.
5. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 96 с.
6. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социологос. – М., 1991. – Вып. 1. – С. 39–41.
7. Дроздова А. В. Визуальные образы повседневности в современной медиакультуре : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2017. – 278 с.
8. Касавин И. Т., Щавелев С. П. Анализ повседневности. – М. : Канон+, 2004. – 432 с. – (Современная философия).
9. Кнабе Г. С. Древо познания – древо жизни. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2006. – 751 с.
10. Козьякова М. И. Публичное пространство: культура репрезентации (окончание) // Культура культуры. – 2017. – № 4 (16). – С. 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/publichnoe-prostranstvo-kultura-reprezentatsii-okonchanie> (дата обращения: 14.02.2021).
11. Кондрашов П. Н., Любутинов К. Н. Диалектика повседневности: Попытка марксистского анализа. – М. : Ленанд, 2015. – 168 с.
12. Королев С. А. Повседневность как эманация социальности: трансформации и тренды // NB: философские исследования. – 2013. – № 8. – С. 356–422. – DOI 10.7256/2306-0174.2013.8.709.
13. Кром М. М. Повседневность как предмет исторического исследования // История повседневности : сб. науч. работ / под ред. Б. И. Колоницкого. – СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге : Алетейя, 2003. – Вып. 3. – С. 7–14.
14. Лефевр А. Идеи для концепции нового урбанизма // Социологическое обозрение. – 2002. – Т. 2, № 3. – С. 19–26.
15. Лотман Ю. М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // ВикиЧтение. – URL: <https://culture.wikireading.ru/48702> (дата обращения: 14.02.2021).
16. Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб. : Искусство-СПб, 2010. – 704 с.
17. Манкевич И. А. Поэтика обыкновенного: опыт культурологической интерпретации : монография. – СПб. : Алетейя, 2011. – 712 с.
18. Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности : колл. монография / под ред. Е. Здравомысловой, А. Роткирх, А. Темкиной. – СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. – 524 с. – (Труды факультета политических наук и социологии; Вып. 17).
19. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – URL: <http://ozhegov.info/slovar/?q=дом> (дата обращения: 14.02.2021).
20. Трубина Е. Г. Публика // Современный философский словарь / под общ. ред. д. ф. н. В. Е. Кемеровой. – 3-е изд. – М. : Академический проект, 2004. – 864 с.
21. Урри Д. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 336 с. – (Социальная теория).
22. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка. – URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=13514> (дата обращения: 14.02.2021).
23. Ястребицкая А. Л. Повседневность и материальная культура Средневековья в отечественной медиевистике // Одиссей: Человек в истории. – 1991. – С. 84–102.
24. Sztompka P. The Focus on Everyday Life: a New Turn in Sociology // European Review. – 2008. – February. – Vol. 16 (01). – P. 23–37.

Elena Anatol'evna Kalistratova,
Postgraduate Studies Center' secretary, Senior Lecturer,
Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg).

Everyday Life of a Person in Self-Isolation

Abstract. The article examines changes that occur in the habitual life of people due to the COVID-19 pandemic. In the author's view, everyday actions and human behaviour caused by the pandemic have acquired the nature of everydayness, have become habitual, and are today routine. Special attention the author pays to the analysis of such concepts as everydayness, private life, communication forms of an individual's behaviour, home.

Keywords: everyday life; everyday life of a person; private life; privacy; home; self-isolation.

Антропологический смысл власти в работах Н. Макиавелли

Аннотация. Одним из первых, кто вывел понятие власти в категорию автономной человеческой деятельности, является Никколо Макиавелли. Философские работы Макиавелли чаще рассматриваются как политическая доктрина о построении государства с наилучшей формой правления и наилучшими законами и воспринимаются как предмет политических наук. Власть в его работах рассматривается в первую очередь как политический инструмент. Полагается очевидным, что идеи Макиавелли гораздо шире и разнообразнее, чем принято считать, и могут быть предметом изучения не только политологии. В настоящей работе концепция власти у Макиавелли будет рассмотрена с позиции философской антропологии.

Ключевые слова: власть; Макиавелли; правитель; человек; эпоха Возрождения; мораль; антропология.

Н. Макиавелли является представителем философии эпохи Возрождения. Большое влияние на представление Макиавелли о власти оказала политическая обстановка в Италии. Философская деятельность Макиавелли относится к периоду политической раздробленности и упадка Италии, совсем недавно являвшейся одной из ведущих стран западной части Европы. Ослабленная Италия, лишенная стабильной и сильной власти, постоянно находилась под угрозой нападения со стороны более сильных и централизованных европейских государств. Единственным возможным способом обновления и возрождения страны было безоговорочное объединение разрозненных земель под властью одного сильного и могущественного правителя. В трактате «Государь» Макиавелли пишет: «...Италия, истомленная и полумертвая, все еще ждет того избранника, который укрепит ее раны, остановит грабежи и насилия страждущей Ломбардии, положит конец поборам и лихоимству, истощающим Тоскану и Неаполитанское королевство, и исцелит наконец застарелые ее язвы, сделавшиеся от времени фистулезными» [4].

Философские взгляды Н. Макиавелли формировались на основании смешения идей Античности и Средневековья. В эпоху Античности в центре внимания было человеческое тело, символизирующее гармоничное сочетание в нем природных начал и свободы в проявлении собственной индивидуальности. Античность отличается от других периодов особенным отношением человека к собственному телу. Человек Античности, следуя культу идеального тела, стремился улучшить его: «...сделать тело совершенным органом воли, причем это искусство может, с одной стороны, в свою очередь служить средством для достижения других целей, а с другой стороны, оно само может являться целью» [1]. В античной культуре процесс развития тела носил не только физический, но и интеллектуальный характер. Объектом мышления античного человека было все тело целиком. Тело воспринималось не как машина, удовлетворяющая нужды мыслящего мозга, а как объект, тождественный самому мышлению. В эпоху Средневековья Бог становится центральной фигурой, источником всего сущего. С ростом авторитета и роли христианской религии в жизни человека менялись и его представления о власти. Христианские догмы утверждали, что все люди, в том числе и правители, равны перед Богом и его властью. Любой человек, независимо от его социального статуса в земной жизни, в первую очередь подчиняется воле общего для всех господина —

* Иван Михайлович Теньковский, аспирант 1-го курса направления Философия, этика и религиоведение, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Бога. Центральным понятием в философии Средневековья становится лик человека; тело и его эстетическое восприятие больше не важно. Эпоха Возрождения, в которую жил Макиавелли, синтезировала идеи Античности и Средневековья. В эпоху Возрождения человек становится центральной и самостоятельной фигурой в философии, становится «центром мироздания». Бог, создавая человека, не наделил его каким-либо конкретным образом, к которому он был бы привязан. Человек получил возможность самостоятельно формировать себя и окружающую его действительность по своему усмотрению: «Я ставлю тебя в центре мира, чтобы оттуда тебе было удобнее обозревать все, что есть в мире. Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтешь. Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие божественные. О, высшая щедрость Бога-отца! О, высшее и восхитительное счастье человека, которому дано владеть тем, чем пожелает, и быть тем, чем хочет!» [8]. Человек в эпоху Возрождения представляется существом, созданным по образу и подобию Бога, но при этом существом несовершенным: «Человек – центр и смысл мира, центр сущего и существующего. Он равен вселенной <...> В христианстве эволюция идеи такова: от человека – к богочеловеку – к Богу; здесь же от Бога – к человекобогу – к человеку» [5]. Развитие коммерции и науки приводит к тому, что власть в эпоху Возрождения подвергается процессу десаκραлизации и воспринимается как право сильного. В этот период «светские элементы преобладают над элементами церковными. Государства всё более и более заменяют церковь как орган управления, контролирующей культуру...» [9]. Чтобы получить право на власть, человек должен иметь либо воспитать в себе определенные черты характера и предрасположенности. В ответ на эту потребность философы того времени разрабатывают различные стратегии по осуществлению власти, рекомендации по тому, как осуществлять власть, исходя из естественных эгоистических начал человека.

Н. Макиавелли, рассматривая феномен власти, первым отказывается от использования религиозной аргументации. Он утверждает, что власть не является неким сверхъестественным свойством, которым люди наделены по воле Бога. Власть в работах Макиавелли является исключительно человеческим качеством. Человек у Макиавелли сам себе господин и сам же является главной причиной всех событий, которые с ним происходят. Каждый человек, по мнению философа, обладает сильной потребностью самоутверждения, которую он, движимый эгоистическими побуждениями, склонен реализовывать посредством подчинения своей воле всей окружающей его действительности. А. Ф. Лосев пишет: «У Макиавелли не было никаких религиозных и моральных иллюзий. Как позднее Гоббс, он базировался только на повсеместном и зверином эгоизме людей и на полицейском укрощении этого эгоизма любыми государственными средствами с допущением жестокости, вероломства, клятвопреступления, кровожадности, убийства, любых обманов, любой бесцеремонности» [3]. В своих работах Макиавелли лишает феномен власти метафизического обоснования, которое присутствовало в эпоху Античности и выражалось в том, что любое властвование одного человека над другим осуществляется от имени богов.

Позиция Макиавелли заключается в том, что для него фундаментом власти являются произвол и насилие. Право человека на власть обосновывается тем фактом, что он сумел ее захватить и удержать. Такой человек обладает властью по праву, поскольку получил ее в силу таких преимуществ своего ума, склада характера, дальновидности поступков, которыми другие люди не обладают и которые совершить не способны. Таким образом, право правителя на власть заключается в

нем самом, в уникальности его личностных качеств и ограничивается лишь им самим. Правитель обладает властью, потому что способен ее взять, и теряет ее, потому что не способен ее удержать. По мнению философа, мудрый правитель должен не удаляться от добра, но при надобности и не бояться применять зло, также такой правитель должен сочетать в себе как «льва», так и «лисицу», где первое олицетворяет силу и жестокость правителя, а второе – его хитрость, способность обмануть любого. Подобный подход к власти правителя подразумевает, что должное управление государством невозможно без применения насилия. По мнению Н. Макиавелли, успешный властитель – легитимный властитель, но каким способом он добился успеха, значения не имеет.

Как было отмечено выше, при таких обстоятельствах главными критериями утверждения и удержания власти являются произвол и насилие. Иных критериев в доктрине Макиавелли нет, поскольку потенциально абсолютно каждый человек может быть властителем, более того, природа каждого человека подразумевает в нем присутствие такого желания, вопрос же становления зависит исключительно от природной предрасположенности человека, его работы над теми качествами, которые для этого необходимы, и воли случая (судьбы). Как видно, являясь представителем эпохи Возрождения, которой свойственна та идея, что человек сам способен определять и вершить свою судьбу, Макиавелли полностью не отрицает власть судьбы над человеком, но значительно ее ограничивает: «Я уподобил бы судьбу бурной реке, которая, разбушевавшись, затопляет берега, валит деревья, крушит жилища, вымывает и намывает землю: все бегут от нее прочь, все отступают перед ее напором, бессильные его сдержать. Но хотя бы и так, – разве это мешает людям принять меры предосторожности в спокойное время... То же и судьба: она являет свое всеисие там, где препятствием ей не служит доблесть, и устремляет свой напор туда, где судьба выказывает свое грозное могущество преимущественно там, где не приготовлено против нее никакого сопротивления, и направляет свои главнейшие удары в ту сторону, где нет никаких препятствий, способных ее остановить... Если государь всецело полагается на судьбу, он не может выстоять против ее ударов» [4]. Таким образом, фактор воли случая (судьбы) в борьбе людей за власть хоть и достоин упоминания, но при этом, по мнению философа, не является решающим. Макиавелли отмечает, что получить власть, избежав борьбы за нее, – невозможно. Даже наследственное право на власть не освобождает человека от постоянной борьбы за право обладания ею. Н. Макиавелли пишет: «...князь не должен иметь другой цели, другой мысли, никакого дела, которое стало бы его ремеслом, кроме войны, ее учреждений и правил, ибо это – единственное ремесло, подобающее повелителю» [Там же]. Реальность человеческого существования представляется Макиавелли как борьба прав всех людей за обладание властью. Правитель – это победитель, сумевший завоевать власть и отстоять свое право на нее.

Но необходимо отметить, что Н. Макиавелли, по факту отрицая мораль, принципы гуманизма, христианскую этику, не возвышает насилие и жестокость, но ставит четкий критерий, обуславливающий их применение, – подчиненность насильственных действий интересу Родины. Целью же применения насилия является поддержание общественного порядка, что подтверждается следующим выражением Макиавелли: «Жестокость призвана исправлять, а не разрушать». С точки зрения Макиавелли, «...неуместно, нереалистично осмысливать и решать политические проблемы, находясь в кругу моральных критериев и суждений, ибо власть, политика, технология политического господства (им, в первую очередь, посвящен «Государь») – изначально явления внеморального плана» [2].

Такое отношение к насилию как средству обеспечения порядка и пренебрежение моралью проистекают из положения о том, что люди, по своей природе, не

могут быть только или хорошими, или плохими, они являются одновременно и хорошими и плохими. Как следствие такой человеческой природы, правитель обязан опираться как на хорошее, так и на плохое. Макиавелли писал: «Просто неразумно и непрактично постоянно придерживаться морали. Каждому, кто намеревается быть всегда добродетельным, придется претерпеть много бед от недобродетельного большинства» [4]. Пренебрежение же этим правилом грозит правителю утратой власти. Б. Рассел, рассуждая о концепции власти у Макиавелли, пишет: «...весьма откровенно отвергается общепринятая мораль, когда речь заходит о поведении правителей. Правитель погибнет, если он всегда будет милостивым; он должен быть хитрым, как лиса, и свирепым, как лев» [9].

Такой прагматичный и «бесчеловечный» подход неустанно критикуется приверженцами идеалов гуманизма эпохи Возрождения. Однако есть и те, кто такой подход поддерживает и видит в нем более глубинный смысл, а не только издевательство над достоинством человека: «Фукидид и, быть может, *principe* Макиавелли ближе всего родственны мне самому безусловной волей ничем себя не морочить и видеть разумность в реальности – а не в “разуме”, еще того менее в “морали”... культура реалистов: это неоцененное движение среди всюду прорывающегося шарлатанства морали и идеала сократических школ» [7]. Истинный гуманист должен заботиться о благополучии каждого человека, а не отдельного индивида или группы избранных им людей. Такая забота предполагает необходимость в определенных ситуациях отступать от принципов морали и нравственности по отношению к отдельно взятому человеку во имя наивысшей благородной цели, которая в будущем принесла бы пользу множеству людей: «Наносим ли мы, имморалисты, вред добродетели? – Так же мало, как анархисты царям. Только с тех пор, как их начали подстреливать, они вновь прочно сидят на своем троне. Мораль: нужно подстреливать мораль» [Там же]. Так и Н. Макиавелли не рассматривает сильное государство и власть самих по себе как наивысшую цель и ценность. Мыслитель не был приверженцем идеологии этатизма. Философ, на первый взгляд отрицая все идеалы и принципы гуманизма, на самом деле является их прямым последователем. В условиях тяжелой политической обстановки в Италии Макиавелли не располагал обширным инструментом средств для достижения единства и благополучия своего народа, а также возможностью оценивать их с точки зрения морали и этики. Бездействие и покорность привели бы к большим жертвам, чем произвол одного человека в целях обретения государством свободы и самостоятельности. А. Ф. Лосев пишет: «Действительно идеалом для него, которому он был готов служить с начала до конца, является не абстрактное государство, но конкретный народ и любимая им родина. Тем не менее, уже элементарная историческая справедливость заставляет нас признать, что для устройства своего народа и горячо любимой им родины Макиавелли был готов на любые ужасы абсолютистско-полицейского государства и на любые кошмары в обращении с отдельными личностями и группировками. Если угодно выставить на первый план цели, преследуемые Макиавелли, то это действительно какой-то гуманизм, и Ренессанс присутствует здесь в полной мере» [3]. Личность, государство, власть и общество Макиавелли рассматривает как обезличенные средства, необходимые для достижения благополучия родины. Человек для Макиавелли – представитель нации, часть национальной общности. Следовательно, интересы родины всегда превалируют над интересами отдельного взятого человека. Государь – это главный ретранслятор и утвердитель интересов родины. Для Макиавелли не имеет значения, какие у человека присутствуют моральные принципы, какую религию он исповедует, к какому культурному течению он себя относит, если это не мешает ему выполнять ту функцию, которая отводится ему правителем. В противном случае его воля будет жестоко подавлена. Добродетель,

по мнению Макиавелли, нужно и необходимо утверждать насильно либо путем хитрости и обмана. Ф. Ницше, анализируя идеи Макиавелли, пишет: «Опираясь исключительно на добродетель, нельзя утвердить господство добродетели; когда опираются на добродетель, то отказываются от власти, утрачивают волю к власти... Какими средствами добродетель достигает власти? – Точь-в-точь теми же средствами, что и политическая партия: клеветой, подозрением, подкапыванием под противоборствующие добродетели, уже добившиеся власти, скрещиванием их новыми именами, систематическим преследованием и насмешкой. В том числе – и при помощи явных “безнравственностей”» [6].

Такое противоречие, безусловно, гуманистических целей построения справедливого и идеального общества для всех людей и средств достижения этих целей, отрицающих мораль, ценность отдельно взятого индивидуума, выражает трагизм и противоречивость идей Н. Макиавелли. Роль личности в философии Макиавелли не отрицается, занимает существенное место, что свойственно идеям эпохи Возрождения. Однако рассматривается она только как одна из многочисленных слагаемых сложного уравнения общечеловеческого счастья и благополучия. Вследствие чего ценность и значимость отдельно взятого человека в такой системе несколько девальвируется. Человек, с его желаниями, переживаниями и страхами, не рассматривается в отрыве от общества, более того, его сопротивление отведенной ему роли жестоко подавляется. В своей попытке построить идеальное общество Макиавелли отрекается от благополучия одного человека (индивидуума) в пользу всех людей (общества), что позволяет найти в его философии как гуманистический дух эпохи Возрождения, так и нечеловеческую жестокость и прямолинейность в утверждении своей воли и своих идеалов.

Насильственные методы осуществления власти, утверждаемые Макиавелли, можно порицать, называть безнравственными, на первый взгляд это действительно так, но они будут приемлемыми, возможными, если есть соответствующие обстоятельства – угроза благополучию и процветанию всех людей. Философ полагает, что правитель всегда должен действовать сообразно обстоятельствам времени, в котором он живет, и исключительно в интересах родины. Это правило относится у Макиавелли в первую очередь к этике взаимоотношений людей между собой. Власть для Макиавелли – это средство обеспечения общего благополучия и процветания, которое для философа выше ценности отдельного индивидуума. В этом проявляется специфический антропологический подход к феномену власти у Макиавелли, который основывается на понимании того, что человек является несовершенным существом, сочетающим в себе как положительные, так и отрицательные качества, что необходимо учитывать при организации жизни в государстве.

Литература

1. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории / перевод А. М. Водена ; вступ. ст. Ю. В. Перова, К. А. Сергеева. – СПб. : Наука, 1993, 2000. – 480 с.
2. История политических и правовых учений / под общ. ред. академика РАН, д. ю. н., проф. В. С. Нерсисянца. – М. : Норма (Изд. группа Норма – ИНФРА-М), 2000. – 352 с.
3. Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. – М. : Мысль, 1978. – 623 с.
4. Макиавелли Н. Государь / пер. с итал. Г. Д. Муравьевой, пер. с итал., вст. ст., прим. Р. И. Хлодовского, прим. М. Л. Андреева. – М. : РИПОЛ классик, 2016. – 464 с. – (PRO власть).
5. Мясникова Л. А. Тайна и смысл индивидуального бытия. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1993. – 218 с.
6. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки ценностей / пер. с нем. Е. Герык и др. – М. : Культурная революция, 2005. – 880 с.

7. Ницше Ф. Сумерки идолов, или Как философствуют молотом // Ницше Ф. Собрание сочинений : в 2 т. – Т. 2 / пер. с нем. Ю. М. Антоновского, Н. Полилова, К. А. Свасьяна, В. А. Флёровой. – М. : Мысль, 1990. – 829 с.
8. Пико делла Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека // Эстетика Ренессанса : в 2 т. / сост. и науч. ред.: В. П. Шестаков. – М. : Искусство, 1981. – Т. 1. – С. 248–265.
9. Рассел Б. История западной философии : в 2 т. – Т. 2, кн. 3. – М. : АСТ, 2017. – 512 с.
10. Хлодовский Р. И. Трагический гуманизм Н. Макиавелли. Политика, поэзия, человек // Андреев М. Л., Хлодовский Р. И. Итальянская литература зрелого и позднего Возрождения. – М. : Наука, 1988.

Ivan Michailovich Ten'kovsky,

first-year Postgraduate Student in Philosophy, Ethics and Religious Studies,
Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg).

An Anthropological Meaning of Power in N. Machiavelli's Works

Abstract. One of the first authors who placed the concept of power in the category of autonomous human activity was N. Machiavelli. Many experts consider his philosophical works as a political doctrine of building a State with the best form of government. They also perceive them as the subject matter of Political sciences. N. Machiavelli himself interpreted power as a political instrument. The author thinks that Machiavelli's ideas are broader and more diverse than it is generally believed. They can be open to other studies as well. This paper examines the concept of power forwarded by N. Machiavelli from the perspective of philosophical anthropology.

Keywords: power; N. Machiavelli; ruler; man; the Renaissance; morality; anthropology.

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ

О XXIII Международной научно-практической конференции «Кризисы нашего времени как вызов обществу, культуре, человеку»

В год 30-летия Гуманитарного университета апрельская конференция (15–16 апреля 2021 г.) стала ярким интеллектуальным событием: ученые с мировым именем, признанные практики и специалисты, преподаватели и студенты российских университетов обсуждали социокультурные истоки и специфику кризисов современности, определяли продуктивные способы и пути их разрешения. В конференции приняли участие более 182 преподавателей и студентов из ведущих университетов Екатеринбурга, Москвы, Санкт-Петербурга, Омска, Казани, Ижевска, Челябинска, Сочи, Тамбова, Якутска, а также зарубежные участники из Великобритании, Италии, Польши, Северной Македонии, Германии, Украины и Казахстана. Партнером и соорганизатором конференции уже в третий раз выступил Ельцин Центр.

Выбор темы XXIII Международной научно-практической конференции определил сложный и кризисный 2020 год, который стал периодом серьезных испытаний во многих сферах человеческой жизни. Охватившая весь мир пандемия породила состояние неопределенности и тревоги в обществе, спровоцировала ценностный кризис и еще в большей степени подчеркнула множественность кризисов современности. Перманентный характер глобальных и локальных кризисов последнего десятилетия актуализировал потребность в научном осмыслении самого феномена «кризисности» современных социокультурных систем и поиске возможных ответов культуры на эти вызовы. В центре внимания конференции были философско-культурологические, правовые, экономические, этические и психологические аспекты современных кризисов и их влияние на общество, культуру и человека, прогресс человечества.

Конференцию открыл ректор Гуманитарного университета Л. А. Закс, который в своем приветственном слове участникам конференции сказал, что в сегодняшнем представлении о кризисе заключены самые разные интеллектуальные и практические потенции. По мысли Л. А. Закса, кризис стал некой точкой концентрации противоречий, когда возникает ощущение тупика и мы сталкиваемся с самыми разными вариантами содержания трудностей и разными реакциями на эти трудности от дистопического до оптимистического развития событий. Поэтому участникам конференции было предложено обсудить эти разные ценностные позиции и реакции.

В течение двух дней работы конференции были проведены **две панельные дискуссии**, на которых выступили известные ученые, политологи, медиааналитики: Александр Григорьевич Асмолов, д-р психол. наук, профессор, академик РАО, директор Школы антропологии будущего ИОН РАНХиГС (г. Москва); Александр Вилейкис, канд. филос. наук, основатель Центра новой философии (г. Москва), Институт социально-гуманитарных наук ТюмГУ (г. Тюмень); Константин Викторович Киселев, канд. филос. наук, Председатель Уральской гильдии политических консультантов, депутат Екатеринбургской городской Думы (г. Екатеринбург); Кирилл Рафаилович Кобрин, канд. ист. наук, литератор, редактор журнала

* Алла Владимировна Дроздова, д-р культурологии, доцент, проректор по научной работе АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

«Неприкосновенный Запас» (г. Рига); Александр Анатольевич Амзин, независимый медиаконсультант, автор книги «Интернет-журналистика», ведущий телеграм-канала @themedиа (г. Москва); Максим Александрович Путинцев, главный редактор радиостанции «Эхо Москвы в Екатеринбурге» (г. Екатеринбург).

Первая панельная дискуссия **«Будущее цифровых медиа»** была посвящена креативному и одновременно проблемному пространству цифровой реальности, воплощающему и достижения, и противоречия современного цифрового общества, продолжающейся цифровой революции. В фокусе внимания панельной дискуссии были такие вопросы: социальные сети как монополии внимания, медийное будущее в условиях конкуренции сетей, децентрализованный Web, медиакультура Generation Z.

В выступлении **«Социальные экосистемы как монополии экономики внимания» А. А. Амзин** рассмотрел предпосылки трансформации цифровых рынков в экономические системы, основанные на внимании потребителей. Спикер отметил, что в таких системах роль медиа как общественных институтов сокращается из-за их технологического, аудиторного и дистрибутивного отставания, а роль платформ и государственного регулирования, напротив, растет. Поэтому автор, прогнозируя развитие социальных экосистем, выдвинул предположение о стремлении платформ к олигополии на страновых рынках, а также о неизбежности попыток стать регуляторами общественных отношений, продавая внимание потребителя крупным покупателям. Участники панельной дискуссии обсудили тезис А. А. Амзина о том, что цифровое внимание становится ключевым ресурсом современных экономических отношений, а свободное время всё чаще конвертируется в цифровое внимание. Живую дискуссию аудитории вызвало рассуждение о будущем СМИ: какими они станут, какие из них останутся, если львиная доля внимания окажется под контролем платформ?

Продолжил дискуссию **Максим Александрович Путинцев**, главный редактор радиостанции «Эхо Москвы в Екатеринбурге», отметивший, что он как раз и является представителем традиционных медиа, которые стали «уходящей натурой». Но спикер подчеркнул, что традиционные медиа живут внутри цифрового настоящего, играют по новым правилам и трансформируются в цифровое будущее. И в этом смысле современное радио – это и сайт с потоковым вещанием, и новости, и развитие социальных сетей и платформ. Развивая идею А. А. Амзина об экономике внимания, М. А. Путинцев проанализировал возможности, проблемы и риски традиционных медиа, подчеркнув, что сегодня существует поколенческий разрыв аудитории медиа, поскольку иными стали поведенческие стандарты потребления информации, потребовавшие от традиционных медиа создания новых продуктов и новых форматов вещания.

Вторая панельная дискуссия **«Социокультурные и антропологические ос нования кризисов современности. Возможные сценарии их разрешения»** (модератор Л. А. Закс) включала в себя следующие вопросы: основные кризисы современного мира, их виды, истоки и содержания; аксиология кризисов наших дней: ценностные основания, ценностно-смысловое содержание и аксиологические предпосылки преодоления; основные возможные типологические сценарии эволюции человечества и России.

Первым слово взял **К. В. Киселев**. Он отметил, что в нашем быстро изменяющемся мире разговор о кризисе – это разговор о развитии, стратегии и тактике того, что будет. Кризис, по его словам, это не категория, это слово для определения ситуации, в которой сегодня есть четкий водораздел между традиционализмом и современностью.

Александр Вилейкис в своем выступлении обратил внимание на двойственность значения слова «кризис». По-гречески кризис означает то, что может быть

точкой перемены, точкой бифуркации, тогда как немецкое понятие (krise) открывает еще один смысл – повторение одной и той же ситуации. Автор отметил, что между этими значениями есть принципиальная разница, и важно то, какое значение кризиса мы выбираем. Автор полагает, что повторение одной и той же ситуации – это и есть то негативное в кризисе, что можно назвать «ловушкой колеи». Как только в западном или российском обществе начинает накапливаться множество институциональных ловушек, система начинает работать вхолостую. Поэтому современной России важно задуматься: как перейти от кризиса как вечного повторения одного и того же к кризису, который что-то изменит. И это, по мнению А. Вилейкиса, открытый вопрос, который требует обсуждения и дальнейшей дискуссии.

Кирилл Рафаилович Кобрин, рассуждая о современных кризисах, остановился на двух важных событиях прошлого, которые, по его словам, во многом недооценены. Но они по сути являются временем рождения современного мира, его многочисленных проблем и, главное, – до сих пор определяют наше сознание. Таким событием К. Кобрин назвал европейские революции 1848–1849 годов, в результате которых впервые в истории западного мира произошел ряд национальных революций, определивших тип националистического сознания, существующего по сегодняшний день. Второй важной вехой, о которой говорил К. Кобрин, стала Первая мировая война, в которую были вовлечены 38 независимых государств; именно ее абсурдный характер подчеркнул антирационализм современного порядка, который мы наблюдаем и в сегодняшнем дне.

К. Кобрин отметил, что если говорить о современном кризисе, то его можно определить как «кризис несостоявшихся будущих» (М. Фишер), которые остались в нашей культурной памяти призраками, смущающими наше безрадостное, безбудущее, позднекапиталистическое настоящее. Далее автор отметил, что сегодня коронокризис отвлек человечество от двух глобальных кризисов, угрожающих нашему существованию. Первый – это изменение климата и второй – начавшаяся автоматизация и роботизация, которая в дальнейшем сократит половину существующих рабочих мест, в чем автор видит источник будущих социальных потрясений.

Ярким и эмоциональным было выступление известного российского психолога **Александра Григорьевича Асмолова**. Он подчеркнул, что на панельной дискуссии были высказаны разные точки зрения, прежде всего указывающие на полимодальное понимание кризиса, который бывает как деструктивным, так и продуктивным, задающим новые состояния реальности. Очевидно, что сегодня мы находимся в ситуации экзистенциального кризиса, который переживается каждым из нас индивидуально. Ученый подчеркнул, что еще одна ключевая примета, еще один маркер нашего времени – резкий дефицит смысла. Это подтвердили исследования в разных странах, в которых выяснился удивительный факт: если раньше главным страхом был страх смерти, то в 2020 году на первое место вышел особый страх – страх потери смысла жизни. Именно дефицит смысла является ключевой характеристикой массовой и индивидуальной психологии в разных странах, в том числе и причиной кризисов современности.

В этот же день работа конференции была продолжена на **трех секциях: экономической – «Коронавирус, состояние российской экономики и требования к ее реформированию»** (руководитель Сергей Александрович Мицек, д-р экон. наук, доцент, декан факультета бизнеса и управления ГУ), **юридической – «Кризис прав человека как вызов обществу, культуре, человеку»** (руководители секции Алексей Павлович Семитко, д-р юрид. наук, профессор, декан юридического факультета ГУ, Светлана Игоревна Глушкова, д-р полит. наук, доцент, зав. кафедрой прав человека юридического факультета ГУ) и **социально-**

психологической – «Социально-психологические аспекты переживания кризисов современности: трансформация психологической безопасности личности и общества» (руководитель секции Ольга Юрьевна Зотова, чл.-корр. РАО, д-р психол. наук, доцент, декан факультета социальной психологии ГУ). В работе секций приняли участие более 50 преподавателей из Москвы и Екатеринбурга.

Завершил конференцию **круглый стол «Качество высшего образования в цифровую эпоху: онлайн VS классическое образование»** (модератор: З. А. Незнамова, д-р юрид. наук, профессор, проректор по учебной работе ГУ). Пандемия, с которой в 2020 году столкнулся весь мир, показала, что переход на «цифру» стал главным вызовом для образовательной системы и в то же время условием современного и качественного образования. Именно поэтому основными вопросами для обсуждения стали: социально-психологические проблемы онлайн-образования, цифровые образовательные инструменты и методики работы с ними, будущее онлайн-образования в эпоху life-long learning.

В дискуссии приняли участие преподаватели и студенты из вузов Санкт-Петербурга и Екатеринбурга, на круглом столе обсудили процесс трансформации в современном образовании, отметив, что экстренный переход к новым формам обучения во многом стал травмирующим. Об этом в своем докладе «Гуманитарное сопротивление в условиях цифровизации образования» говорила доктор культурологии, профессор **И. Я. Мурзина**. Фундированность, обоснованность собственной позиции и в то же время провокативность доклада стали предметом дискуссии. Участники отметили, что опыт дистанта стал не только травмирующим, но и вдохновляющим. В новых практиках, которые стремительно осваивали и преподаватели, и студенты, можно проследить черты становления новой цифровой педагогики. Ярким тому примером стал доклад замдекана факультета современного танца **Н. В. Курюмовой и А. С. Поляковой** о новом опыте творческих заданий, проведении онлайн-мастерских в цифровой среде.

В заключение хочется сказать, что изданный сборник научных трудов конференции включил в себя разные ценностные позиции исследователей, их ответы на «кризисность» социокультурной реальности XXI века, стал стимулом для дальнейшего осмысления кризисов нашего времени.

Alla Vladimirovna Drozdova,

D. Sci. (Culturology), Assoc. Prof., Vice-Rector on Research and Development,
Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg).

On XXIII International Scientific and Practical Conference

“Crises of Our Time as a Challenge for Society, Culture, Man”

Дискуссии о кризисе прав человека как вызове обществу, культуре, человеку (обзор материалов международной конференции)

Аннотация. В обзорной статье рассматриваются материалы докладов и выступлений участников правовой секции международной конференции Гуманитарного университета. В том числе анализируются следующие проблемы: кризис идей демократии и прав человека; права человека в кризис пандемии; границы ограничений прав и свобод человека с точки зрения принципа справедливости; кризис права, правовой культуры и прав человека.

Ключевые слова: права человека; правовая культура; кризис прав человека; поколения прав человека; цифровые права; ограничения прав человека.

15–16 апреля 2021 г. на площадках Президентского центра Б. Н. Ельцина и Гуманитарного университета, в очном и дистанционном форматах, состоялась XXIII Международная научно-практическая конференция «Кризисы нашего времени как вызов обществу, культуре, человеку».

За 22 года ежегодная конференция стала традиционной и всегда ожидаемой не только преподавателями и обучающимися по программам бакалавриата, магистратуры, аспирантуры Гуманитарного университета, но и академическим сообществом других уральских и российских вузов.

В программу апрельской конференции 2021 года, наряду с круглым столом, панельными дискуссиями, была включена, в том числе, и **правовая секция**, в ходе работы которой состоялись дискуссии на тему «**Кризис прав человека как вызов обществу, культуре, человеку**».

Участниками секции выступили преподаватели, магистранты, аспиранты юридического факультета Гуманитарного университета, преподаватели Уральского государственного юридического университета и Российского государственного профессионально-педагогического университета (г. Екатеринбург), Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (г. Санкт-Петербург), научные сотрудники и аспиранты Института философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург) и НИУ «Высшая школа экономики» (г. Москва), приглашенные профессора Университета Париж-Запад (Франция).

В ходе дискуссии участники проанализировали и представили в своих выступлениях не только вопросы, связанные с кризисом прав человека, но и ряд других, а именно: 1) кризис идей демократии и прав человека (профессор С. И. Архипов), 2) сравнение исторического аспекта и современного контекста понимания права и прав человека (доцент Т. М. Баженова, профессор С. В. Кодан), 3) роль образовательных ресурсов медиасферы в развитии культуры прав человека в современной России (профессор С. И. Глушкова), 4) особенности юридической конструкции общего блага (А. В. Дмитриев), 5) формирование нового поколения прав человека – цифровых прав (Е. Д. Летунов), 6) права человека в условиях пандемии (старший научный сотрудник Н. В. Панкевич), 7) ограничения прав человека в период пандемии в Испании (старший научный сотрудник В. В. Руденко), 8) кризис права, правовой культуры (профессор А. П. Семитко), 9) особенности совре-

* Светлана Игоревна Глушкова, д-р полит. наук, завкафедрой прав человека АНО ВО «Гуманитарный университет», председатель Свердловского регионального отделения РАПН (г. Екатеринбург).

менного состояния французской компаративистики (доцент В. А. Токарев), 10) право на риск как базовое право человека (уроки пандемии) (В. М. Танаев), 11) справедливость и архетип эквивалентности в русских народных сказках (Ю. Е. Попова), 12) реализация пожилыми лицами права на труд в период пандемии (доцент Ю. И. Клепалова, доцент Н. В. Пугачева), 13) народовластие как конституционная ценность (доцент М. В. Снегирёва), 14) соблюдение принципа правовой определенности при изменении Кодекса профессиональной этики адвоката (А. А. Простолупова), и другие.

С полными текстами докладов выступавших на правовой секции конференции можно будет подробно ознакомиться, прочитав сборник, изданный в электронном виде после конференции; а в данной статье представлены ключевые идеи, которые прозвучали при обсуждении вопросов, связанных с кризисом прав человека в современном мире, и стали предметом дискуссий участников.

Д-р юрид. наук, профессор УрГЮУ, Гуманитарного университета, приглашенный профессор Университета Париж-Запад (Франция) **С. И. Архипов**, выступая с докладом на тему **«Современный феодализм: кризис идей демократии и прав человека»**, рассмотрел современные тенденции развития институтов демократии и прав человека, проанализировал причины системного кризиса ключевых для западной цивилизации правовых идей и основанных на них институтов. По его мнению, за фасадом демократического устройства европейских и североамериканских стран скрывается иерархический средневековый миропорядок («новый феодализм»), в котором роль главного политического центра, определяющего внутреннюю организацию, глобальные цели и принципы функционирования, играет объединенная старо-новая аристократия. Анализируя западную систему мироустройства, основанную на вере большинства в правовые идеалы, демократические ценности, естественные и неотчуждаемые права человека, С. И. Архипов отмечает: в настоящее время эта вера в значительной мере утрачена, а вместе с ней разрушается и европейская цивилизация.

В XXI веке, по мнению С. И. Архипова, политический феодализм отнюдь не исчез, и правящее меньшинство не утратило своего влияния, но то, что раньше так тщательно скрывалось от общественности, теперь проявилось наяву. В частности, избирательная кампания 2020 г. в США, как отмечает С. И. Архипов, стала свидетельством того, что для защиты собственных корпоративных интересов американская элита вполне готова нарушать права как рядовых граждан, так и действующего президента страны (Д. Трампа). С. И. Архипов считает беспрецедентной в истории американской и европейской демократий ситуацию, когда без суда были заблокированы аккаунты первого лица государства и миллионов его сторонников. И это совершенно несовместимо с принципами демократии и прав человека, налицо факт самого грубого нарушения фундаментального права на получение и распространение информации, свободы слова, и фактически подрыв основ демократического правового устройства. Можно охарактеризовать данный процесс, по мнению С. И. Архипова, не только как кризис прав человека, но и как глубокий кризис западной демократии, системы европейско-американских ценностей.

Анализируя многовековую историю развития права, прав человека, идей демократии, профессор С. И. Архипов считает, что можно выделить три системных кризиса веры в правовые идеалы.

Первый такой кризис новой веры в земной «правовой рай» проявился после «буржуазных революций» (нидерландской, английской, американской, Великой французской революции): трагедией послереволюционного периода для идеологов и инициаторов революций стало то, что победа идей демократии, свободы, прав человека не привела к разрушению пирамиды власти. И, как справедливо отмечает С. И. Архипов, если раньше западный мир завоевывал человечество под

знаменами церкви, то теперь таким знаменем стали права человека. Второй системный кризис веры в правовое будущее проявился в XX веке (периоды Первой и Второй мировых войн). Несмотря на то что в XX веке, после глобальных катаклизмов, западный мир, казалось бы, возвращался к идее прав человека, к правовым идеалам (на фундаменте которых был создан Европейский союз), вера в правовые идеалы неизбежно трансформировалась во внешнюю, официальную государственную идеологию. Третий системный кризис правовых ценностей, идеалов европейской цивилизации проявился в XXI веке как кризис противостояния западной и восточной цивилизаций.

Анализируя историю России, С. И. Архипов справедливо отмечает, что идеи демократии и прав человека не укоренились в общественном сознании, не стали новой религией масс крестьян. В истории России главными цивилизационными вызовами, определившими сознание народа и государственное устройство, всегда были факторы внешнего давления. И в таких тяжелых, почти невыносимых для выживания условиях спасительным панцирем от внешних угроз стала модель жесткого централизованного государства, которая неоднократно в разные эпохи и в частично отличающейся форме была реализована в России.

Прогнозируя развитие настоящего и будущего России, С. И. Архипов считает, что в цивилизационном противостоянии Западу у современной России пока нет собственного духовного щита, социально-правового идеала, и предстоит немало времени для его создания. И с этим мнением вполне можно согласиться.

Т. М. Баженова, канд. ист. наук, доцент, завкафедрой истории государства и права Гуманитарного университета, и **С. В. Кодан**, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права УрГЮУ, заслуженный юрист РФ, рассмотрели в своем выступлении на тему **«Понимание права и прав человека: исторический аспект и современный контекст»** проблему понимания места, роли и значения прав человека в современном обществе. По их мнению, решение этой проблемы в том или ином обществе и государстве является своеобразным индикатором, на котором проверяется отношение всей государственно-правовой системы к человеку и гарантирует на их основе определение посредством позитивного права (законодательства) его правового статуса как гражданина конкретного государства. Анализируя философско-правовые идеи, идеи прав и свобод человека в теориях известных российских правоведов С. С. Алексеева и В. С. Нерсисянца, они отмечают, что 1) С. С. Алексеев, один из авторов проекта Конституции РФ 1993 г., акцентировал внимание в своих научных трудах на морально-духовной основе прав и свобод – достоинстве человека, которое необходимо признать и обеспечить в обществе, 2) В. С. Нерсисянец подчеркивал особое значение прирожденных и неотчуждаемых (естественных) прав и свобод как исходной основы действующего (позитивного) права и правового государства, их общеобязательную силу.

С. И. Глушкова, д-р полит. наук, завкафедрой прав человека Гуманитарного университета, в докладе на тему **«О роли образовательных ресурсов медиасферы в развитии культуры прав человека в современной России»** отметила, что в современном обществе в условиях кризиса прав человека и правовой культуры большое значение имеют уровень обеспеченности и качество содержания образовательных ресурсов медиасферы; среди наиболее востребованных направлений развития медиасферы можно выделить городские, тематические, профессиональные медийные платформы, платформы местных сообществ и региональных групп/отделений национальных или международных организаций. По мнению С. И. Глушковой, в последние два года в качестве тенденций развития современной медиасферы можно отметить следующие: 1) острую борьбу за внимание чи-

тателей, слушателей в виртуальном пространстве, борьбу за влияние на эту аудиторию; 2) быстрое развитие «виртуальных» правозащитных сообществ; 3) особый интерес, особенно у среднего и старшего поколения, к медиатекстам, видеороликам, видеофильмам, направленным на сохранение исторической памяти, в том числе трагической и горькой для многонационального российского народа памяти об эпохе сталинских репрессий, ГУЛАГе, Голодоморе, а также памяти о семейных историях и историях семейных династий.

С. И. Глушкова считает, что преодоление кризиса прав человека (как универсальной и в то же время индивидуальной ценности, осязаемой и ощутимой для каждого человека), правового нигилизма, развитие культуры прав человека, правовой культуры во многом возможно благодаря повышению образовательного потенциала медиасферы, созданию целой системы новых образовательных ресурсов по обучению знаниям, умениям, навыкам соблюдения, обеспечения, защиты прав человека. И такие образовательные ресурсы должны быть разработаны с учетом их адресного назначения: обучающий правовой и правозащитный контент с игровыми элементами, интерактивными занятиями и мероприятиями (квесты, фестивали, деловые и ролевые игры, модельные процессы и виртуальные дискуссии) для детей и молодежи; правовой контент для повышения квалификации государственных служащих; обучающий правовой и правозащитный контент для широкой аудитории.

С. А. Денисов, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры прав человека юридического факультета Гуманитарного университета, рассмотрел в своем выступлении актуальные проблемы на тему **«Кризис государств, пренебрегающих правами человека»**. Так, он отметил, что с конца XVIII в. по настоящее время можно наблюдать явное устремление наиболее развитых групп мирового сообщества к закреплению в позитивном праве прав человека и гражданина. Сегодня трудно представить себе правовую систему, хотя бы частично не закрепляющую этих прав. Однако разного рода элиты, возглавляющие государства, не перестают оказывать сопротивление осуществлению прав человека и гражданина в реальной жизни. Итогом конфликта между сторонниками прав человека и авторитарными государствами в мировой истории, вплоть до сегодняшнего дня, является перманентный кризис этих государств, который будет продолжаться до их полного устранения из жизни человечества. Этот кризис то обостряется и приобретает форму вооруженной борьбы с диктатурами, то смягчается, становится вялотекущим.

С. И. Ислентьев, аспирант Гуманитарного университета, представил сообщение на тему **«О кризисе прав человека в России: актуализируя политико-правовые идеи П. И. Новгородцева»**. Можно согласиться с выводом Ислентьева о том, что важность и актуальность идей Новгородцева – основателя российской школы «возрожденного естественного права», создателя концепции естественного права с изменяющимся содержанием, одного из разработчиков российской теории «нового либерализма» – о кризисных явлениях в современном ему правосознании сложно переоценить. Многие исследователи обращаются к ним и проводят аналогии с сегодняшними реалиями. Новгородцев в своих научных трудах об общественном идеале, о кризисе современного правосознания отмечал необходимость понимания всех сторон и проявлений свободы, равенства, как позитивных, так и негативных; как свободы от вмешательства государства в личную жизнь граждан, так и ожидания этими гражданами от государства законодательной поддержки и гарантий свободы. С. Ислентьев прав, когда утверждает, что в условиях современного (и более раннего) кризиса прав человека следует переосмыслить основания права и содержание прав человека. Можно согласиться со следующими его утверждениями: 1) кризис прав человека в России и многих странах в современ-

ный период порожден растущим неравенством в социальной и других сферах жизни общества и государства, а также сохранением правового нигилизма в национальном менталитете, системными проявлениями нарушений прав и свобод человека и гражданина; 2) одним из путей преодоления такого кризиса должно стать, как предлагал в свое время П. И. Новгородцев, наполнение концепции равенства социальным содержанием; 3) актуализируя эту и многие другие важные, в том числе и на сегодняшний день, идеи Павла Ивановича, надо отметить необходимость совершенствования российского законодательства и правоприменительной практики, институтов прав человека, правозащитных механизмов, уровня и качества соблюдения, обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина, учитывая такие ключевые принципы государственной правовой политики, как справедливость, равенство возможностей и путей их реализации, движение по пути правового прогресса, ценность каждой человеческой жизни и уважение достоинства личности.

Е. Д. Летунов, аспирант Гуманитарного университета, в сообщении на тему **«К вопросу о сущности цифровых прав: новый комплекс прав или актуализация существующих?»** рассмотрел один из дискуссионных вопросов, который активно обсуждается уже несколько лет правоведами и политологами – можно ли признать цифровые права новым поколением прав человека, – и сам вполне готов принять такую точку зрения. Е. Летунов прав, когда утверждает, что анализ содержания цифровых прав показывает следующее: на сегодняшний день к цифровым правам человека относят достаточно большое количество прав, однако не все из них являются цифровыми по своей сути. Так, многие считают, что данные права являются не чем иным, как результатом актуализации уже существующих прав человека, которые обновили свое содержание под влиянием процесса цифровизации. Другая сторона вопроса поддерживается мнениями ученого сообщества об уникальности содержания ряда прав, которые относят к категории цифровых. Рассматривая разные концепции правоведов (В. Д. Зорькин, Н. В. Кравчук, Э. В. Талапина, др.), касающиеся квазидигитальных и цифровых прав, он поддерживает позиции Э. В. Талапиной, понимая под цифровыми следующие права: на доступ к сети Интернет, на защиту от нежелательной информации, на анонимность, на виртуальную личность.

Н. В. Панкевич, канд. полит. наук, доцент, ст. научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, представила доклад на тему **«Права человека в кризис пандемии: актуализация коллективности»**. По ее мнению, дискуссия о содержании прав человека, институтах, их фиксирующих, и приемлемых режимах их реализации в кризисных 2020–2021 гг. во многом определена реставрацией нормативных ожиданий, получивших признание в условиях, когда суверенные государства являлись восходящей формой организации мирового политического пространства. Можно согласиться с оценкой современной ситуации, которую дает Н. В. Панкевич: в период пандемии вновь обострились своеобразные линии напряженности между ключевыми подходами к пониманию практического содержания прав человека и практиками, которые они кодируют в области политического и правового регулирования; и содержание данного конфликта разворачивается в очередном цикле поиска баланса между политической и правовой субъектностями индивида, социального меньшинства, обладающего выраженной спецификой на фоне «большого общества» и собственно социального целого в его несводимых друг к другу трактовках.

По мнению Н. В. Панкевич, в современном мире с новой силой актуализируется проблема неинтегрированных меньшинств. В условиях пандемии именно такие группы в большей мере несут бремя риска и потому рассматриваются одно-

временно и как жертвы, требующие помощи, и как потенциальная угроза более благополучным группам общества. В целом можно согласиться с выводом Н. В. Панкевич о том, что установившееся в результате пересмотра в критической ситуации правовое положение личности может длительно удерживаться системой в качестве новой нормы взаимодействия между властью, обществом и индивидом, способствуя укреплению авторитарных тенденций общественного развития как исполнения властью запроса на безопасность со стороны органически сформированного общества.

Е. С. Резник, канд. юрид. наук, доцент Гуманитарного университета, в своем выступлении на тему **«Категория “Права человека”: кризис, ведущий к разрушению, или очередной этап развития?»** поставила вопрос о том, является ли современное понимание прав человека очередным этапом эволюции этой правовой категории или, напротив, ее кризисом, который приведет к разрушению прав человека как ценности для общества и человека. Рассматривая новые дискуссионные поколения прав человека, новые классификации прав человека, Е. С. Резник ставит под сомнение необходимость дробления отдельных прав, разделяя их на составляющие (все новые и новые права) и называя самостоятельными правами, или расширяя границы их содержания, учитывая тенденцию к размыванию границ, сущности и содержания понятий. Наряду с этим она отмечает следующие тенденции: 1) категория «права человека» все чаще становится не средством защиты, а оружием при нападении; под лозунгами защиты прав человека проводятся в жизнь решения, приводящие к ущемлению прав тех, кто не относится к категории лиц, которых в данный момент стараются защитить; 2) всё чаще права человека становятся поводом для столкновения, а не базой для разрешения противоречий; и в такой ситуации нужно рассматривать все позиции с учетом принципа справедливости.

А. Н. Рундквист, ст. преподаватель юридического факультета Гуманитарного университета, в сообщении на тему **«Требования к ограничениям прав и свобод человека с точки зрения принципа справедливости»** отметил, что в настоящее время концепция прав человека переживает достаточно сложный кризис, обусловленный множеством социальных, политических, экономических, культурных и даже эпидемиологических факторов. Так, пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 выявила ряд вопросов, которые еще предстоит в полной мере проанализировать и осознать всему человечеству в ближайшем будущем; она продемонстрировала: 1) без чего в повседневной жизни можно более или менее обойтись, а без чего нельзя; 2) какие виды деятельности, действительно, вполне поддаются максимально безболезненному переводу на дистанционный формат, а какие нет; 3) наличие глубинных системных проблем в области обеспечения и защиты прав человека в России (то есть данные проблемы существовали и раньше, но именно пандемия осветила их с нового ракурса).

Большой интерес представляет проведенный А. Н. Рундквистом анализ и обобщение обширной практики Конституционного Суда РФ в сфере вопросов допустимости либо, наоборот, недопустимости ограничения прав и свобод человека, по итогам которого он составил перечень из тринадцати обязательных с точки зрения принципа справедливости требований к таким ограничениям: 1) ограничения могут устанавливаться лишь нормативным правовым актом, по юридической силе не уступающим федеральному закону; 2) ограничения должны быть в принципе допустимыми, то есть должны применяться к правам и свободам, не относящимся к абсолютным, иначе утрачивается само содержательное притязание на справедливость; к абсолютным относятся права и свободы, не подлежащие ограничению даже в условиях чрезвычайного положения и перечисленные в части 3

статьи 56 Конституции РФ; 3) недопустимо подменять понятием «ограничение» фактические отмену, умаление и иные приравненные к ним действия, приводящие к утрате правами и свободами их реального содержания; 4) ограничения, так как они опосредуют ухудшение правового положения людей, не должны иметь обратной силы; 5) ограничения обязаны преследовать только конституционно одобряемые цели, указанные в части 3 статьи 55 (защита основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства); 6) ограничения обязаны быть социально оправданными, то есть продиктованными реальными потребностями общества, причем именно общества как совокупности составляющих его свободных личностей, а не государственного аппарата; 7) ограничения должны быть действительно необходимыми; 8) ограничения обязаны подчиняться требованиям принципа равенства, 9) ограничения должны быть соразмерными (пропорциональными), то есть адекватными социально необходимому результату; 10) ограничения обязаны подчиняться требованиям принципа разумности; 11) ограничения должны основываться на принципе гуманизма и ориентироваться на благо человека, обеспечивать последнему достойную жизнь и свободное развитие; 12) ограничения должны согласовываться с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации; 13) ограничения обязаны отвечать требованиям принципа правовой определенности.

Как справедливо отмечает А. Н. Рундквист, важно, чтобы все перечисленные требования к ограничениям прав и свобод выполнялись в совокупности, и если хотя бы одно из них не соблюдается, то норма, предусматривающая соответствующие ограничения, уже может рассматриваться в качестве несправедливой. При этом невыполнение требований с первого по четвертое является, по сравнению с прочими, наиболее очевидным нарушением, поскольку автоматически лишает правовое регулирование каких-либо формальных и (или) содержательных притязаний на справедливость.

А. П. Семитко, д-р юрид. наук, профессор, декан юридического факультета, завкафедрой публичного права Гуманитарного университета, приглашенный профессор Университета Париж-Запад (Франция), старший научный сотрудник РАН, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, представил доклад на тему **«Кризис права, правовой культуры и прав человека?»**, в котором проанализировал отдельные аспекты конституционной реформы в России в 2020 г. через призму категории правового кризиса. Как отметил докладчик, данная категория в социальной науке разработана недостаточно и в итоге оказывается зависимой от исходных методологических установок и ценностных правовых ориентаций исследователя; всё это требует дополнительного внимания научной общественности к анализу данной категории как в целом, так и на материале таких важнейших исторических событий, как конституционная реформа 2020 г. в России.

Можно согласиться с А. П. Семитко в том, что о кризисе в праве, правовой традиции, в правовой системе, как и в области прав человека, пишут давно и практически почти постоянно. Только вопросы понимания таковых и их классификации, по его мнению, могли бы составить целое научное направление в кризисологии. Анализируя различные подходы к пониманию кризиса, докладчик задается следующим вопросом: можно ли отнести указанные события к кризису – резкому повороту, перелому – в российском праве и правовой культуре в целом, либо, напротив, принятие поправок есть завершение кризиса, который правовая система России переживала с начала 90-х годов прошлого века? Однако в любом

случае конституционная реформа 2020 г. закрепила юридически стратегию и тактику дальнейшего политико-правового развития страны.

Сравнивая разные исходные ценностные позиции в дискуссиях, А. П. Семитко делает вывод о том, что координаты и ориентиры каждого конкретного исследователя или практика приводят к разным выводам: для кого-то конституционно-правовые события 2020 г. – это правовой кризис, а для кого-то – его завершение и начало нового авторитарного этапа развития страны, и каждая из имеющихся точек зрения имеет право на существование.

Е. Ю. Старкова, ст. преподаватель кафедры европейского права и сравнительного правоведения Гуманитарного университета, и **С. И. Глушкова**, д-р полит. наук, завкафедрой прав человека Гуманитарного университета, представили доклад на тему **«К вопросу об изучении прав человека в университетском курсе иностранного языка»**, в котором отметили, что в условиях кризиса прав человека, правовой культуры, правовых ценностей особенно важно говорить, обсуждать, дискутировать с обучающимися о правах человека как универсальной ценности, о способах и механизмах защиты прав человека, рассматривать и анализировать проявления кризиса прав человека и проблемные ситуации, практические кейсы (судебную практику, решения договорных органов системы прав человека ООН и др.).

По мнению Е. Ю. Старковой и С. И. Глушковой, особое внимание обучающихся необходимо обращать на следующие важные для понимания сути прав человека аспекты: 1) права человека – это, по сути, щит, который защищает отдельного человека от произвола государства; 2) все глобальные проблемы, о которых размышляют обучающиеся (локальные войны, международный терроризм, экологические катастрофы, социальное неравенство, бытовое насилие), так или иначе концентрируются на проблеме прав человека; 3) права человека не существуют без его обязанностей; каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором происходит его развитие как личности, достоинство которой уважает общество и государство; 4) необходимость активного участия граждан в защите своих прав и свобод, в том числе реализации права на участие в управлении делами государства; 5) своевременные, системные, гарантированные соблюдение, обеспечение, защита прав человека помогают улучшить жизнь каждого из нас, сделать ее более безопасной и защищенной.

В целом дискуссия о кризисе прав человека как вызове обществу, культуре, человеку прошла достаточно активно, успешно, выступающие смогли не только представить тезисы своих докладов, но и ответить на вопросы широкого круга участников. Прозвучали предложения о необходимости продолжения обсуждений – кризиса права, правовых ценностей, правовой культуры, прав человека и идей демократии – в различных форматах и после завершения конференции, в том числе на научно-исследовательских семинарах магистрантов; на ставших традиционными теоретических семинарах по праву, правам человека и правовой культуре, которые на юридическом факультете на протяжении многих лет ведет декан, завкафедрой публичного права А. П. Семитко; а также на конференциях молодых ученых с участием магистрантов и аспирантов Гуманитарного университета.

Действительно, проблематика кризиса прав человека, тесно взаимосвязанная со многими другими кризисными явлениями в обществе и государстве, не может быть исчерпывающе обсуждена в рамках одной конференции и требует дальнейшего осмысления, анализа и выработки новых стратегий и тактик преодоления кризиса, безболезненного выхода из него без новых потерь и тяжелых потрясений.

Будущее, выход из кризиса прав человека – отнюдь не в новых формационных изобретениях, не в новых «измах» (капитализм – социализм – коммунизм и так далее), а в системном (без перерывов в настоящем и будущем времени, целых эпохах) прогрессивном развитии правовой культуры детей, молодежи, среднего и старшего поколений, фундаментальной основой которой является постоянная поддержка в обществе и государстве (прежде всего, в государственной политике) уважительного отношения к личности, достоинству каждого человека, защита личных, политических, экономических, социальных и культурных прав и свобод человека и гражданина.

Svetlana Igorevna Glushkova,

Dr. Sci. (Political Science), Professor, Head of Human Rights Chair,
Liberal Arts University – University for Humanities, Head of Russian
Political Science Association in the Sverdlovsk region (Yekaterinburg)

**A Debate on Human Right Crisis as a Challenge for Society, Culture, Man
(A Review of the Proceedings of the International Conference)**

Abstract. This review paper discusses reports and talks presented at the Law section of the international conference held by LAU – University for Humanities. Among others, the paper analyzes the following issues: a crisis of democratic ideas and human rights; human rights during the pandemic; boundaries of freedoms and human rights restrictions from the perspective of the principle of justice; a crisis of law, legal culture, and human rights.

Keywords: human rights; legal culture; human rights crisis; human rights generations; digital rights; human rights restrictions.

Качество высшего образования в цифровую эпоху: онлайн VS классическое образование

16 апреля 2021 года в рамках XXIII Международной научно-практической конференции «Кризисы нашего времени как вызов обществу, культуре, человеку» состоялся **круглый стол** на тему «**Качество высшего образования в цифровую эпоху: онлайн VS классическое образование**». Круглый стол проходил в смешанном режиме. Часть докладчиков и значительная часть участников круглого стола принимали участие в его работе лично. Использование цифровых технологий позволило присоединиться к работе докладчикам из Санкт-Петербурга, а также значительному количеству участников из Екатеринбурга и других городов России. Смешанный формат проведения круглого стола лишний раз подтвердил актуальность избранной организаторами конференции темы существования высшего образования в цифровую эпоху.

Модерировала круглый стол проректор по учебной работе Гуманитарного университета доктор юридических наук, профессор **З. А. Незнамова**. Открывая работу круглого стола, она отметила, что весной 2020 года вся система образования России, и не только России, столкнулась с серьезным вызовом, порожденным распространением пандемии COVID-19 и введенным в связи с этим обстоятельством локдауном. Этот вызов система образования приняла. В большинстве образовательных учреждений страны учебный процесс не прекратился, но перешел в Сеть. Во многом данный переход в дистанционное образование происходил спонтанно и сложно. Но даже итоговую аттестацию вузы смогли провести с применением дистанционных образовательных технологий. Возврат к локдауну и дистанционному обучению осенью 2020 года прошел уже более спокойно.

Однако с момента вынужденного широкого внедрения в образовательный процесс электронного и дистанционного обучения и до настоящего времени всеми участниками образовательного процесса, и не только ими, широко обсуждается вопрос о достоинствах и недостатках данного вида образования, причем нередко с прямо противоположными выводами. Одни называют дистанционное образование могилищиком всей системы образования начиная со школьного и заканчивая высшим. Другие полагают, что благодаря пандемии система образования России сделала качественный прорыв к переходу от устаревших форм и методов к современным и перспективным способам организации образовательного процесса, за которыми будущее. Однако и в том и в другом случае всех участников образовательного процесса (школьников, студентов, родителей, педагогов и преподавателей, а также организаторов образования) волнует вопрос о том, как дистанционное и электронное обучение сказывается на качестве образования и качестве подготовки будущих специалистов.

Именно этот вопрос и находился в центре нашего обсуждения в рамках круглого стола. Все его участники имеют опыт работы с применением дистанционных образовательных технологий – кто-то положительный, кто-то отрицательный, а кто-то и тот и другой. Коллеги щедро поделились этим опытом и высказали интересные суждения о качестве онлайн-образования в современных условиях.

* **Зинаида Александровна Незнамова**, д-р юрид. наук, профессор, проректор по учебной работе АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

Доктор культурологии, профессор, директор института образовательных стратегий г. Екатеринбурга **Ирина Яковлевна Мурзина** представила участникам круглого стола доклад на тему «Гуманитарное сопротивление в условиях цифровизации образования». Ее доклад был основан на материалах проведенного исследования системы образования в самый пик пандемии. Результаты исследования позволяют, по мнению автора, поставить неутешительный диагноз системе образования в этот период, который описывается в таких характеристиках, как «травма», «сегрегация», «цифровой концлагерь» и в конечном итоге «сопротивление». По словам докладчика, не только проводимые ими исследования, но и исследования, проведенные на пике пандемии ВЦИОМ и некоторыми другими институтами, свидетельствуют о крайне негативном отношении к происходящему в системе образования. И даже позитивные высказывания некоторых экспертов не вызвали оптимизма у участников образовательного процесса.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод, что как для обучающихся, так и для обучаемых переход на дистанционное образование породил ситуацию травмы. Вторая ситуация, которая возникла в этот период, – это мобилизация. В условиях угрозы основным ценностям системы образования педагогическое сообщество, родительское сообщество вынужденно мобилизовало свои силы, педагогические и человеческие ресурсы.

Результатом этого стало гуманитарное сопротивление – это форма стихийного ненасильственного протеста, одним из аспектов которого является желание возврата к традиционным педагогическим практикам и классическому образованию. Люди воспринимают онлайн-образование как угрозу качеству образования и, в конечном итоге, как угрозу будущему страны.

Заведующий кафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета доктор политических наук, профессор **Сергей Григорьевич Корконосенко** в своем выступлении отметил, что дистанционное образование стало модной темой. Его обсуждают все и на всех уровнях, забывая за этой новой модной волной другие проблемы системы образования. Мы не говорим о том, насколько наше образование соответствует запросам практики, насколько устарели наши учебники и учебные пособия, насколько наши студенты не готовы к изменениям, которые происходят в современном образовании. Между тем в других странах всеобщее увлечение дистанционным образованием уже в прошлом. Признано, что оно хорошо для системы дополнительного профессионального образования, для обучения взрослых. Что касается системы гуманитарного образования, то очное общение со студентами в аудитории – это универсальное правило.

Поддерживая выступление И. Я. Мурзиной, Сергей Григорьевич отметил, что у гуманитарного сопротивления есть еще один фронт. Это административное ликование органов управления образованием по поводу дистанционного образования. По мнению выступающего, педагогическое сообщество должно сопротивляться намерениям органов управления образованием как в целом в стране, так и в отдельных вузах сделать дистанционное образование постоянной и всеобщей практикой.

Выступление доктора психологических наук, доцента, члена-корреспондента РАО, декана факультета социальной психологии Гуманитарного университета **Ольги Юрьевны Зотовой** было посвящено двум вопросам. Во-первых, она представила результаты проведенного факультетом исследования психологического состояния населения, в том числе обучающихся и их родителей, а также педагогов в период пандемии. Исследование показало существенную разницу между психологическим и эмоциональным состоянием исследуемых весной и осенью 2020 г.

Если весной оно характеризовалось состоянием тревожности и даже депрессивности, то осенью психологическое состояние заметно улучшилось, а эмоциональное состояние практически пришло в норму. В то же время исследование показало возрастание уровня недоверия в обществе ко многим проблемам: официальной статистике заболеваемости ковидом, необходимости или желательности вакцинации, дистанционным образовательным технологиям в этом контексте. И с этим состоянием недоверия следует работать очень серьезно, и не только психологам.

Кроме этого, О. Ю. Зотова высказала свое мнение относительно применения дистанционного образования вообще и в подготовке психологов в частности. По ее мнению, образование должно решать несколько задач. Первая – дать знания. Решение этой задачи возможно с помощью электронных и дистанционных образовательных технологий. В некоторых случаях они будут даже более информативными, удобными для восприятия и эффективными с точки зрения передачи информации. Вторая задача – сформировать навыки. Решение этой задачи в дистанционном режиме невозможно. И это верно как для системы школьного образования, так и высшего. Наконец, очень важная задача образования – социализация человека. Решение этой задачи возможно только при очном общении, в обществе. Дистанционное образование в этом случае носит разрушительный характер.

По мнению докладчицы, онлайн-образование не допустимо ни в школе, ни в высшем образовании на уровне бакалавриата. Психологи отмечают, что в настоящее время в бакалавриате обучаются в основном социально незрелые люди, не в полной мере способные к самоорганизации и не имеющие достаточной мотивации. На этих уровнях онлайн-технологии возможны только как дополнение к традиционному обучению. Дистанционное образование применимо при обучении взрослых, в магистратуре, аспирантуре, дополнительном образовании.

Доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой телерадиожурналистики Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета **Марина Александровна Бережная** в своем выступлении остановилась на некоторых результатах работы в рамках научно-педагогического проекта **«Культура понимания в журналистике современной России»**, который реализуется в Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета. Эксперты, работающие в рамках данного проекта, отметили, что главной ценностью журналистского образования в России является широкая гуманитарная подготовка. К сожалению, наступление на нее началось не с введения дистанционного образования, а ранее, с сокращения часов, отводимых на курсы философии, истории, литературы, с переходом на тестовую оценку знаний студентов по данным мировоззренческим дисциплинам. Перевод на онлайн продолжает эту политику сокращения гуманитарной подготовки журналистов. Не все вузы готовы были создавать собственные онлайн-курсы и вынужденно стали использовать чужие курсы. Эта унификация привела и будет приводить далее к потере уникальности университетских школ журналистики, что также важно для подготовки журналистов. Использование чужих курсов, необходимость перезачета дисциплин, изученных студентами в рамках академической мобильности в других университетах, приводит к разрушению целостности учебных планов. На месте продуманных и концептуальных программ подготовки журналистов появляется своеобразный «шведский стол», который также не добавляет качества подготовки журналистов.

Как отметила в своем выступлении модератор круглого стола, преподаватели всех факультетов и направлений подготовки весной 2020 года испытали серьезные трудности с переводом студентов на дистанционное обучение. Но для некоторых факультетов Гуманитарного университета эти сложности были куда более серьезными, что было связано с особенностями подготовки студентов на данных

направлениях. Сказанное относится к подготовке психологов, значительная часть занятий у которых проходит в форме тренингов, у журналистов, где только при очном обучении можно научить студентов снимать видео, монтировать аудио и видеоматериалы. Факультет конструирования и моделирования одежды никак не может научить студентов шить, кроить и конструировать изделия дистанционно. Но в Гуманитарном университете есть факультет современного танца, где дистанционное обучение представлялось вообще невозможным.

В этой связи очень интересным и насыщенным было выступление кандидата культурологии, заместителя декана факультета современного танца Гуманитарного университета **Нatalьи Валерьевны Курюмовой**. Она отметила, что факультет испытал в период локдауна особые сложности. Они объяснялись не только необходимостью очного присутствия студентов в классе. Были очень серьезные сложности с техническим оснащением как студентов, так и преподавателей, поскольку для общения со студентами данного направления просто телефон или компьютер недостаточны. Необходима специальная техника, звук, свет и аппаратура, чтобы снимать танец. Кроме того, необходимы помещения, в которых можно было бы танцевать. Большинство помещений, где пребывали студенты и преподаватели, не давали такой возможности. И тем не менее творчество, фантазия и креативность преподавателей и студентов позволили справиться с большей частью трудностей.

Далее Н. В. Курюмова продемонстрировала несколько видеофрагментов занятий по танцу, экзамена по танцу и фрагменты итоговых постановок выпускников факультета, которые они представили в онлайн-режиме на итоговой аттестации. Видео с большим интересом и энтузиазмом были восприняты участниками круглого стола. В заключение Наталья Валерьевна отметила, что, несмотря на представленные результаты, в целом оценивает опыт онлайн-технологий при подготовке танцоров как в основном негативный. Связано это с невозможностью тактильных ощущений, которые просто необходимы для танца, ограниченностью технических и пространственных возможностей, значительным увеличением трудоемкости образовательного процесса как для студентов, так и для преподавателей, невозможностью коллективного творчества. Поэтому, несмотря на положительный опыт работы в онлайн, не хотелось бы, чтобы этот опыт пришлось повторять. При подготовке танцоров заменить классическое образование онлайн-технологиями невозможно.

Своим опытом поделилась также старший преподаватель факультета современного танца **Анна Сергеевна Полякова**, которая разработала проект виртуальной фольклорной экспедиции как способ преподавания дисциплины «Народный сценический танец» в дистанционном режиме. Студенты должны были описать историю происхождения того или иного вида народного танца, описать область России или другого государства, где этот танец возник и сформировался, а затем продемонстрировать данный танец. Как отметила Анна Сергеевна, труднее всего было мотивировать студентов. Но мотивация появилась также благодаря использованию цифровых технологий. Качество материала существенно выросло, когда преподаватель стал выкладывать присланные материалы в социальные сети.

Участники круглого стола высоко оценили творческий подход Анны Сергеевны и ее педагогический подвиг, одновременно отметив, что данный прием возможен лишь при ограниченном количестве обучающихся и вряд ли может быть использован в широких масштабах.

В рамках круглого стола своим опытом и восприятием дистанционного обучения поделились бывшие и нынешние студенты факультета журналистики и медиакоммуникаций Артем Абрамов и Элина Аранбицкая. Артем сказал, что к системе дистанционного обучения он привык еще в школе, поскольку заканчивал ее

в период локдауна, поэтому никаких сложностей или трудностей с дистанционными технологиями в вузе не испытал, а недостаток живого общения не ощущает, так как большинство его коллег общаются также в онлайн. Элина присоединилась к его мнению и отметила, что для большинства студентов переход на онлайн-технологии сложностей не вызвал.

Следует отметить, что данные суждения студентов вызвали озабоченность преподавателей, принимающих участие в работе круглого стола. По их мнению, перевод общения в Сеть и отсутствие потребности в живом общении являются тревожным симптомом.

Проректор по учебной работе Гуманитарного университета, профессор **З. А. Незнамова** в своем выступлении остановилась на проблеме организации контроля за качеством знаний студентов в условиях дистанционного образования. Цифровые технологии предоставляют студентам практически безграничные возможности для списывания как при проведении текущих форм контроля за подготовкой студентов, так и при проведении экзаменов, зачетов. Особенно остро эта проблема встала при проведении государственной итоговой аттестации выпускников 2020 года. Многие направления подготовки именно по этой причине отказались от проведения государственного экзамена, оставив в рамках итоговой аттестации только защиту выпускной квалификационной работы. Некоторые преподаватели при проведении промежуточной аттестации и отдельные направления подготовки при проведении итоговой аттестации вынужденно искали другие пути и способы осуществления контроля за качеством полученных знаний, навыков и умений. В частности, юристы перешли на проведение экзаменов с помощью кейс-технологий. Но даже в этом случае это не спасло от списываний ответов и иных форм обхода преподавательского контроля. В связи с этим, по мнению выступающей, одним из самых серьезных недостатков дистанционного обучения является невозможность объективного контроля за качеством подготовки обучающихся при проведении текущего контроля, промежуточной и итоговой аттестации.

Выступая в дискуссии, профессор кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры, доктор культурологии **Маргарита Юрьевна Гудова** отметила, что опыт работы вузов в системе дистанционного образования стал не только травмирующим, но и вдохновляющим. Это подтвердили сегодня выступления на круглом столе. Тот опыт, который демонстрировали преподаватели Гуманитарного университета, выступающая отметила как становление педагогики будущего, педагогики сотрудничества.

В дискуссии также приняли участие профессор кафедры хореографического искусства и художественной культуры факультета современного танца Гуманитарного университета, доктор философских наук **Галина Андреевна Брандт** и преподаватель иностранного языка Гуманитарного университета **Елена Юрьевна Старкова**.

В заключение модератор круглого стола профессор З. А. Незнамова выразила надежду большинства его участников на то, что подобный опыт тотального дистанционного образования более не повторится. Вузы и другие образовательные организации смогут в будущем найти удачное сочетание классического и дистанционного образования. Организаторы круглого стола и его участники отметили необходимость взаимного обмена опытом работы в условиях дистанционного образования и выразили надежду на дальнейшее обсуждение проблемы качества высшего образования в цифровую эпоху на будущих встречах.

Zinaida Aleksandrovna Neznamova,

Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Academic Affairs,
Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg).

**The Quality of Higher Education in the Digital Era:
Online vs. Classical Education**

Требования к оформлению и порядку представления статей в журнал «Вестник Гуманитарного университета»

«Вестник Гуманитарного университета» включен в **Российский индекс научного цитирования** (лицензионный договор № 136-03/2014). Журнал размещается в РИНЦ на сайте Научной электронной библиотеки постатейно (**полные тексты в открытом доступе**).

Журнал принимает к публикации теоретические, научно-методические, научно-практические статьи по следующим наукам:

- Экономика
- Юриспруденция
- Философия

К изданию преимущественно принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся. Если статья создана на основе какого-либо научного исследования (диссертации), это необходимо указать в ссылке.

Требования к оформлению материалов

- Текстовый редактор Word 2003–2007, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 12, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 0,7 см; поля: сверху, снизу – 2 см, слева, справа – 3 см.
- Объем статьи до 40 000 знаков (с пробелами, включая сноски).
- Ссылки на литературу помещаются в квадратных скобках с указанием номера источника в списке литературы и номера страницы (например, [2, с. 15]); список литературы (в алфавитном порядке) – в конце статьи, оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».
- Таблицы представляются в формате Word. Таблицы в тексте должны нумероваться и иметь заголовки, размещенные над полем таблицы.
- Иллюстративные материалы принимаются только в черно-белых тонах.

ОБЯЗАТЕЛЬНО УКАЖИТЕ СЛЕДУЮЩИЕ СВЕДЕНИЯ:

- **На русском и английском языках** приводятся:
 - **название статьи;**
 - **сведения об авторах:**
фамилия, имя, отчество **полностью;**
ученая степень, ученое звание, должность;
место работы – **полное название организации;**
контактная информация: адрес электронной почты (*укажите, согласны ли Вы опубликовать его*), телефон;
 - **аннотация** (150–250 слов);
 - **ключевые слова** (5–6 слов или словосочетаний).

Журнал рецензируемый. Все материалы проверяются на наличие заимствований через систему «Антиплагиат». Текст рукописи должен содержать более 70 % оригинального текста. Автор может представить рецензию на статью специалиста в данной области знания (доктора или кандидата наук), что не исключает дополнительного рецензирования. **Для магистрантов и аспирантов** необходим отзыв-рекомендация научного руководителя или представление профильной кафедры.

Рецензию, рекомендацию или представление необходимо заверить подписью и печатью организации и представить в редакцию (лично либо отсканированный вариант по электронной почте).

Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.

К изданию принимаются материалы, подлежащие открытой публикации. Автор(ы) должны письменно выразить согласие на размещение материалов в открытом доступе (на сайте журнала, в системе РИНЦ и других базах данных), указывая «согласен(на) на размещение материалов в открытом доступе» в письме либо в конце текста статьи.

Приветствуются работы, в которых содержатся ссылки на материалы, опубликованные в «Вестнике Гуманитарного университета».

Публикации бесплатные. Авторский гонорар не выплачивается.

Статьи направляются на электронный адрес редакции ektbriogu@mail.ru с указанием в теме письма «Вестник ГУ, область наук», например «Вестник ГУ, экономика». При успешном рецензировании редакция высылает автору ответ о приеме статьи в определенный номер журнала.

Редакция оставляет за собой право не публиковать статью или рекомендовать ее доработку с учетом замечаний. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной форме. Материалы, переданные в редакцию, не возвращаются.

Периодичность издания – 4 номера в год.

Сроки представления материалов к публикации:

№ 1 – до 1 февраля

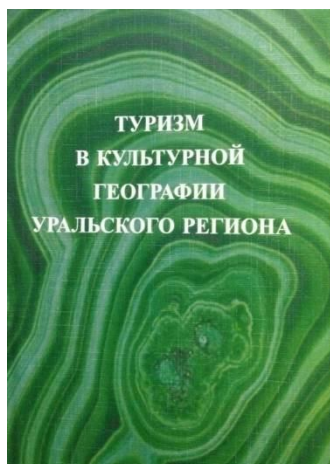
№ 2 – до 1 мая

№ 3 – до 1 августа

№ 4 – до 1 ноября

Адрес редакции: г. Екатеринбург, ул. Железнодорожников, д. 3, к. 207,
тел. (343) 305-50-71.

**Приглашаем Вас опубликовать свои работы
в «Вестнике Гуманитарного университета»!**

Туризм в культурной географии Уральского региона : монография / Л. А. Мясникова, С. А. Рамзина, О. Ю. Зотова [и др.] ; под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. Л. А. Мясниковой. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2017. – 362 с.

ISBN 978-5-7741-0269-3

В монографии представлены две основные линии анализа: культурная география Урала как «методологическая сетка» и «питающая среда», в которой развивается региональный туризм; виды и направления туризма, наиболее характерные для региона и способные влиять на его культурно-географические образы.

Рекомендуется специалистам – практикам и теоретикам туризма, гостеприимства, краеведам, регионоведам, культурологам, культурным антропологам.

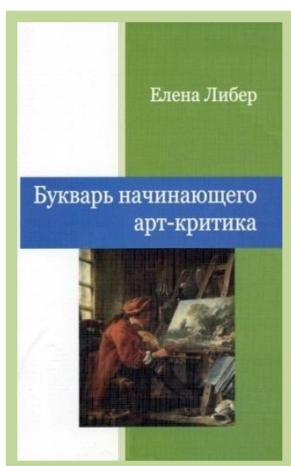

Мясникова Л. А., Шайгарданова Н. Л.

Советский Эдем : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2016. – 209 с.

ISBN 978-5-7741-0264-8

В монографии осуществляется анализ советского парка культуры и отдыха. Советский парк представлен как культурный феномен, являющийся вариацией городского публичного парка, как звено культурно-исторической трансформации садов и парков. Вместе с тем парк культуры и отдыха является воплощением советского идеологического проекта по формированию нового человека и нового общества. Для авторов парк – идеальное место человека, попытка вернуться в утерянный рай, но понятый по-советски. Изменение советской культуры, идеологии, общества соотносятся с пространственно-смысловыми изменениями парка. История парка предстает как зеркало истории страны. Монография будет интересна философам, культурологам, историкам, а также специалистам по социально-культурным практикам организации досуга, туризма, арт-проектирования и др.

Либер Е.

Букварь начинающего арт-критика : учебное пособие. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2015. – 214 с.

ISBN 978-5-7741-0231-0

Учебное пособие «Букварь начинающего арт-критика» охватывает основные формы профессиональной деятельности историка искусства и арт-критика: визуальное исследование, анализ, интерпретацию и оценку произведения искусства. Пособие учит понимать визуальные искусства, писать о них эссе, обзоры и исследовательские работы; знакомит с современными теориями искусства и методологией анализа произведений искусства. Пособие обращено к студентам высшим учебных заведений, изучающим визуальные искусства, а также к студентам-журналистам, специализирующимся в области культурной журналистики. Оно также содержит полезные рекомендации для преподавателей-инструкторов, в том числе рабочую программу практикума «Как писать об искусстве?»

Границы искусства и территории культуры : сб. науч. ст. / сост. и науч. ред. Л. А. Закс, Т. А. Круглова. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина : Гуманитарный университет, 2013. – 261 с.

ISBN 978-5-7741-0220-4

Авторы статей – философы и культурологи продолжают исследование специфики современной художественности, начатое в сборнике «Онтология искусства» 2005 года. В настоящем сборнике представлен итог работы серии теоретических семинаров, в центре которых традиционно центральная проблема философской эстетики – природа искусства – исследуется сквозь призму концепта «границы». Идея подобного подхода принадлежит известному российскому эстету А. Ф. Еремееву. В книге обобщаются методологические поиски внутренних границ искусства: показана неисчерпаемость классической парадигмы философии искусства, а также предлагаются к обсуждению новые концепции на базе освоения опыта современной западной и отечественной философии искусства, осмысливается трансформация художественной онтологии под влиянием новых культурных феноменов постиндустриального общества: электронных медиа, компьютерных игр, рекламы. Сборник адресован исследователям искусства и культуры (эстетикам, искусствоведам, филологам), преподавателям и студентам, всем, кто интересуется искусством, его сложным «устройством» и существованием.

Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1600–1850. Екатеринбург : У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2005. – 640 с. : 947 ил.

ISBN 5-94799-423-2

Книга представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание 200 опер – большинство из них малоизвестны в России, – комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, именные указатели. Прилагается компакт-диск с записями фрагментов важнейших сочинений.

«Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для широкого круга читателей.

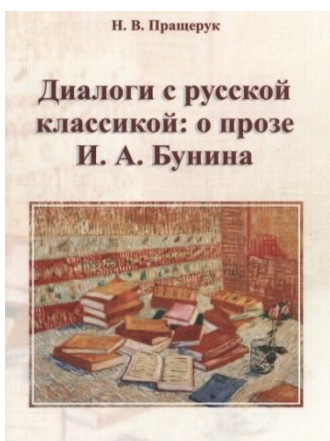
Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1851–1900. Екатеринбург : Антверта (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2012. – 616 с. : 688 ил.

ISBN 978-5-905148-06-4

Книга продолжает издание *авторской* энциклопедии, начатое в 2005 («Хроника мировой оперы. 1600–1850»). Она представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание, увлекательный комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, именные указатели. «Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для самого широкого круга читателей.

Пращерук Н. В.

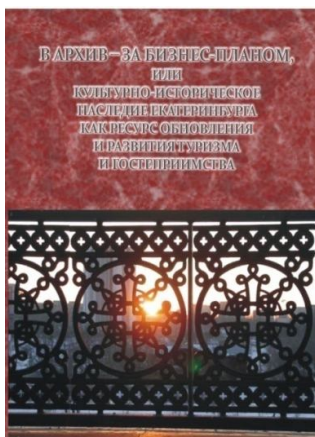
Диалоги с русской классикой: о прозе И. А. Бунина : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2012. – 144 с.

ISBN 978-5-7741-0187-0

В монографии исследуется диалогический потенциал прозы И. А. Бунина (1870–1953). Опираясь на идеи философскокоммуникаторов XX века – М. Бубера, К. Ясперса, М. Бахтина, В. Библера и др., автор показывает, как в художественной практике писателя выстраивается диалогический способ общения с русской литературной классикой XIX века.

На материале произведений 1910–1940-х годов исследуются конкретные межтекстовые связи, механизмы взаимодействия художников, специфика и предмет диалога Бунина с предшественниками. Выявляется, как соединяются в творчестве писателя определенность авторского видения и желание услышать голос собеседника.

Книга адресована преподавателям, студентам, изучающим эстетику, культурологию, теорию и историю литературы, а также мировоззренческие и методологические основы гуманитарных наук.

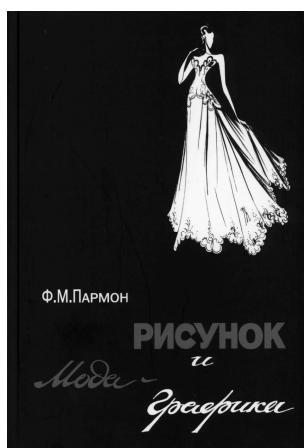
В архив – за бизнес-планом, или Культурно-историческое наследие Екатеринбурга как ресурс обновления и развития туризма и гостеприимства : колл. монография /

Л. А. Мясникова, С. Ю. Каменский, С. А. Рамзина [и др.]; под общ. ред. проф., д-ра филос. наук Л. А. Мясниковой. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2011. – 368 с. : цв. фото.

ISBN 978-5-7741-0165-8

Одна из первых монографий, в которой исследуются возможности использования культурно-исторического наследия для развития туризма и гостеприимства Екатеринбурга.

Рекомендуется специалистам-практикам и теоретикам социально-культурного сервиса и туризма, краеведам, регионаледам, культурологам.

Пармон Ф. М.

Рисунок и мода-графика : учебник для вузов. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2002. – 256 с. ил.

ISBN 5-901527-14-3

В книге излагается изобразительная грамота, рассматривается рисунок как наиболее быстрое и подвижное средство выражения творческой мысли художника. Большое внимание уделяется специальной художественной графике – мода-графике, составлению многопредметных художественно-графических композиций на основе предварительных зарисовок фигур человека в костюме или группы предметов/натюрморт/.

Основное внимание уделяется рисованию фигуры человека. Оригинальность издания заключается также в изложении изобразительной грамоты и мода-графики впервые с учетом направленности и специфики подготовки специалистов.

Для студентов вузов, а также колледжей, техникумов, училищ.

**По вопросам приобретения книг обращайтесь
в редакционно-издательский отдел Гуманитарного университета.**

E-mail: ektbriogu@mail.ru

МАГИСТРАТУРА

Прием на обучение по программам магистратуры на 2021/2022 год
проводится по следующим направлениям:

- **Психология (37.04.01)**
- **Экономика. Управленческая экономика и стратегия бизнеса (38.04.01)**
- **Экономика. Финансы и кредит (38.04.01)**
- **Юриспруденция (40.04.01)**

Срок обучения в магистратуре составляет:

2 года на очной форме;

2,6 года на очно-заочной и заочной форме

(2,5 года по очно-заочной и заочной форме (Юриспруденция))

Подготовка магистров осуществляется:

- за счет ассигнований федерального бюджета;
- на платной основе

Количество бюджетных мест на 2021/2022 учебный год:

- **Психология (37.04.01)**
очно-заочная форма – 6 мест
- **Экономика:**
профиль Управленческая экономика и стратегия бизнеса (38.04.01)
профиль Экономика. Финансы и кредит (38.04.01)
очная форма – 5 мест;
заочная форма – 4 места
- **Юриспруденция (40.04.01)**
очно-заочная форма – 11 мест

Прием документов

(паспорт, документ о высшем образовании, 4 фото 3×4)

проводится в следующие сроки:

бюджет

- все формы обучения – с 1 июня по 16 августа 2021 года

внебюджет

- очная форма – с 1 июня по 26 августа 2021 года
- очно-заочная и заочная форма – с 1 июня по 25 октября 2021 года

Вступительные испытания для поступления в магистратуру:
тестирование профильной направленности

АСПИРАНТУРА

В аспирантуру Гуманитарного университета на конкурсной основе, на обучение по образовательным программам высшего образования – программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре, принимаются граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства, имеющие высшее профессиональное образование на уровне дипломированного специалиста или магистра.

**Прием в аспирантуру Гуманитарного университета
в 2021/2022 учебном году
ведется по следующим направлениям:**

- Психологические науки (37.06.01)
- Экономика (38.06.01)
- Юриспруденция (40.06.01)
- Философия, этика и религиоведение (47.06.01)
- Культурология (51.06.01)
- Политические науки и регионоведение (41.06.01)
- Социологические науки (39.06.01)

Срок обучения в аспирантуре составляет:
3 года на очной форме;
4 года на заочной форме

*Подготовка аспирантов осуществляется
на платной основе*

Прием документов

(паспорт, документ о высшем образовании, 4 фото 3×4)

проводится в следующие сроки:

- очная форма – с 1 июня по 17 сентября 2021 года;
- заочная форма – с 1 июня по 19 октября 2021 года

Вступительные испытания (*проводятся на русском языке*):

- очная форма – 20–22 сентября 2021 года
(23 сентября – резервный день);
- заочная форма – 20–22 сентября 2021 года,
20–22 октября 2021 года (23 октября – резервный день)

Экзамены на все направления, кроме «Юриспруденции» (компьютерное тестирование), проводятся в устной форме

ПРИЕМНАЯ КОМИССИЯ

г. Екатеринбург, ул. Железнодорожников, 3, к. 111а,
тел.: (343) 305-50-74

Часы работы: пн.–пт. с 10.30 до 18.00

Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации. Точки зрения авторов статей и редакции могут не совпадать.

Н а у ч н о е и з д а н и е

**Вестник Гуманитарного университета
2021. № 2 (33)**

Главный редактор Л. А. Закс

Редактор С. В. Фельдман
Переводчик Н. Н. Шабалова
Оригинал-макет Ю. Л. Ракульцева

Знак информационной продукции
(в соответствии с Федеральным
законом № 436-ФЗ от 29.12.2010)

Подписано в печать 25.06.2021.
Дата выхода в свет 30.06.2021.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 10,05. Усл. п. л. 15,6
Тираж 100 экз. Заказ № 467

Гуманитарный университет
620041, г. Екатеринбург,
ул. Железнодорожников, 3.
Лицензия № 2114 от 26.04.2016

Отпечатано с оригинал-макета
в копировальном центре
Гуманитарного университета
620041, г. Екатеринбург,
ул. Железнодорожников, 3